

ВЕСТНИК

**Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института**

2024

№ 2

Москва
2024

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета –
Московского архитектурно-строительного института

HERALD

of the Moscow University
of Information Technologies –
Moscow Architectural
and Construction Institute

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС77-71685 от 23.11.2017 г.

ISSN 2619-046X

№ 2 / 2024

Издается с 2017 г.

Выходит 4 раза в год

Учредитель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Издатель:

Автономная некоммерческая
организация высшего образования
«Московский информационно-
технологический университет –
Московский архитектурно-строительный
институт»

Адрес редакции:

117447, г. Москва, ул. Введенского,
д. 1 «А»

Адрес издателя:

109316, г. Москва, Волгоградский
проспект, д. 32, корп. 11

Интернет-адрес:

<http://mitu-masi.ru/>

E-mail: Semenova.D@mfua.ru,

Bessarabova.N@mfua.ru

Подписку на печатную версию издания мож-
но оформить на сайте АО «Почта России»

<https://podpiska.pochta.ru>

Подписной индекс ПБ544

Отдел рекламы и подписки:

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

Главный редактор

Г.А. Забелина

кандидат педагогических наук, доцент,
президент Московского информационно-
технологического университета – Московского
архитектурно-строительного института

Редакционная коллегия:

Строительство и архитектура

доктор технических наук, профессор Т.В. Колесникова

доктор технических наук, профессор В.М. Овсянников

доктор физико-математических наук, профессор

А.А. Локтев

доктор технических наук, доцент В.П. Сычев

доктор технических наук, профессор Г.И. Ефремов

доктор архитектуры, профессор В.В. Пищулина

доктор архитектуры, профессор А.В. Крашенинников

кандидат архитектуры, доцент Е.А. Булгакова

кандидат архитектуры, профессор Л.В. Петрова

кандидат архитектуры, доцент М.Ф. Уткин

кандидат архитектуры, доцент Г.И. Быкова

кандидат архитектуры, доцент Г.И. Наумкин

кандидат архитектуры, доцент О.В. Косточкина

кандидат архитектуры, доцент Н.В. Дубынин

Филология

доктор педагогических наук, профессор З.И. Курцева

доктор филологических наук, профессор Н.Н. Соловьева

доктор филологических наук, профессор С.П. Толкачев

доктор педагогических наук, доцент В.Д. Янченко

доктор филологических наук, профессор Н.Н. Запольская

доктор филологических наук, профессор С.В. Сапожков

доктор филологических наук, доцент П.В. Морослин

кандидат педагогических наук, доцент Н.Н. Ширяева

кандидат филологических наук, доцент С.В. Левичева

кандидат филологических наук О.В. Афанасьева

Психология

доктор психологических наук, профессор А.К. Осницкий

доктор медицинских наук, профессор М.М. Аксенов

доктор психологических наук Е.А. Бауэр

кандидат психологических наук, доцент Т.В. Гольцова

кандидат психологических наук, доцент Е.В. Омельчанко

кандидат психологических наук, доцент Е.Л. Бокуть

кандидат психологических наук, доцент А.Л. Рассказова

Ответственные редакторы:

кандидат исторических наук, доцент

Н.В. Бессарабова

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1135

E-mail: Bessarabova.N@mfua.ru

Д.А. Семёнова

Тел. (499) 979-00-99, доб. 1134

E-mail: Semenova.D@mfua.ru

© Московский информационно-технологический
университет – Московский архитектурно-
строительный институт, 2024

Содержание

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

<i>Ю.В. Анисимов, С.С. Величковская</i> Экологическая составляющая устойчивого формирования терминалов аэропортов местных авиалиний.....	7
<i>Е.А. Дьячкова</i> Игры, вплетенные в ткань города.....	15
<i>Е.П. Паутова, Е.А. Булгакова</i> Особенности формирования индивидуального стиля и территориального бренда города Коломны	21
<i>Е.К. Салатов</i> Повышение достоверности результатов технического обследования зданий и сооружений	31
<i>А.Н. Громыко, Е.М. Цимлянская</i> Научно-методический подход в реализации теоретико-экспериментальных исследований потенциально новых трубчатых энергопоглощающих устройств систем ударозащиты строительных конструкций зданий и сооружений.....	37

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

<i>Л.Ю. Аристова</i> «Славянская идея» и путешествие И.И. Срезневского по славянским землям в 1839–1842 годах	54
<i>К.А. Фурсов</i> «Пред высоким даром твоим...»: Поэтическая традиция описания возлюбленных в «Персидских мотивах» С.А. Есенина	62
<i>В.В. Никульцева</i> Лингвопоэтический анализ стихотворения Антонина Ладинского «Элегия» (1933).....	72
<i>Е.В. Казакова</i> Социальная проблематика очерков М. Горького о кинематографе в историческом контексте	76
<i>С.В. Гусарова</i> Развитие жанровых традиций усадебного романа в истории литературы XX в.	83
<i>Д.Ю. Сырысева</i> Специфика психологизма в романе А. Нури «Глоток мертвой воды».....	94

Т.И. Бочарова, А.И. Михайлова
Жанровые признаки пресс-релиза
(на материале текстов газеты «Транспорт России») 103

Е.В. Бурняшева, В.Ю. Кузнецова
Лингвопрагматические факторы формирования антагонистичной риторики
в условиях информационной войны (на материале выступлений Д. Трампа) 111

В.И. Миколайчик, В.В. Белоконь
Состав и иерархия базовых аспектуальных сем:
опыт аргументированного предложения одной версии 117

ПСИХОЛОГИЯ

О.Н. Комарова, А.Л. Рассказова
Показатели групповой сплоченности в спортивных командах
разного уровня профессионализма 130

Н.С. Архипов
Модель формирования экипажей летного состава гражданской авиации
с учетом индивидуально-психологических особенностей 139

Д.В. Мацаев
Стыд и вина как один из аспектов заниженной самооценки 147

Приглашение к публикации 154

Contents

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

<i>Yu.V. Anisimov, S.S. Velichkovskaya</i> Environmental component of sustainable development of airport terminals for local airlines	7
<i>E.A. Diachkova</i> Games woven into the fabric of the city.....	15
<i>E.P. Pautova, E.A. Bulgakova</i> Features of the formation of an individual style and territorial brand of the city of Kolomna.....	21
<i>E.K. Salatov</i> Increasing the reliability of the results of technical inspection of buildings and structures	31
<i>A.N. Gromyko, E.M. Tsimlyanskaya</i> Scientific and methodological approach in the implementation of theoretical and experimental studies of potentially new tubular energy-absorbing devices for shock protection systems of building structures of buildings and facilities	37

LINGUISTICS

<i>L.Yu. Aristova</i> «The Slavic idea» and the journey of I.I. Sreznevsky across the Slavic lands in 1839–1842.....	55
<i>K.A. Fursov</i> «Before your lofty gift...»: Poetic tradition of describing lovers in «Persian Motifs» by Sergei Yesenin	62
<i>V.V. Nikultseva</i> Linguistic and poetic analysis of Antonin Ladinsky's poem «Elegy» (1933)	72
<i>E.V. Kazakova</i> Social issues of M. Gorky's essays on cinema in a historical context.....	76
<i>S.V. Gusarova</i> The development of genre traditions of the manor novel in the history of literature of the twentieth century	83
<i>D.Yu. Syryseva</i> Specifics of psychologism in A. Nuri's novel «A Sip of Dead Water»	94
<i>T.I. Bocharova, A.I. Mikhailova</i> Genre features of the press release (based on the texts of the newspaper «Transport of Russia»).....	103

E.V. Burnyasheva, V.Yu. Kuznetsova
Linguistic and pragmatic factors in the formation of antagonistic rhetoric
in the context of an information war (based on the speeches of D. Trump)111

V.I. Mikolajchik, V.V. Belokon
The composition and hierarchy of the basic aspectual semes:
the experience of a reasoned proposal of one version 117

PSYCHOLOGY

O.N. Komarova, A.L. Rasskazova
Indicators of group cohesion in sports teams of different levels of professionalism..... 130

N.S. Arkhipov
Model for the formation of civil aviation flight crews, taking into account
individual psychological characteristics 139

D.V. Matsaev
Shame and guilt as one of the aspects of low self-esteem 147

The invitation to the publication 154

СТРОИТЕЛЬСТВО И АРХИТЕКТУРА

CONSTRUCTION AND ARCHITECTURE

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 7–14.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. С. 7–14.

Научная статья

УДК 725.39

doi:10.52470/2619046X_2024_2_7

Экологическая составляющая устойчивого формирования терминалов аэропортов местных авиалиний

Юрий Владиславович Анисимов¹,
Светлана Сергеевна Величковская²

^{1,2} Национальный исследовательский Московский государственный строительный университет (НИУ МГСУ), г. Москва, Россия

¹ anisimov-u@yandex.ru

² flowerrain03@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются экологические приемы устойчивого формирования здания терминала аэропорта местных авиалиний. На ряде примеров зарубежной практики рассматривается опыт использования современных подходов для достижения эффективных и экологичных архитектурно-пространственных решений устойчивого развития терминалов аэропортов местных авиалиний. Выявлены наиболее успешные приемы реализации экологических задач в архитектуре терминалов.

Ключевые слова: терминал, аэропорт, местные авиалинии, устойчивое развитие, устойчивая архитектура

Для цитирования: Анисимов Ю.В., Величковская С.С. Экологическая составляющая устойчивого формирования терминалов аэропортов местных авиалиний // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 7–14. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_7.

© Анисимов Ю.В., Величковская С.С., 2024

Original article

Environmental component of sustainable development of airport terminals for local airlines

Yuri V. Anisimov¹, Svetlana S. Velichkovskaya²^{1,2}National Research Moscow State Civil Engineering University (NRU MGSU), Moscow, Russia¹ anisimov-u@yandex.ru² flowerrain03@mail.ru

Abstract. This article discusses environmental practices for the sustainable formation of a local airline airport terminal building. The article, based on a number of examples of foreign practice, examines the experience of using modern approaches to achieve effective and environmentally friendly architectural and spatial solutions for the sustainable development of airport terminals of local airlines. The most successful methods for implementing environmental objectives in terminal architecture have been identified.

Keywords: terminal, airport, local airlines, sustainable development, sustainable architecture

For citation: Anisimov Y.V., Velichkovskaya S.S. Environmental component of sustainable development of airport terminals for local airlines // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 7–14. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_7.

Концепция устойчивого развития, получившая широкое распространение в мире, предполагает эффективное взаимодействие и взаимовлияние ее составляющих – экономической, социальной и экологической [1]. Так, высокий уровень благоустройства, грамотное озеленение и обводнение любого архитектурного комплекса, отражающие экологический аспект концепции, не только улучшают его ландшафтно-экологические качества, в том числе микроклимат участка, но и повышают привлекательность, социальный и экономический статус, делают его более доступным, демонстрируют эффективное использование ресурсов. Поэтому предлагается рассмотреть экологическую составляющую при формировании пассажирского терминала, как важнейшую в структуре концепции устойчивого развития аэропорта местных авиалиний, включающую уровень и качество ресурсов: воздуха, воду строительных и отделочных материалов, экономию и восполнение ресурсов, обеспечение благоприятного микроклимата – вентиляции, освещения, достаточной инсоляции, психологического и физического комфорта пассажиров.

В данной статье ставится цель изучить опыт архитектурно-планировочной организации терминалов, выявить приемы и способы обеспечения экологических качеств пассажирских терминалов аэропортов местных авиалиний, потребность в которых в настоящее время и в перспективе начинает испытывать Россия. Создание и процесс эксплуатации терминалов аэропортов требует высокого ресурсопотребления для обеспечения необходимого функционирования и поддержания требуемого микроклимата и атмосферы в здании терминала и его окружении. Поэтому при проектировании новых терминалов аэропортов или реконструкции старых необходимо опираться на концепцию устойчивого развития, учитывающую разнообразие современных технологий, влияющих на архитектурно-планировочную структуру здания, и обеспечивающие его жизнеспособность и комфорт.

Пассажирский терминал аэропорта – один из самых сложных типов сооружений. Аэропорты различны по размерам и внешнему облику, но все они несут одну функцию – обеспечение полета, осмотр, ремонт и подготовку к полету воздушных судов, а также обслуживание вылетающих и прилетающих пассажиров. Через них проходят огромные потоки людей, поэтому многие аэропорты работают круглосуточно [2].

Вышеупомянутые факторы приводят к относительно высокому энергопотреблению по сравнению с другими типами зданий. Поэтому при проектировании новых терминалов аэропортов или реконструкции старых необходимо опираться на устойчивое развитие, независимо от размеров и категории аэропорта.

В современном проектировании и развитии транспортных комплексов одним из важных факторов являются принципы устойчивого развития и обеспечения архитектурно-пространственного формирования терминалов аэропортов местных авиалиний. Данные принципы были разработаны с целью создания функционально удобных, безопасных и комфортных пространств для пассажиров и обеспечения эффективной работы авиакомпаний.

Эти принципы относятся ко всем типам аэропортов, несмотря на разницу в их размерах, числу пассажиропотока и других критериев. Здание терминалов аэропортов местных авиалиний должны проектироваться с учетом этих принципов с прогнозированием на долгие годы. В примерах, приведенных в этой статье, в большинстве случаев рассматриваются международные аэропорты. Тем не менее, главную роль здесь играет сама архитектура терминала, а не его статус (международный/региональный), поскольку любой аэропорт должен быть запроектирован таким образом, чтобы он был безопасным и комфортным для пассажиров и функционально удобным для персонала.

Один из основных принципов устойчивого развития основан на применении энергоэффективных технологий и материалов, а также на учете экологических аспектов проектирования. Терминалы аэропортов должны быть органично вписаны в окружающий ландшафт, минимизировать свое воздействие на природную среду и обладать высокой энергоэффективностью [3; 7].

Такой тип зданий, как терминал аэропорта, появился около века назад. Модель «идеального» терминала развивалась на протяжении всего XX века. Первым концепцию устойчивого здания терминала аэропорта предложило архитектурное бюро «Foster & Partners». В 1991 г. в Великобритании открылся аэропорт Станстед, построенный по проекту этого бюро. Он представлял собой новый подход к проектированию терминалов аэропортов. Здание является легкой модульной конструкцией навеса – так называемый «большой ангар», облицованный стеклянными панелями, которые обеспечивают доступ солнечного света. В корпусе здания предусмотрено множество вентиляционных отверстий для естественного притока воздуха, что значительно сокращает расходы энергии.

В этом проекте бюро «Foster & Partners» вернулись к истокам проектирования пассажирских терминалов, когда здания были более простыми – с одной стороны здания (главный фасад) располагалась зона прибывающих автомобилей и пассажирского общественного транспорта, с другой – перрон, где осуществлялась посадка пассажиров в самолеты [4; 5]. С точки зрения ориентации пешеходов здание очень понятное и простое по форме, внутри здания нет уровней, характерных для большинства аэропортов и требующих лестниц и эскалаторов. Пассажиры плавно перемещаются по всем предполетным зонам в зал вылетов, откуда они доставляются в самолет. Такая простая схема функционального зонирования была достигнута за счет того, что все технические помещения были перемещены в подземный этаж (рисунки 1). Ранее эти помещения находились под крышей. Благодаря переносу технических помещений в подземный этаж появилась возможность сделать конструкцию более легкой,

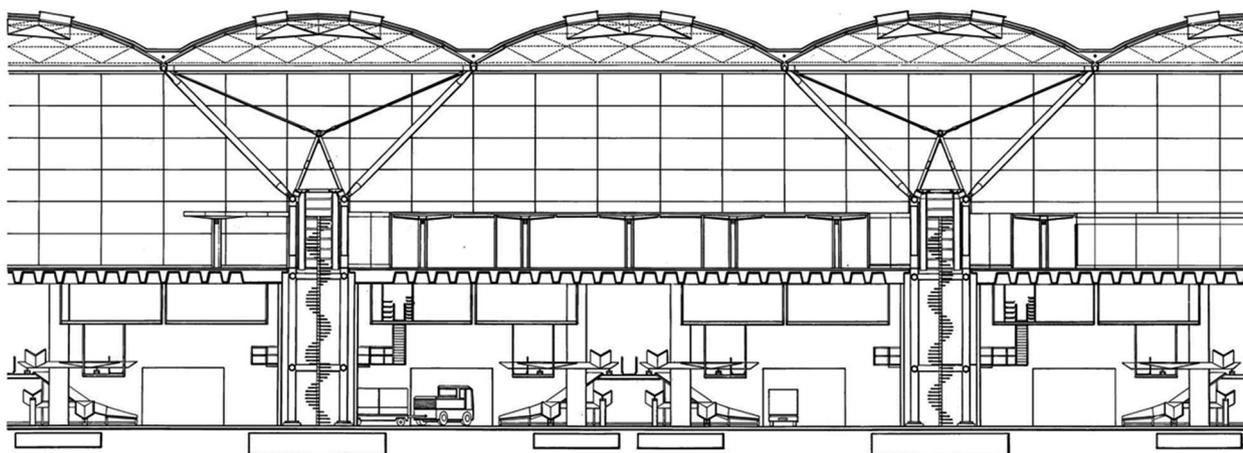

Рисунок 1. Аэропорт Станстед. Разрез

Figure 1. Stansted Airport. Incision

а также разместить на крыше световые фонари для большего проникновения солнечного света, что позволяет использовать преимущественно естественное освещение в общих залах днем, тем самым снижая энергопотребление здания [8].

Рисунок 2. Терминал Jewel аэропорта Чанги

Figure 2. Changi Airport Jewel Terminal

Эта концепция популярна и сейчас, она развивается и распространяется по всему миру. Существует много аналогичных аэропортов разных категорий, спроектированных на основе данной концепции. Терминалы аэропортов значительно отличаются друг от друга по таким показателям, как размер, вместимость, климатическая зона и другие. Несмотря на это, аэропорт Станстеда можно считать первым устойчивым терминалом аэропорта, а принципы проектирования, принятые при его разработке, можно рассматривать как новую тенденцию в архитектуре пассажирских терминалов.

Также примером устойчивой архитектуры аэропортов является терминал Jewel Сингапурского аэропорта Чанги [3], который на данный момент признан одним из лучших аэропортов мира [11]. Терминал представляет собой стеклянный купол с искусственным водопадом в центре (рисунки 2). В интерьере присутствует озеленение общей площадью 21 100 кв.м, что делает аэропорт «зеленым оазисом». В терминале применена интегрированная система стекла, статической и динамической тени, а также инновационная система вытесняющей вентиляции. Эти системы необходимы для достижения определенного уровня комфорта при нахождении внутри терминала, а также для поддержания растений в условиях достаточного количества солнечного света. В куполе устроены установки сбора дождевой воды, которая используется в водопаде и для полива растений. Благодаря своей бионической форме, терминал хорошо вписывается в природный рельеф. Таким образом, в случае сингапурского аэропорта Чанги внутренний ландшафт Терминала Jewel привлек международное внимание благодаря комплексному подходу к архитектуре и ландшафтной архитектуре при проектировании аэропорта.

Среди небольших терминалов, созданных по данной концепции, можно выделить аэропорт в Испанском городе Сарагоса [9] (рисунки 3). Здание терминала построено по модели аэропорта Станстед и состоит из 11 модулей, облицованных стеклянными панелями с волнообразной крышей, которая напоминает движение воды. Стеклянные панели позволяют ис-

Рисунок 3. Аэропорт Сарагоса

Figure 3. Zaragoza airport

Рисунок 4. Аэропорт Джексон-Хоул
Figure 4. Jackson Hole Airport

пользовать только естественное освещение в дневные часы. Благодаря модульной конструкции терминала, здание имеет возможность легко расширяться в будущем при необходимости, путем пристройки к нему новых модулей. Терминал аэропорта имеет сложную крышу, которая визуально создает движение волн, а также позволяет проникать большому количеству естественного света в здание.

Среди аэропортов местных авиалиний можно выделить Джексон-Хоул [10], находящийся в штате Вайоминг. В 2022 г. была проведена реконструкция терминала. Здание выполнено из экологичных материалов, таких как дерево и стекло (*рисунок 4*). Аэропорт находится на территории национального парка, поэтому был спроектирован как неразрывное продолжение природной среды. Также в терминале применены переработанные материалы, использованы клеи с низким уровнем выбросов и установлена сантехника с низким энергопотреблением. Терминал является примером устойчивой архитектуры аэропорта.

Рассмотренные приемы и способы обеспечения экологической составляющей архитектурного формирования и устойчивого развития терминалов аэропортов местных авиалиний играют важную роль в создании современных, функциональных и удобных аэропортов, способствуя развитию воздушной инфраструктуры и повышению качества обслуживания пассажиров.

Таким образом, можно выделить следующие приемы, обеспечивающие экологические требования устойчивого развития терминалов местных авиалиний:

1. Гармоничное взаимодействие здания терминала с природой, включение элементов природной ландшафта в интерьер.
2. Небольшие габариты терминала местных авиалиний, с организацией пространства в один-два уровня, одним из которых может являться подземный технический этаж, позволяют создать комфортные условия для пассажиров, поскольку обеспечивают свободную ориентацию в пространстве и удобство технической эксплуатации для персонала.
3. Активное использование светопрозрачных панелей покрытия в зданиях дает большое преимущество в экономии энергии и повышении качества естественного освещения интерьера.
4. Естественная вентиляция достаточно активно применяется, поскольку дает возможность поддерживать в единстве с естественным освещением комфортный микроклимат.
5. Обязательное использование только экологичных материалов, безопасных с точки зрения воспламенения и выделения вредных веществ в атмосферу терминала.
6. Рациональное использование ресурсов, в частности, накопление дождевой воды в резервуарах и ее использование в технических целях и организации водных ландшафтных композиций.
7. Зарубежный опыт также демонстрирует одно из проявлений устойчивого развития пространственной структуры терминала, проявляющееся в возможности расширения площадей терминалов, их адаптации к ситуации с увеличением пассажиропотока.
8. Создание выверенных эргономичных пространственных габаритов здания и оборудования терминалов, обеспечивающих соответствующий человеку и типологии здания масштабный строй.

Список источников

1. *Забалуева Т.Р., Балакина А.Е., Банцорова О.Л., Захаров А.В.* Принципы формирования устойчивого развития в архитектуре. М., 2022.
2. Brian Edwards, Taylor & Francis // *The modern airport terminal. New approaches to airport architecture.* Second edition, 2005.
3. Obene Ambrose, Tonye Dagogo Pepple Sustainable Airport Passenger Terminal Design – A Review of the Architecture of Terminal 3 Jewel Changi Airport, Singapore // *Global Scientific journals.* 2022. April. Vol. 10. Is. 4.
4. Sarah N. Shuchi B Arch (Hons), M.Sc (Environment and Energy Studies) A Novel Concept for Airport Terminal Design Integrating Flexibility // *Faculty of Creative Industries Queensland University of Technology,* 2015.
5. Sarah Shuchi, Robin Drogemuller, Tristan Kleinschmidt Flexible Airport Terminal Design: Towards a Framework // In Ching, T L & Watson, G H (Eds.) *Proceedings of the IIE Asian Conference 2012.* National University of Singapore, Singapore. P. 348–356.
6. Wojciech Duliński Sustainable airport passenger terminal design – the review of selected examples // *Technical transactions civil engineering 4-B.* 2015.
7. URL: <https://www.arup.com/perspectives/what-makes-a-sustainable-airport> (дата обращения: 28.04.2024).
8. URL: <https://www.dezeen.com/2019/11/25/stansted-airport-foster-partners-high-tech-architecture/> (дата обращения: 28.04.2024).
9. URL: <https://divisare.com/projects/64561-vidal-y-asociados-arquitectos-luis-vidal-miguel-de-guzman-nueva-terminal-del-aeropuerto-de-zaragoza> (дата обращения: 29.04.2024).
10. URL: <https://aasarchitecture.com/2024/01/new-jackson-hole-airport-expansion-by-clb-architects/> (дата обращения: 30.04.2024).
11. URL: <https://www.worldairportawards.com/> (дата обращения: 30.05.2024).

Информация об авторах

Ю.В. Анисимов – кандидат архитектуры, член Союза Архитекторов России; профессор кафедры архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, г. Москва, Россия

С.С. Величковская – магистрант кафедры архитектуры Национального исследовательского Московского государственного строительного университета, г. Москва, Россия

Information about the authors

Y.V. Anisimov – candidate of Architecture, member of the Union of Architects of Russia; professor of the Department of Architecture of the National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

S.S. Velichkovskaya – master’s student of the Department of Architecture of the National Research Moscow State University of Civil Engineering, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 26.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 26.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 15–20.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 15–20.

Научная статья

УДК 72.01 (574)

doi:10.52470/2619046X_2024_2_15

Игры, вплетенные в ткань города

Елена Алексеевна Дьячкова

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, iiehka@bk.ru

Аннотация. Данная статья рассматривает игру как часть городской среды. Вводится понятие «играбельный город», как альтернатива «умному городу». В статье приведены примеры существующих игровых элементов. Проанализировано возможное положительное и отрицательное влияние играбельных элементов на систему города. Рассматриваются примеры тактического урбанизма как одна из составляющих играбельных городов. Выведены основные принципы концепции играбельного города.

Ключевые слова: игровой город, играбельный город, играбельные элементы, тактический урбанизм, умный город, комфортная среда

Для цитирования: Дьячкова Е.А. Игры, вплетенные в ткань города // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 15–20. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_15.

Original article

Games woven into the fabric of the city

Elena A. Diachkova

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia, iiehka@bk.ru

Abstract. This article examines gaming as part of the urban environment. The concept of a «playable city» is introduced as an alternative to a «smart city». The article provides examples of existing game elements. Possible positive and negative influences of playable elements in the city system are analyzed. Examples of tactical urbanism are considered as one of the components of playable cities. The basic principles of the concept of a playable city are derived.

Keywords: playable city, playable elements, tactical urbanism, smart city, comfortable environment

© Дьячкова Е.А., 2024

For citation: Diachkova E.A. Games woven into the fabric of the city // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 15–20. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_15.

Одно из приоритетных направлений, установленных в одной из повесток ООН на период до 2030 г., заключается в развитии устойчивых городов и инфраструктуры. Это предполагает преобразование городских поселений в так называемые «умные города», которые объединяют в себе различные технологические решения и инструменты в области связи, энергетики, инфраструктуры, мобильности, безопасности и экологической защиты с целью создания устойчивой среды для проживания. Термин «умные города» используется для обозначения городов, в которых интегрированы инновационные и технологические средства, обеспечивающие высокий уровень жизни для его жителей. Игрательный город можно рассматривать как альтернативу «умному городу», однако стоит отметить, что игрательность города не заменяет «умные» технологии и инфраструктуру, которые могут повысить уровень комфорта, безопасности и эффективности городской жизни.

Игровой город – город, включающий в городскую ткань игровые элементы, которые возможно использовать взрослым и детьми. Наряду с понятием «игровой», можно встретить понятие «игрательный город», или «Playable city». Он рассматривается с позиции игры взрослого или с участием взрослого, но также речь идет о проектах с участием ребёнка. По сути это альтернативная интерпретация «умного города», которая использует игру для вовлечения горожан в решение городских проблем наилучшими способами. Идея игрового города – это реакция человека на равнодушие и обезличенность городской среды. Поощряя проекты, приносящие радость, можно насыщать города доброжелательной и теплой атмосферой.

Феномен игры во взрослом возрасте является предметом исследований педагогики, психологии и философии. Игра может быть связана как с цифровым миром, так и осуществляться в контексте игр коммуникационных, с возможностью взаимодействия, моделирования ситуаций и т.д. Поэтому игру и развлекательную составляющую следует понимать как движущую силу позитивных изменений, поощряющую активное участие эмоционально вовлеченного населения в процессы улучшения и преобразования городской ткани и, следовательно, города. Игрательный город – город, в котором жители гостеприимны, открыты и готовы к совместной работе; предполагается наличие диалога и взаимодействия между жителями и гостями города. Участвуя в играх, граждане становятся частью дружелюбной среды.

Игрательный город может включать в себя различные элементы, которые способствуют взаимодействию человека с городской средой, в том числе – игре с ней. Надписи, коды и шифры для городских квестов, музыкальные и световые инсталляции, а также другие интерактивные объекты и перформансы создают атмосферу игры и возможность человека взаимодействия с городом. Это может стимулировать людей обнаруживать новые места, учиться и исследовать, а также просто получать удовольствие от взаимодействия с городским пространством. Посредством взаимодействия и творческих инсталляций выстраиваются социальные диалоги, которые вовлекают граждан в обсуждение развития города с учетом индивидуального контекста каждой территории. Главным вызовом для городов будущего является способность создавать инновационные подходы к формированию незабываемых впечатлений и вовлекать в игру граждан и туристов, позволяя им принимать активное участие в городской жизни через интерактивные действия. В этом контексте игры становятся инструментом городского планирования и возрождения, способом переосмысления общественных пространств и движущей силой для структурирования новых туристических и культурных образов.

Рисунок 1. Примеры красочных пешеходных переходов в Рочестере, штат Нью-Йорк
Figure 1. Examples of colorful pedestrian crossings in Rochester, New York

Есть примеры тактического урбанизма и варианты вплетения игры в городскую ткань, арт на пешеходных переходах и тротуарах. Согласно недавнему отчету NPR, в Рочестере, штат Нью-Йорк, красочный перекресток вдохновляет население уделять больше внимания общественной безопасности (*рисунок 1*). «В этом месте больше никто не разгоняется. Люди чувствуют себя в большей безопасности», – сказал один давний житель этого района [1].

Еще один пример – это проект-игра Shadowing. Смысл заключается в том, что на уличном фонаре установлено устройство, запоминаящее и воспроизводящее силуэты теней, проходящих мимо прохожих (*рисунок 2*). Премьера проекта состоялась в Бристоле осенью 2014 г. Были выбраны очень неочевидные локации для 8-ми игровых уличных фонарей.

Рисунок 2. Примеры проекта игры Shadowing
Figure 2. Examples of the Shadowing game project

Рисунок 3. Проект «Сердце короля»

Figure 3. The «Heart of the King» project

Тестировщики играли, танцевали и формировали свои тени. С тех пор такие объекты появились в Йорке, Токио, Тель-Авиве, Лондоне и Остине, штат Техас. Shadowing был создан бюро Chomko и Rosier. Он был выбран победителем из шорт-листа восьми проектов в рамках премии Playable City Award 2014 [2].

Еще один трогательный проект – «Сердце короля» (рисунок 3). Это лондонский проект команды Chomko&Rosier [3]. Деревянное сердце Короля Карла I частотой своего биения направляет проходящего этот квест, учащая ритм по мере приближения к месту казни короля в 1649 г. Сердце работает как эмоциональный компас, создавая удивительное и вдумчивое путешествие через St. James Park и Whitehall, приводя к Банкетинг-Хаусу в Уайтхолльском дворце, где сердце и прекращает биться

В этих примерах присутствует тесная связь с методами тактического урбанизма – преобразования территории с помощью точечных, не долгосрочных и легко масштабируемых изменений, часто – силами энтузиастов [4]. Таким образом, игровые города можно интерпретировать как творческий способ преодоления холода и анонимности городской жизни, которые принесла с собой технология, сумевшая решить бесчисленные проблемы, упростив жизнь граждан, но за счёт большего индивидуализма.

Концепция игрального города не является универсальным решением для всех проблем городской среды. Она может быть эффективной и значимой только при условии, что основные системы города функционируют без существенных проблем. Если город уже имеет хорошо развитую инфраструктуру, безопасность на дорогах, эффективное общественное транспортное сообщение и другие базовые условия, то игральные элементы могут дополнить и обогатить

городскую среду. Они могут способствовать созданию привлекательной и живой атмосферы, повышению качества жизни горожан и привлечению туристов [5].

Однако, если существенные городские проблемы, такие как плохое состояние дорог, низкая безопасность или недостаточная доступность общественного транспорта, не решены, то внедрение игральбных элементов может показаться неприоритетным и неэффективным. В таких случаях, необходимо сосредоточиться на решении базовых проблем и улучшении городской инфраструктуры, прежде чем вводить игровые элементы.

Важно отметить, что игральбный город, если он реализуется с честными намерениями и в сочетании с соответствующими мерами по улучшению городской инфраструктуры и решению проблем, может быть полезным инструментом для создания привлекательной и благоприятной городской среды. Когда игровые элементы используются в сочетании с реальными улучшениями и изменениями в городе, они могут способствовать активации пространства, повышению уровня участия жителей и созданию позитивного взаимодействия между горожанами и городом.

Таким образом, важно грамотно использовать игральбные элементы в целях улучшения городской среды и учесть, что они должны быть частью обширной стратегии по развитию города, а не просто средством для сокрытия настоящих проблем [6]. Поэтому игральбный город не является универсальным решением для всех городских проблем, а скорее выступает дополнительным и дополняющим аспектом, который может быть успешно внедрен при определенных условиях.

Есть еще варианты, как создать элементы игральбного города. Например, раскрасить опасности. Бывший мэр Боготы Энрике Пеньялоса однажды сказал: «Дети – это лучшие индикаторы. Если мы сможем построить успешный город для детей, у нас будет успешный город для всех» [7]. В одном из самых бедных и слабо озелененных районов города, Сьюдад-Боливар, собралось местное сообщество и Urban 95, команда создателей общественных пространств для людей ростом до 95 см. Простая пешеходная прогулка выявила опасные места и указала на то, как жители хотели бы их изменить. Уличные рисунки и кашпо были использованы для обозначения маршрута между детским садом, школой и парком, чтобы снизить скорость движения и создать новое игровое пространство, а здания были окрашены в яркие цвета. Идея состоит в том, чтобы использовать тактический урбанизм для тестовой проверки простых изменений, которые станут постоянными, если они сработают так, как необходимо.

Подводя итог, можно сделать вывод, что концепция игральбного города в рамках «умных городов» представляет собой идею создания городской среды, которая стимулирует активное участие граждан в жизни города и предоставляет им возможность влиять на его развитие.

Основные принципы концепции игральбного города:

1. Участие граждан. Городская среда должна быть спроектирована таким образом, чтобы граждане могли участвовать в ее формировании и развитии: имели возможность предлагать идеи, голосовать, включаться в проектирование общественных пространств и др. В Москве этому содействует проект «Активный гражданин».
2. Игровые элементы. Игра может стать инструментом для мотивации граждан к активному участию в жизни города [8].
3. Образование и информирование. Городская среда должна быть ориентирована на образование и информирование граждан. В игральбном городе можно внедрить интерактивные образовательные площадки, цифровые музеи, информационные терминалы и др.

4. Разнообразие и доступность. Необходимо создание разнообразных игровых зон и объектов, которые подходят для людей разных возрастов и интересов: игровых площадок, спортивных площадок, художественных объектов и т.д. Важно сделать их доступными для всех жителей города, включая людей с ограниченными возможностями.
5. Интеграция с технологиями умных городов, например, использование современных технологий, таких как датчики, интерактивные экраны, виртуальная и дополненная реальность, для создания интерактивных игровых элементов [9].

Список источников

1. Быстрова Т.Ю. Парк Эмшер: принципы и приемы реабилитации промышленных территорий // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2014. № 2.
2. Еникеева Л.М., Чичканова В.Ю., Прокофьев Е.И. Урбанизированная ландшафтная архитектура в формообразовании современного города // Известия КазГАСУ. 2018. № 2 (44).
3. Грибер Ю.А., Литвинова Т.Н. Тактический урбанизм как форма модернизации повседневности // Социодинамика, 2015. № 9.
4. Исмагилова С.Х., Залетова Е.А. К вопросу градостроительного развития малого города // Известия Казанского государственного архитектурно-строительного университета, 2016. № 4.
5. Кунгурова А.А., Корнев В.И. Функционально-целевые и объемно-пространственные трансформации архитектурной среды городских площадей // Вестник ТГАСУ. 2015. № 4 (51).
6. Малая Е.В., Вавулин К.Е. Архитектурные особенности экологического комфорта промышленных городов России // АМІТ. 2022. № 1 (58).
7. Мельник Л.А. Тактический урбанизм в районах, приближенных к крайнему северу // Проблемы науки. 2018. № 1 (25).
6. URL: <https://www.playablecity.com/projects/shadowing/> (дата обращения: 05.02.2024).
9. URL: <https://chomkorosier.com/heart-of-a-king.php> (дата обращения: 13.01.2024).

Информация об авторе

Е.А. Дьячкова – преподаватель кафедры архитектуры и дизайна Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

E.A. Dyachkova – Lecturer at the Department of Architecture and Design of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 06.04.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 06.04.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 21–30.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 21–30.

Научная статья

УДК 72.03; 659

doi:10.52470/2619046X_2024_2_21

Особенности формирования индивидуального стиля и территориального бренда города Коломны

Екатерина Павловна Паутова¹, Елена Александровна Булгакова²

^{1,2} Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия

¹ pautova.caterina@gmail.com

² traumeels@mail.ru

Аннотация. Территориальное развитие малых городов в современных социально-экономических условиях определяются их туристическим значением и сохранением исторического наследия, способствуя созданию условий для формирования индивидуального стиля и территориального бренда города как туристической дестинации. Цель исследования – изучить особенности индивидуального стиля и бренда г. Коломна. Методы исследования: теоретический, системно-исторический анализ, метод сравнения городов, метод от общего к частному, метод наблюдения за архитектурными особенностями города, обобщения. Результаты исследования заключаются в определении методологических и практических особенностей формирования индивидуального стиля и территориального бренда г. Коломны, в разработке новых направлений по совершенствованию туристических маршрутов и в обоснованной разработке туристической символики города как элемента ее историко-культурного, туристического и архитектурно-пространственного развития.

Ключевые слова: градостроительство, туристическая дестинация, стиль города, территориальный бренд, архитектурно-пространственное развитие

Для цитирования: Паутова Е.П., Булгакова Е.А. Особенности формирования индивидуального стиля и территориального бренда города Коломны // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 21–30. [https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_21](https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_2_21).

© Паутова Е.П., Булгакова Е.А., 2024

Original article

Features of the formation of an individual style and territorial brand of the city of Kolomna

Ekaterina P. Pautova¹, Elena A. Bulgakova²

^{1,2} Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

¹ pautova.caterina@gmail.com

² traumeels@mail.ru

Abstract. The relevance of the study is determined by the fact that the territorial development of small towns in modern socio-economic conditions is determined by their tourist significance and the preservation of the historical heritage of different regions of Russia, contributing to the creation of conditions for the formation of an individual style and territorial brand of the city as a tourist destination. The purpose of the study: to study the features of the individual style and brand of Kolomna. Research methods: theoretical, system-historical analysis, the method of comparing cities, the method from general to particular, the method of observing the architectural features of the city, generalization. The results of the study consist in determining the methodological and practical features of the formation of an individual style and territorial brand of Kolomna; developing new directions for improving tourist routes; justifying the development of tourist symbols of the city as an element of its historical, cultural, tourist and architectural spatial development.

Keywords: urban planning, tourist destination, city style, territorial brand, architectural and spatial development

For citation: Pautova E.P., Bulgakova E.A. Features of the formation of an individual style and territorial brand of the city of Kolomna // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 21–30. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_21.

Территориальное развитие малых городов разных регионов России в современных социально-экономических условиях определяются их туристическим значением и сохранением исторического наследия, способствуя обеспечению условий для формирования индивидуального стиля и территориального бренда туристического города. Так, на примере Коломны предлагается развивать малые города Золотого кольца России как туристическую дестинацию.

Цель исследования – изучить особенности индивидуального стиля и бренда г. Коломны Московской области.

Задачи исследования:

- провести исторический и научно-практический анализ особенностей формирования стилистики г. Коломны как туристической дестинации;
- разработать территориальный бренд г. Коломны.

Новизна исследования:

- определена совокупность актуальных научно-практических подходов к исследованию и формированию индивидуального стиля, территориального бренда г. Коломны;
- выявлены основные показатели, характеризующие индивидуальный стиль г. Коломны;

- выделены и обоснованы основные структурные элементы территориального бренда Коломна.

Практическая значимость результатов исследования заключается в разработке нового символа – туристического логотипа территориального бренда г. Коломна посредством интеграции общепринятой символики города, ее исторического и архитектурного развития городского пространства.

В настоящей работе представлены результаты научно-практического анализа по проблеме исследования, выводы исследования изложены в заключительном разделе.

Теоретико-методологической основой формирования индивидуального стиля и бренда г. Коломна как туристической дестинации в настоящем исследовании являются:

- стратегические особенности пространственного развития России [1] и социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года [1];
- структурно-содержательные, исторические аспекты формирования архитектурного стиля города [3; 5; 14] и территориального бренда [4];
- особенности исторического, архитектурно-пространственного развития и туристического кластера Коломны [13; 16; 19];
- научно-практические подходы к формированию индивидуального стиля и бренда города [4–7; 20; 22–23];
- технологии разработки территориального бренда малых городов [7; 8; 20].

Методы исследования: теоретический, системно-исторический анализ, метод сравнения городов, метод от общего к частному, метод наблюдения за архитектурными особенностями города, обобщения, маркетинговый анализ территориальных брендов, обобщения результатов исследования.

Методологические особенности формирования индивидуального стиля и территориального бренда в современных условиях были рассмотрены с учетом ранее полученных результатов авторских исследований [15; 23] и исторического опыта территориального развития г. Коломна. На основе этого представляется целесообразным изучить и обозначить стилистические, архитектурные особенности г. Коломна как туристической дестинации.

Методологической основой по изучению проблем формирования индивидуального стиля и бренда г. Коломна как туристической территории в настоящем исследовании стали:

- исторические этапы архитектурно-пространственного развития г. Коломна;
- совокупность актуальных научно-практических подходов к исследованию и формированию индивидуального стиля, территориального бренда города.

Применительно к индивидуальному стилю и территориальному бренду г. Коломна как туристической дестинации, самостоятельных исследований по данной проблеме нами не выявлено. Тем не менее, основы и особенности формирования архитектурного стиля определены в работах А. Бархина [3], В.Л. Глазычева [6], А.Д. Максимова [9]; отдельные практические вопросы разработки архитектурного стиля и дизайна города рассматриваются в работах М.И. Белова, Е.А. Булгаковой, Н.Д. Дембича, С.М. Михайлова, А.С. Михайловой [5; 10; 11].

Результаты теоретического анализа исторических и научно-практических особенностей индивидуального стиля и территориального бренда г. Коломна позволяют выделить совокупность актуальных научно-практических подходов к их формированию (*таблица 1*).

Таблица 1. Научно-практические подходы к формированию индивидуального стиля и территориального бренда г. Коломна

Table 1. Scientific and practical approaches to the formation of an individual style and territorial brand of Kolomna

№	Название подхода	Основные характеристики
1	Стратегический [18]	Направлен на формирование целостного городского пространства на основе исторического наследия, территориального своеобразия города и его долгосрочных перспектив развития
2	Социально-экономический [22]	Связь между территориальным развитием города, региона и изменением их социально-экономических показателей, отражающих и способствующих устойчивому формированию имиджа территории
3	Средовой [17]	Основан на сочетании, интеграции в историческую среду города современных достижений, технологий управления городским пространством, формирования ее территории с учетом различных факторов и стилистических детерминант, обеспечивающих своеобразие городской архитектуры и ее территориального позиционирования
4	Рационалистический [21]	Акцент на эффективности проектирования городского пространства, архитектурных объектов, туристических маршрутов и т.п.
5	Историко-культурный [25]	Проектирование, реставрация, восстановление исторических территорий, памятников архитектуры, историческая стилизация современных объектов, пространств, туристических маршрутов.
6	Системно-структурный [4]	Наличие определенной совокупности структурных и функциональных компонентов, тесно связанных, согласованных между собой при сохранении, трансформации индивидуального стиля и создании бренда города
7	Комплексный [12]	Необходимость учитывать сложность и многоаспектность трансформации городского пространства на основе историко-культурной ценности объектов архитектуры

Источник: составлено авторами на основе материалов исследования

Целесообразность и необходимость применения представленных научно-практических подходов (таблица 1) определяется многоаспектностью проблемы формированию индивидуального стиля и территориального бренда. В рамках представленного исследования наиболее значимыми считаем следующие подходы: историко-культурный, социально-экономический и комплексный.

В соответствии с выбранными подходами определим комплексные показатели, позволяющие дать характеристику индивидуального стиля г. Коломна:

- градостроительное и историческое развитие Коломны;
- особенности архитектуры зданий, сооружений в районе «старая Коломна» и «Соборная площадь»;
- социально-экономическая привлекательность для жителей и туристов города.

Формирование собственного стиля Коломны происходит на основе исторически сложившейся древнерусской культуры г. Коломны.

Представленные элементы древнерусского стиля в архитектуре (рисунок 1) являются основой для становления индивидуального стиля зданий г. Коломны. Подобные фасадные при-

Рисунок 1. Элементы каменных и деревянных зданий
Figure 1. Elements of stone and wooden buildings

Примечание: составлено авторами на основе материалов исследования

емы можно наблюдать на территории Коломенского кремля – это кирпичная кладка с разным рисунком, резные наличники на окнах деревянных домов, наконечники на заборах и другие элементы. Подобные приемы также успешно применяются и в других городах России, например, для оформления фасадов зданий и реставрации набережной в г. Тула (рисунок 2).

Анализируя исторические и архитектурные особенности формирования индивидуального стиля г. Коломны, можно определить приверженность к национальным традициям и их трансформацию в современное городское пространство.

Рисунок 2. Использование древнерусских мотивов для стилизации зданий в г. Тула
Figure 2. The use of ancient Russian motifs for the stylization of buildings in Tula

Примечание: составлено авторами на основе материалов исследования

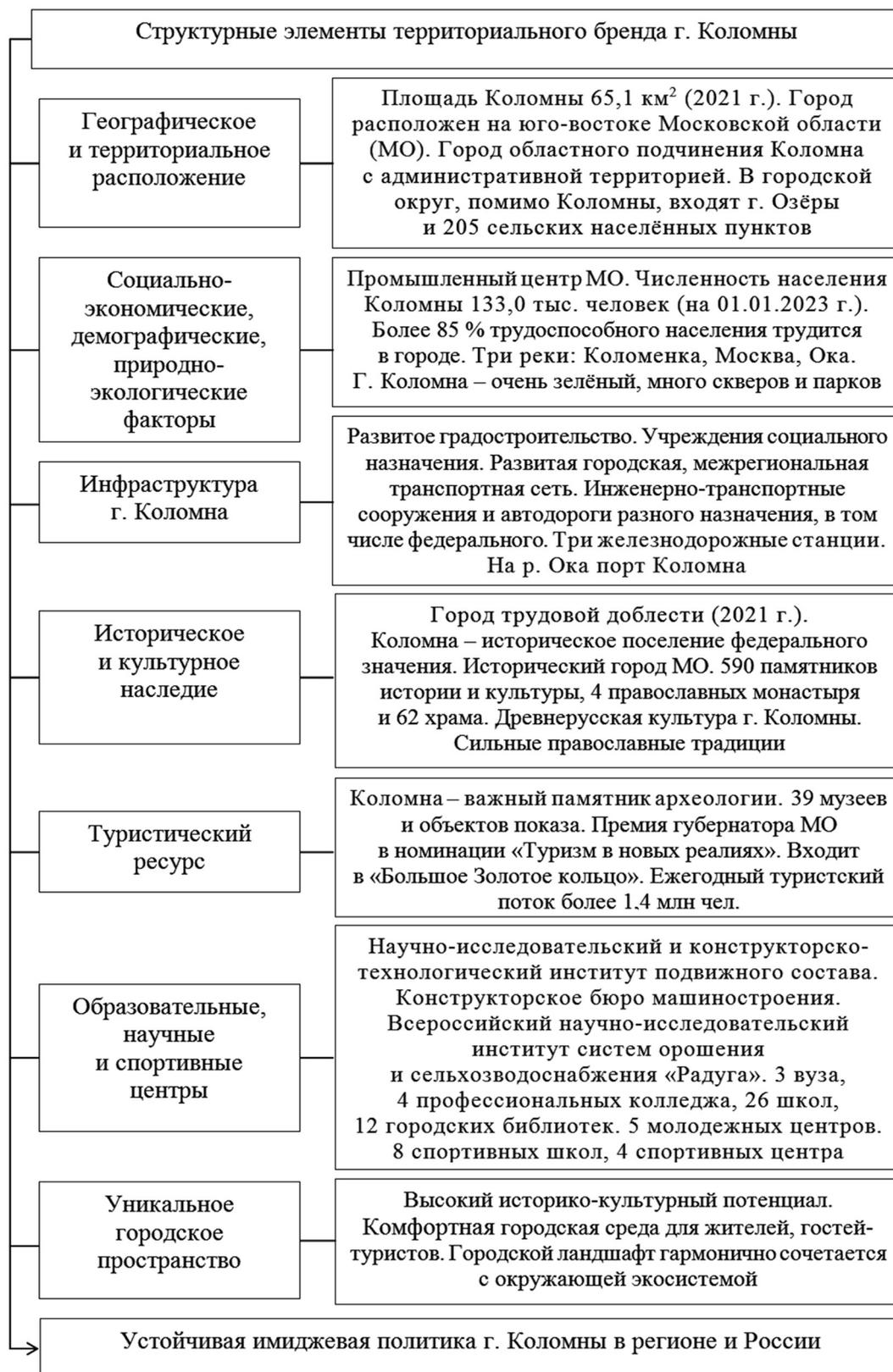

Рисунок 3. Структура территориального бренда г. Коломны

Figure 3. The structure of the Kolomna territorial brand

Примечание: составлено авторами на основе материалов исследования

Индивидуальный стиль архитектуры города способствует формированию его бренда как особого территориального пространства для туристов. В связи с этим и на основе изученных архитектурных, культурных объектов в исторической части г. Коломна предлагаем разработать новый комплексный маршрут для туристов, который будет способствовать активному пространственному развитию Коломны. Поскольку город имеет статус исторического поселения, то развитие дестинации как территориального бренда предлагается от исторической части к периферии, захватывая все больший радиус маршрута по городской территории, в процессе которого обнаруживаются другие памятники, значимые объекты для города, парки и т.д.

На основе результатов научно-практического анализа по вопросам бренда больших и малых городов, к структурным элементам территориального бренда Коломны целесообразно отнести:

- географическое расположение;
- социально-экономические, демографические, экологические факторы;
- инфраструктуру;
- историческое и культурное наследие;
- туристический ресурс;
- образовательные, научные и спортивные центры;
- уникальное городское пространство.

Структуру территориального бренда Коломны схематично представим на *рисунке 3*.

С целью формирования территориального бренда г. Коломна как туристической дестинации в настоящем исследовании разработана схема туристического маршрута в виде символа-герба Коломны, что способствует интеграции общепринятой символики города, ее исторического и архитектурно-пространственного развития. На *рисунке 4* представим наглядно схему маршрута пространственного развития «Интеграция истории и современности в Коломне» как туристической дестинации.

Внедрение туристического маршрута (*рисунк 4*) будет способствовать:

- устойчивому социально-экономическому и территориальному развитию с учетом сбалансированной системы туристических услуг;
- сохранению исторического и архитектурного наследия Коломны как малого города золотого кольца России;
- становлению культурно-исторической и пространственной идентичности, привлекательности и туристической узнаваемости г. Коломны в других регионах России.

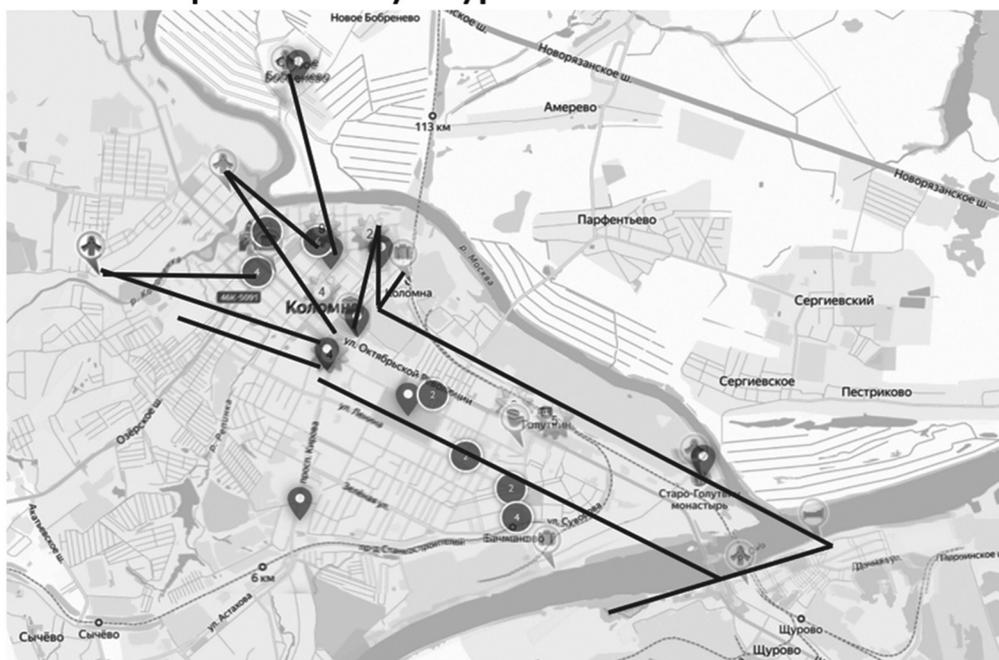
На основе результатов научно-практического анализа формирования индивидуального стиля и бренда Коломны как малого исторического города представляется возможным определить направления:

- по формированию индивидуального стиля города как туристической дестинации;
- по совершенствованию туристического маршрута внутри города и его пространственного развития с учетом градостроительной стратегии развития;
- по разработке территориального бренда г. Коломны.

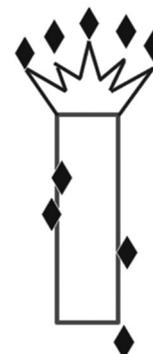
Выводы по результатам настоящего исследования:

- проведен структурно-содержательный анализ научно-практических подходов к формированию индивидуального стиля и территориального бренда г. Коломна; с учетом этого определена необходимость применения комплексного подхода к совершенствованию туристического маршрута;

Исторические и культурные объекты Коломны

Символизм
схемы с гербом

**Рисунок 4. Схема туристического маршрута пространственного развития
«Интеграция истории и современности в Коломне»**

**Figure 4. The plan of the tourist route of spatial development «Integration
of history and modernity in Kolomna»**

Примечание: составлено авторами на основе материалов исследования

- изучены архитектурные, культурные и стилистические особенности объектов в исторической части г. Коломна для разработки направлений совершенствования туристического маршрута;
- считаем целесообразным и необходимым внедрение разработанного территориального бренда Коломны как туристической дестинации.

Полученные результаты соответствуют современным взглядам на необходимость разработки и внедрения индивидуального стиля и бренда малых городов России.

Список источников

1. Постановление правительства Московской области № 1023/45 от 18 декабря 2018 г. «О стратегии социально-экономического развития Московской области на период до 2030 года» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?doc_itself=&backlink=1&nd=112371786&page=1&rdk=0#10 (дата обращения: 21.03.2024).
2. Распоряжение Правительства РФ № 207-р от 13 февраля 2019 г. «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // Официальный сайт Правительства России. URL: <http://static.government.ru/media/files/UVAIqUfT08o60RktoOXI22JjAe7irNxc.pdf> (дата обращения: 21.03.2024).
3. Бархин А. Стилиевые революции в отечественной архитектуре XX века // Архитектура России и мира. URL: <https://archi.ru/russia/98967/stilevye-revolyuicii-v-otechestvennoi-arkhitekture-hh-veka> (дата обращения: 21.03.2024).

4. *Беляева М.А.* Структура территориального бренда // Управление культурой. 2023. № 4 (8).
5. *Булгакова Е.А.* Технологии нового века и архитектурная теория // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2023. № 4.
6. *Глазычев В.Л.* Архитектура: энциклопедия. М., 2002.
7. *Захаров С.Е., Кропинова Е.Г.* К вопросу концепций туристского брендинга малых городов (на примере города Гвардейск Калининградской области) // Современные проблемы сервиса и туризма. 2022. Том 16. № 3.
8. *Макаров П.Ю., Соколова М.В., Илларионов А.Е.* Исследование практики брендинга малых городов: опрос руководителей городских администраций // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 1.
9. *Максимова А.Д.* Стиль и эпоха: в поисках каркаса творческого метода архитектора М.Я. Гинзбурга // Architecture and Modern Information Technologies. 2022. № 4 (61).
10. *Михайлов С.М., Белов М.И., Дембич Н.Д.* Метод фирменных стилей в дизайне города (опыт проектных семинаров союза дизайнеров России) // Вестник ОГУ. 2012. № 9 (145).
11. *Михайлов С.М., Михайлова А.С.* Дизайн города в историческом аспекте // Вестник ОГУ. 2011. № 9 (128).
12. *Назарова А.Ю.* Стратегия сохранения силуэта исторического города (на примере Санкт-Петербурга) // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2020. № 5.
13. *Ойнас Д.* Коломенский туристический кластер. URL: http://heritageclub.ru/wp-content/uploads/2017/05/4_D.Ojnas-Kejs-Kolomenskij-posad.pdf (дата обращения: 25.03.2024).
14. Основные архитектурные стили // Дизайн, архитектура, декоративное искусство. URL: <https://inartdeco.com/osnovnye-arkhitekturnye-stili> (дата обращения: 25.03.2024).
15. *Паутова Е.П.* Особенности формирования градостроительного развития г. Коломна как туристической дестинации // Молодая наука - 2023: Архитектура. Строительство. Дизайн: сборник статей X Всероссийской студенческой научно-практической конференции (Москва, 24–28 апреля 2023 г.). М., 2023.
16. Первый межмуниципальный туристический кластер Московской области «Большая Коломна». URL: <https://smoalania.ru/wp-content/uploads/2021/03/Lebedev-D.YU.pdf> (дата обращения: 18.03.2024).
17. *Пойдина Т.В., Бортников С.Д.* Актуальные векторы архитектурно-дизайнерского творчества в дискурсе «Человек – Среда – Культура» // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2 (33).
18. *Пономарев Е.С., Ившин К.С.* Проектная стратегия территориального брендинга // Известия КГАСУ. 2019. № 4 (50).
19. *Попова Д.Д.* Интеграция индустриального наследия в структуру современного города на примере проектируемого кластера Коломна-Луховицы // Architecture and Modern Information Technologies. 2019. № 3 (48).
20. *Правдзинский В.* Бренды и территории // Деловая репутация. URL: <https://repinlife.ru/brendy-i-territorii/> (дата обращения: 18.03.2024)
21. *Пьянкова Н.С.* Рационалистический подход в проектировании предметно-пространственной среды // Академический вестник УРАЛНИИПРОЕКТ РААСН. 2011. № 2.
22. *Угрюмова А.А.* Развитие территориальных брендов в современных условиях РФ // Экономический вестник университета. 2015. № 24–1.
23. *Угрюмова А.А., Паутова Л.Е., Паутова Е.П.* Комфортность как фактор устойчивого развития городской среды // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. Вып. 13 / РАН. ИНИОН. Отд. науч. сотрудничества; отв. ред. В.И. Герасимов. М., 2018. Ч. 2.
24. *Усманова З.Р.* Концепции органичной городской среды // Architecture and Modern Information Technologies. 2021. № 3 (56).
25. *Шерешевский А.Л.* Подходы к реконструкции архитектурно-градостроительной среды на примере послевоенных восстановлений исторических городов // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2015. Т. 17. № 1 (2).

Вклад авторов

Е.П. Паутова – методология исследования, концепция и дизайн исследования, анализ полученных данных, написание текста

Е.А. Булгакова – научный руководитель темы исследования

Contribution of the authors

E.P. Pautova – research methodology, research concept and design, data analysis, text writing

E.A. Bulgakova – scientific supervisor of the research topic

Информация об авторах

Е.П. Паутова – магистрант по направлению подготовки 07.04.01 Архитектура Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Е.А. Булгакова – кандидат архитектуры, доцент; заведующий кафедрой архитектуры и дизайна Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the authors

E.P. Pautova – Master's Degree Student in Architecture of the Moscow University of Information Technologies – of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

E.A. Bulgakova – Candidate of Science in Architecture, Associate Professor; Head of the Department of Architecture and Design of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 02.05.2024; одобрена после рецензирования 17.05.2024; принята к публикации 21.05.2024.

The article was submitted 02.05.2024; approved after reviewing 17.05.2024; accepted for publication 21.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 31–36.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 31–36.

Научная статья

УДК 69

doi:10.52470/2619046X_2024_2_31

Повышение достоверности результатов технического обследования зданий и сооружений

Евгений Константинович Салатов

Российская открытая академия транспорта Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия, e.salatov@mail.ru

Аннотация. В работе показаны факторы, оказывающие влияние на достоверность результатов технического обследования зданий и сооружений, представлена методика оценки наиболее значимых факторов.

Ключевые слова: техническое обследование, здания и сооружения, достоверность результатов

Для цитирования: Салатов Е.К. Повышение достоверности результатов технического обследования зданий и сооружений // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 31–36. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_31.

Original article

Increasing the reliability of the results of technical inspection of buildings and structures

Evgeny K. Salatov

Russian Open Academy of Transport of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia, e.salatov@mail.ru

Abstract. The work shows the factors that influence the reliability of the results of a technical inspection of buildings and structures, and presents a methodology for assessing the most significant factors.

Keywords: technical inspection, buildings and structures, reliability of the results

For citation: Salatov E.K. Increasing the reliability of the results of technical inspection of buildings and structures // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 31–36. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_31.

© Салатов Е.К., 2024

Обследование технического состояния зданий и сооружений проводится для оценки возможности их дальнейшей безаварийной эксплуатации или необходимости восстановления и усиления конструкций при их реконструкции. Техническое обследование зданий и сооружений – одна из наиболее наукоемких отраслей строительства, которая постоянно нуждается в повышении достоверности результатов обследования. Недостоверные данные, показанные в техническом заключении, могут повлечь в дальнейшем значительные финансовые и временные потери. Для успешного проведения технического обследования необходимо разрешить многочисленные проблемы технического и организационного характера, от каждой из которых, в той или иной степени, зависит полнота и достоверность информации и, соответственно, объективность выводов о фактическом состоянии зданий и сооружений в целом, а также прогнозирование их дальнейшей эксплуатации. Качество работ по обследованию зданий и сооружений часто не достигает надлежащего уровня. Это вызвано как недооценкой значимости отдельных составляющих работ, так и отсутствием общепринятой методики контроля и оценки достоверности результатов.

Обследование технического состояния зданий и сооружений проводится силами специализированных организаций, оснащенных современной приборной базой и имеющих в своем составе высококвалифицированных и опытных специалистов. Техническое обследование зданий и сооружений – процесс трудоемкий, связанный с продолжительными по времени этапами работ и большими материальными затратами, а достоверность результатов обследований зачастую определяется квалификацией исполнителей, что особенно относится к начальному этапу, когда обычно используют визуальные методы сбора информации.

Одной из проблем технического обследования является и то, что средства диагностического контроля разрабатывают специалисты-прибористы, не до конца оценивающие особенности натурных полевых исследований, часто проходящих в сложных производственных условиях. Соответственно, диагностическая аппаратура, в первую очередь, предполагает ее использование в заводских условиях или на стройплощадках. Основная трудность применения средств контроля заключается в том, что в основном, это приборы неразрушающего контроля, использующие косвенные методы оценки характеристик материалов конструкций и, соответственно, требующие постоянной коррекции корреляционных зависимостей информационных параметров от состава материалов. Для разработки корреляционной зависимости требуется наличие большого числа образцов материалов нормативных размеров и в нормативном количестве, получение которых в натурных условиях ограниченного доступа к конструкциям эксплуатирующихся зданий и сооружений проблематично.

Следует отметить, что все большее применение при обследовании зданий и сооружений находят информационные технологии, направленные на автоматизацию сбора и обработки данных об обследуемом объекте. Данные технологии позволяют более надежно сохранять указанную информацию, с наименьшим количеством ошибок передавать ее на следующие этапы работ, а также обеспечивать более наглядное представление об объекте обследования.

Ошибки в результатах обследования могут привести к тому, что последующие проектные решения будут опираться на недостоверные результаты. Это, с одной стороны, может привести к решениям, которые не будут обеспечивать необходимую надежность, связанную с оценкой фактической несущей способности конструкций или здания (сооружения) в целом, а с другой – проектные решения могут быть приняты с излишним запасом, то есть экономически неэффективны.

Таким образом, возникает необходимость совершенствования существующих методик проведения при обследовании и внедрение новых методов работ, отвечающих повышенным требованиям, предъявляемым к результатам обследования как к исходным данным для разработки проектов по реконструкции или усилению.

Основными показателями эффективности методик и средств диагностирования являются достоверность и точность получаемых результатов. Достоверность результатов диагностирования характеризует способность методов и средств диагностирования (измерений) правильно устанавливать фактическое состояние объекта диагностирования, зависит от совершенства методов диагностирования и правильности выбора контролируемых параметров. Точность результатов диагностирования зависит, прежде всего, от правильности выбора проверяемых параметров и степени совершенства средств диагностирования, обуславливающих методическую и инструментальную погрешности.

Согласно вышесказанному, достоверность результатов обследования определяется уровнем соответствия выполненной работы поставленным задачам и степенью соответствия полученных данных действительному состоянию обследуемого объекта. Кроме того, достоверным является обследование, в ходе которого возможность возникновения случайных и систематических ошибок сведена к минимуму.

Заключение по итогам технического обследования является основой для последующей разработки проектной документации, ведь расценки на различные виды работ всегда ниже, чем на возмещение экономического ущерба, который может возникнуть в случае аварийности здания и сооружения. Содержание полученного заключения позволяет определить, какие технические решения необходимы в дальнейшем – капитальный ремонт, реконструкция или снос.

Для целей оценки достоверности результатов обследования необходимо в первую очередь определить факторы, оказывающие наибольшее влияние, из которых впоследствии следует сформировать перечень оцениваемых параметров, прямо влияющих на достоверность:

- полнота исходной проектной документации;
- квалификация и практический опыт специалистов, участвующих в обследовании;
- степень доступа к различным частям обследуемого объекта;
- полнота выполнения работ по техническому обследованию;
- приборное обеспечение на объекте и в лаборатории;
- реальные возможности и погрешности измерений;
- точность и достоверность показаний приборов;
- проведение производственного контроля качества работ по обследованию;
- контроль полноты нормативно-методического сопровождения и обеспечения качества обследования.

Приведенный выше перечень факторов основан на непосредственном опыте практической деятельности по обследованию. Кроме перечисленных, могут существовать еще факторы, которые актуальны при особых условиях, в том числе и неочевидные, либо характерные для конкретной специализированной организации.

Количественная оценка достоверности результатов технического обследования была и остается проблемой, поскольку в нормативных документах этот показатель пока отсутствует. В связи с отсутствием разработанной методики оценки достоверности результатов технического обследования, в настоящее время возникает необходимость разработки некой системы оценки, составляющими которой будут являться приведенные выше факторы.

В данной работе не предусмотрено глубокое изучение оценки достоверности методами статистического оценивания или с применением теории вероятности, поэтому оценка факторов будет произведена субъективно по шкале от 1 до 5 баллов, где оценка 5 будет соответствовать высокому показателю фактора, а 1 – низкому.

Оценку влияния тех или иных факторов предполагается производить экспертным методом, руководствуясь квалификацией и опытом проведения обследований на основании ниже представленной системы оценки факторов. Данная методика основана на результатах

технических обследований, приведенных в итоговых заключениях, информации об административно-организационных моментах на объектах обследований, практического опыта непосредственных исполнителей работ.

Сумма оценок отдельных факторов будет составлять оценку достоверности результатов технического обследования в целом. Оценка факторов, влияющих на достоверность результатов, представлена в *таблице 1*.

Таблица 1. Оценка факторов, влияющих на достоверность результатов технического обследования

Table 1. Assessment of factors affecting the reliability of the results of a technical survey

№	Наименование фактора	Оценка факторов				
		1	2	3	4	5
R_1	Полнота исходной проектной документации	недостаточный уровень	низкий уровень	пониженный уровень	достаточный уровень	повышенный уровень
R_2	Квалификация и практический опыт специалистов, участвующих в обследовании					
R_3	Степень доступа к различным частям обследуемого объекта					
R_4	Полнота выполнения работ по техническому обследованию					
R_5	Приборное обеспечение на объекте и в лаборатории					
R_6	Реальные возможности и погрешности измерений					
R_7	Точность и достоверность показаний приборов					
R_8	Проведение производственного контроля качества работ по обследованию					
R_9	Контроль полноты нормативно-методического сопровождения и обеспечения качества обследования					

В данной таблице оценка от 1 до 5 баллов соответствуют качественной оценке рассматриваемых факторов. Например: оценка 1 – это недостаточный уровень, что соответствует недостаточному показателю фактора для проведения обследования (недостаточная квалификация и опыт исполнителей, недостаточная полнота выполнения работ по техническому обследованию, недостаточная степень доступа или его отсутствие и т.д.).

Оценку общей достоверности результатов технического обследования будем рассчитывать, как среднее арифметическое от оценок факторов с округлением до ближайшего целого по формуле:

$$S = \frac{R_1 + R_2 + \dots + R_9}{9}, \quad (1)$$

где: S – значение оценки достоверности результатов обследования;

R_i – значение оценки отдельного фактора.

Оценка отдельных факторов, включающих в себя несколько элементов (например, оценка квалификации звена или бригады, состоящей из нескольких исполнителей и т.п.),

может быть при этом определена как средняя оценка квалификации каждого специалиста, участвующего в обследовании, с округлением до ближайшего целого по формуле:

$$R = \frac{r_1 + r_2 + \dots + r_i}{n}, \quad (2)$$

где: r_i – оценка элемента фактора;
 n – количество элементов.

По результатам вычисления значения оценки достоверности результатов S (1), необходимо присвоить качественную оценку общей достоверности результатов технического обследования в соответствии с *таблицей 2*.

Таблица 2. Качественная оценка общей достоверности результатов технического обследования

Table 2. Qualitative assessment of the overall reliability of the results of the technical survey

<i>Оценка общей достоверности результатов</i>				
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>
Недостаточная	Низкая	Пониженная	Достаточная	Повышенная

Недостаточная достоверность характеризуется несоответствием результатов целям и задачам обследования и их непригодностью для обоснованного принятия решений в отношении объекта обследования.

Низкая достоверность характеризуется неполным соответствием полученных результатов целям и задачам обследования, отсутствием достаточных обоснований для принятия уверенных решений в отношении обследованного объекта в части возможности его дальнейшей безопасной эксплуатации или необходимости восстановления и недостаточности исходных данных для разработки проектов его ремонта или реконструкции.

Пониженная достоверность результатов характеризуется некоторым несоответствием полученных в ходе обследования результатов целям и задачам обследования и их неполнотой или их недостаточной точности для целей последующей разработки проектов капитального ремонта и реконструкции, однако при этом сохраняется возможность принятия обоснованного, уверенного решения относительно возможности дальнейшей эксплуатации или восстановления.

Достаточная достоверность результатов обследования характеризуется соответствием результатов обследования поставленным целям и задачам, когда полученные результаты достаточны для обоснованного принятия решений относительно возможности дальнейшей эксплуатации или реконструкции и при этом получены в необходимом объеме и с требуемой точностью для целей разработки проектов ремонта и реконструкции обследованного объекта.

Повышенная достоверность результатов обследования характеризуется полным соответствием целям и задачам обследования, когда результаты обследования содержат все необходимые данные для принятия решений по возможности дальнейшей эксплуатации или восстановления объекта обследования, включая обоснованные рекомендации в этой части, а также содержит избыточный уровень исходных данных для последующей разработки проектов ремонта и реконструкции, включая рекомендации по их разработке.

Таким образом, представленная методика показывает возможность учета влияния прямых и косвенных факторов на достоверность результатов обследования и изменений отдель-

ных факторов в пользу повышения достоверности результатов, что позволяет прогнозировать результаты технического обследования до его фактического проведения, а также принять правильное решение о целесообразности применения определенных методов обследования.

Работы по повышению достоверности обследований должны проводиться комплексно, как с кадровыми ресурсами, так и с материально-техническим обеспечением. Однако не следует полностью игнорировать другие факторы, не попавшие в перечень оцениваемых условий для повышения достоверности результатов, так как они также могут оказывать влияние на достоверность результатов обследования и в совокупности это влияние может быть весьма значительным.

Список источников

1. *Олейник П.П., Улитина А.Д.* Система обследования технического состояния здания // Системные технологии. 2020. № 34.
2. *Петрова И.Ю., Мостовой О.О.* Обзор процесса проведения обследования зданий и сооружений. Проблемы и пути решения // Инженерно-строительный вестник Прикаспия: научно-технический журнал. 2021. № 1 (35).
3. *Улыбин А.В., Ватин Н.И.* Качество визуального обследования зданий и сооружений и методика его выполнения // Строительство уникальных зданий и сооружений. 2014. № 10 (25).
4. *Штенгель В.Г.* Общие проблемы технического обследования неметаллических конструкций эксплуатируемых зданий и сооружений // Инженерно-строительный журнал. 2010. № 7.

Информация об авторе

Е.К. Салатов – кандидат технических наук; доцент кафедры зданий и сооружений на транспорте Российской открытой академии транспорта Российского университета транспорта (МИИТ), г. Москва, Россия

Information about the author

E.K. Salatov – Candidate of Sciences in Technology; Associate Professor at the Department of Buildings and structures in transport of the Russian Open Academy of Transport of the Russian University of Transport (MIIT), Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 19.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 19.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 37–53.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 37–53.

Научная статья

УДК 539.37

doi:10.52470/2619046X_2024_2_37

Научно-методический подход в реализации теоретико-экспериментальных исследований потенциально новых трубчатых энергопоглощающих устройств систем ударозащиты строительных конструкций зданий и сооружений

Александр Николаевич Громыко¹,
Екатерина Михайловна Цимлянская²

¹ АО «Корпорация “Комета”», г. Москва, Россия, grelix7@yandex.ru

² Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, Tsimlyanskaya.E@masi.ru

Аннотация. В статье рассматривается алгоритм и основные результаты изучения процесса упруго-пластического деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов, входящих в состав трубчатых пластических амортизаторов с точки зрения основных факторов, влияющих на данный процесс.

Ключевые слова: пластический амортизатор, статическое и динамическое упруго-пластическое деформирование, трубчатый энергопоглощающий элемент (ТЭЭ), трубчатый пластический амортизатор (ТПА)

Для цитирования: Громыко А.Н., Цимлянская Е.М. Научно-методический подход в реализации теоретико-экспериментальных исследований потенциально новых трубчатых энергопоглощающих устройств систем ударозащиты строительных конструкций зданий и сооружений // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 37–53. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_37.

© Громыко А.Н., Цимлянская Е.М., 2024

Original article

Scientific and methodological approach in the implementation of theoretical and experimental studies of potentially new tubular energy-absorbing devices for shock protection systems of building structures of buildings and facilities

Alexander N. Gromyko¹, Ekaterina M. Tsimlyanskaya²

¹ JSC «Corporation “Cometa”», Moscow, Russia, grelix7@yandex.ru

² Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering, Tsimlyanskaya.E@masi.ru

Abstract. The article discusses the algorithm and the main results of studying the process of elastic-plastic deformation of tubular energy-absorbing elements that are part of tubular plastic shock absorbers from the point of view of the main factors influencing this process.

Keywords: plastic shock absorber, static and dynamic elastoplastic deformation, tubular energy absorbing element (TEE), tubular plastic shock absorber (TPA)

For citation: Gromyko A.N., Tsimlyanskaya E.M. Scientific and methodological approach in the implementation of theoretical and experimental studies of potentially new tubular energy-absorbing devices for shock protection systems of building structures of buildings and facilities // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 37–53. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_37.

Известно, что одним из эффективных путей защиты зданий и сооружений, которые подвергаются или могут подвергнуться воздействию как статических, так и ударных сейсмических нагрузок, является применение в фундаментной части пластической амортизации воздействия ударных нагрузок, работающей по принципу необратимого энергопоглощения подводимого силового воздействия [1].

В результате последних теоретико-экспериментальных исследований в области пластического деформирования [2] известно, что подобрана такая конструктивная схема рабочего элемента перспективного пластического амортизатора [3–7], которая позволяет более полно использовать его энергопоглощающие способности с точки зрения обеспечения минимально возможных габаритов и массы и максимально возможного энергопоглощения.

Конструктивная схема такого амортизатора показана на *рисунке 1*. Он включает в себя: трубчатый энергопоглощающий элемент; охватывающий его шарнирный пластинчатый четырёхзвенник; верхний опорный узел, воспринимающий нагрузку от внешних воздействий и передающий её на шарнирный четырёхзвенник; нижний опорный узел (основание), воспринимающий сниженную за счёт работы трубчатого энергопоглощающего элемента нагрузку от шарнирного четырёхзвенника и передающего её на защищаемый объект.

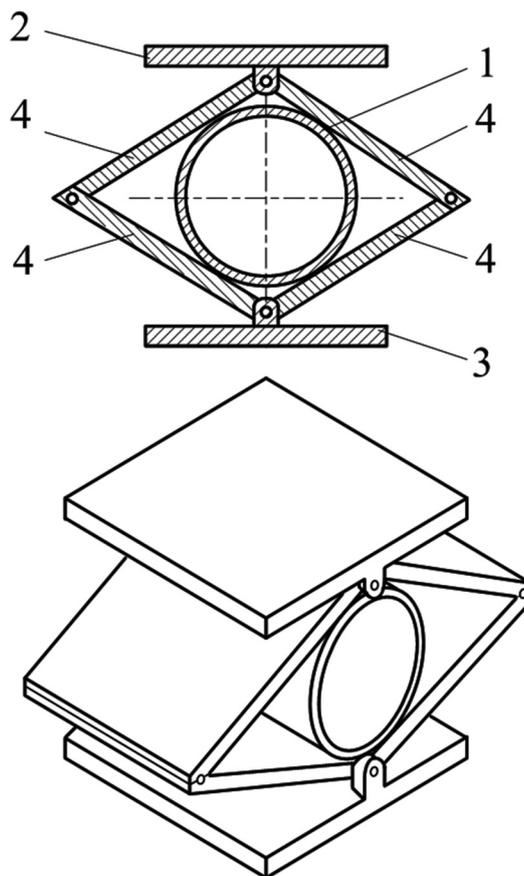

Рисунок 1. Конструкция трубчатого пластического амортизатора:
1 – трубчатый элемент; 2 – верхнее основание; 3 – нижнее основание;
4 – пластины-рычаги

Figure 1. Construction of a tubular plastic shock absorber: 1 – tubular element;
2 – upper base; 3 – lower base; 4 – plates-levers

При этом важным является то, что шарнирный пластинчатый четырёхзвенник позволяет более рационально распределить нагрузку, прикладываемую к трубчатому пластинчатому амортизатору, на трубчатый энергопоглощающий элемент.

Очевидно, что данная конструкция нуждается в более углубленном теоретическом, а впоследствии – экспериментальном исследовании с точки зрения выявления влияния достаточно большого количества рабочих параметров на уровень энергопоглощения и степень снижения уровня воспринимаемой нагрузки.

С учётом изложенного, теоретическое и экспериментальное исследование параметров упруго-пластического деформирования трубчатых элементов при статическом, а затем – при ударном нагружении [7], включало решение следующих задач:

1. Разработку математической модели статического упругого деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов.
2. Разработку математической модели статического упруго-пластического деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов (рисунок 2).

3. Теоретическое исследование влияния геометрических и физико-механических характеристик трубчатых энергопоглощающих элементов на параметры и характеристики их статического упруго-пластического деформирования.
4. Разработку математической модели динамического упруго-пластического деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов при ударном нагружении.
5. Теоретическое исследование влияния геометрических и физико-механических характеристик трубчатых энергопоглощающих элементов на параметры и характеристики их динамического упруго-пластического деформирования при ударном нагружении.
6. Определение экспериментальных диаграмм статического упруго-пластического деформирования трубчатых элементов с различными геометрическими характеристиками и их сравнение с соответствующими теоретическими диаграммами.
7. Установление экспериментальных зависимостей параметров и характеристик статического упруго-пластического деформирования трубчатых элементов от геометрических характеристик и сравнение с соответствующими теоретическими зависимостями.
8. Экспериментальное определение параметров динамического упруго-пластического деформирования трубчатых элементов с различными геометрическими характеристиками при ударном нагружении и их сравнение с соответствующими теоретическими параметрами.
9. Оценка адекватности полученных математических моделей статического и динамического упруго-пластического деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов.

Для построения экспериментальных диаграмм статического упруго-пластического деформирования трубчатых элементов с различными геометрическими характеристиками

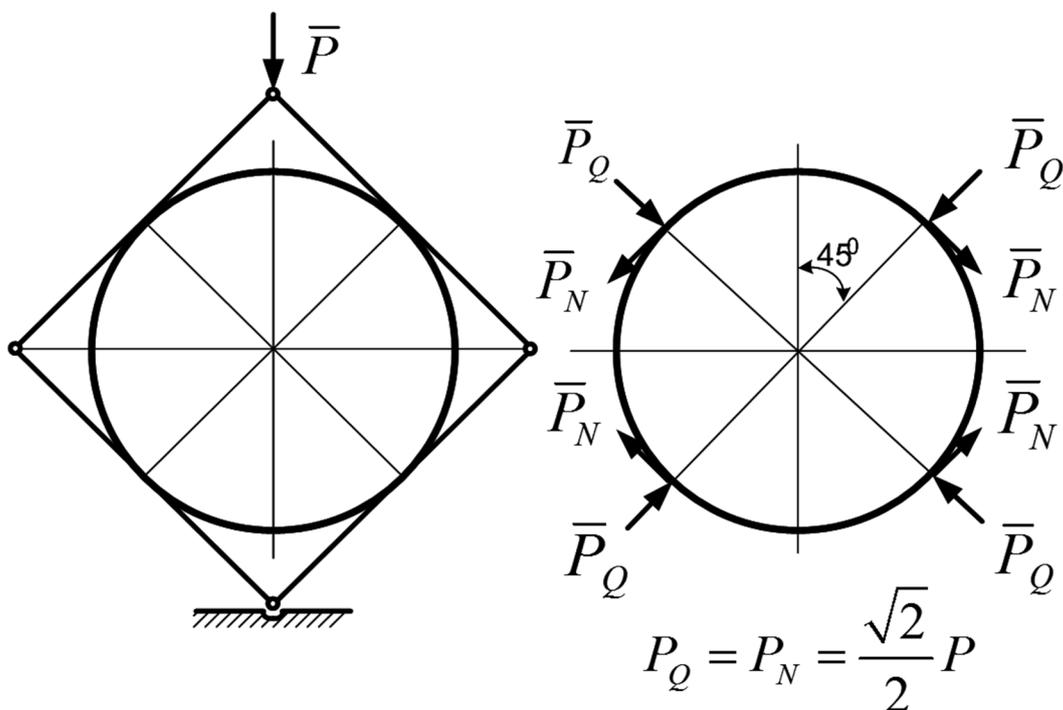

Рисунок 2. Схема трубчатого пластического амортизатора

Figure 2. Diagram of a tubular plastic shock absorber

с точки зрения обеспечения достаточно высокой энергоёмкости и приемлемой податливости при деформировании представляется возможным применение следующих конструкционных материалов для изготовления трубчатых элементов:

- низкоуглеродистые стали (Ст.3, Ст.4, Ст.5, Ст.6);
- алюминиевые сплавы (дуралюмин Д1, дуралюмин Д6, алюминиево-магниевый сплав АМГ-5);
- латуни (Л62, Л68, Л85, ЛА 77-2).

Физико-механические характеристики данных материалов и значения их обобщённого показателя приведены в *таблице 1*. Их анализ свидетельствует о том, что наиболее приемлемыми для изготовления трубчатых энергопоглощающих элементов являются следующие конструкционные материалы:

- из низкоуглеродистых сталей – Ст.3 и Ст.5;
- из алюминиевых сплавов – дуралюмин Д1 и алюминиево-магниевый сплав АМГ-5;
- из латуней – латунь алюминиевая ЛА 77-2 и латунь Л62.

Таблица 1. Физико-механические характеристики конструкционных материалов трубчатых элементов

Table 1. Physical and mechanical characteristics of structural materials of tubular elements

<i>Материалы</i>	$\sigma_r, \text{Н/мм}^2$	$E, \text{Н/мм}^2$	$\varepsilon_{удл}, \%$
Низкоуглеродистые стали:			
Ст.3	245	$2,0 \times 10^5$	25,5
Ст.4	266,4	$2,02 \times 10^5$	23
Ст.5	288	$2,04 \times 10^5$	20
Ст.6	315,4	$2,05 \times 10^5$	17
Алюминиевые сплавы:			
Д1	137,9	$0,697 \times 10^5$	50
Д6	149,1	$0,697 \times 10^5$	15
АМГ-5	137,3	$0,677 \times 10^5$	40
Латуни:			
Л62	126,9	$0,722 \times 10^5$	56
Л68	89,3	$0,702 \times 10^5$	55
Л85	98,1	$0,702 \times 10^5$	50
ЛА 77-2	139,3	$0,981 \times 10^5$	56

В соответствии с проведенным выше анализом задачами теоретического исследования являются:

1. Установление зависимостей уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} , средних жёсткости \mathcal{J}_{CT} и предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} на пластический амортизатор, податливости ПДТ_{СТ} трубчатых элементов от каждого из геометрических параметров R, L, δ при фиксированных средних значениях остальных параметров для каждого из выбранных конструкционных материалов (Ст.3, Ст.5, Д1, АМГ-5, ЛА 77-2, Л62). Наличие таких зависимостей позволяет однозначно установить степень влияния каждого из геометрических параметров на уровень энергопоглощения и среднюю податливость трубчатых элементов.
2. Установление зависимостей предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} , средних жёсткости \mathcal{J}_{CT} и податливости ПДТ_{СТ} от обобщённого показателя

геометрических характеристик $\Pi_{ГМ}$ трубчатых элементов для каждого из выбранных конструкционных материалов. Наличие таких зависимостей обеспечивает возможность оптимизации геометрических и физико-механических характеристик трубчатых элементов, то есть таких их значений, которые обеспечивают максимально возможный уровень энергопоглощения при приемлемой податливости трубчатого элемента.

3. Разработка рекомендаций по выбору геометрических и физико-механических характеристик трубчатых элементов.

Очевидно, что такой объём исследований может быть выполнен только путём машинного экспериментирования. Теоретической основой такого экспериментирования является разработанная программа для ПЭВМ по расчёту предельно допустимой нагрузки $P_{СТmax}$, уровня энергопоглощения $\mathcal{E}_{СТ}$, средних жёсткости $J_{СТ}$ и податливости ПДТ_{СТ} трубчатых элементов в зависимости от их геометрических и физико-механических характеристик. При этом, план машинного эксперимента заключается в следующем:

Исследуется влияние радиуса трубчатого элемента в диапазоне $R = 30 \dots 70$ мм с шагом $\Delta R = 2$ мм при фиксированных средних значениях других геометрических параметров: $L_{CP} = 90$ мм; $\delta_{CP} = 3$ мм. В качестве конструкционного материала принимается сталь марки Ст.3 со следующими характеристиками: $\sigma_T = 245$ Н/мм²; $E = 2,0 \cdot 10^5$ Н/мм². По результатам расчётов строятся графики зависимостей предельно допустимой нагрузки $P_{СТmax}$, уровня энергопоглощения $\mathcal{E}_{СТ}$ и средней жёсткости $J_{СТ}$ от радиуса R трубчатого элемента и от обобщённого показателя его геометрических характеристик:

$$\Pi_{ГМ}^R = \frac{L_{CP} \cdot \delta_{CP}^{2,5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R - \delta_{CP}} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta_{CP}}{R}}\right)$$

Осуществляется анализ полученных графических зависимостей.

Исследуется влияние длины трубчатого элемента в диапазоне $L = 30 \dots 150$ мм с шагом $\Delta L = 6$ мм при фиксированных средних значениях других геометрических параметров: $R_{CP} = 50$ мм; $\delta_{CP} = 3$ мм. В качестве конструкционного материала принимается сталь Ст.3. По результатам расчётов строятся графики зависимостей предельно допустимой нагрузки $P_{СТmax}$, уровня энергопоглощения $\mathcal{E}_{СТ}$ и средней жёсткости $J_{СТ}$ от длины L трубчатого элемента и от обобщённого показателя его геометрических характеристик:

$$\Pi_{ГМ}^L = \frac{L_{CP} \cdot \delta_{CP}^{2,5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R - \delta_{CP}} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta_{CP}}{R}}\right)$$

Осуществляется анализ полученных графических зависимостей.

4. Исследуется влияние толщины стенки трубчатого элемента в диапазоне $\delta = 1 \dots 5$ мм с шагом $\Delta \delta = 0,2$ мм при фиксированных средних значениях других геометрических параметров: $R_{CP} = 50$ мм; $L_{CP} = 90$ мм. В качестве конструкционного материала принимается сталь Ст.3. По результатам расчётов строятся графики зависимостей предельно допустимой нагрузки $P_{СТmax}$, уровня энергопоглощения $\mathcal{E}_{СТ}$ и средней жёсткости $J_{СТ}$ от толщины стенки δ трубчатого элемента и от обобщённого показателя его геометрических характеристик:

$$\Pi_{ГМ}^\delta = \frac{L_{CP} \cdot \delta^{2,5}}{R_{CP}} \cdot \left(1 - \frac{R_{CP}}{R_{CP} - \delta} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta}{R_{CP}}}\right)$$

Осуществляется анализ полученных графических зависимостей.

5. Исследуется влияние обобщённого показателя геометрических характеристик трубчатого элемента в диапазоне $\Pi_{ГМ} = 0,2934 \dots 91,428$ при следующих значениях и шагах изменения

радиуса R , длины L и толщины стенки δ : $R = 30 \dots 70$ мм, $\Delta R = 2$ мм; $L = 30 \dots 150$ мм, $\Delta L = 6$ мм; $\delta = 1 \dots 5$ мм, $\Delta \delta = 0,2$ мм. В качестве конструкционного материала принимается сталь Ст.3. По результатам расчётов строятся графики зависимостей предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости J_{CT} от величины обобщённого показателя геометрических характеристик трубчатого элемента:

$$P_{GM} = \frac{L \cdot \delta^{2,5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R - \delta} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta}{R}}\right)$$

Осуществляется анализ полученных графических зависимостей.

6. Повторяются исследования по п. 1...4 для других конструкционных материалов, а именно: сталь Ст.5, дуралюмин Д1, алюминиево-магниевый сплав АМг-5, латунь алюминиевая ЛА77-2, латунь Л62.
7. Осуществляется общий анализ полученных данных, разрабатываются предложения по выбору наилучших геометрических характеристик и конструкционных материалов трубчатых элементов как с точки зрения энергопоглощения, так и с точки зрения податливости (жёсткости).

Результаты машинного эксперимента представляют собой следующее:

- *Рисунки 3...5* – зависимости предельно допустимой статической нагрузки P_{CTmax} , уровня статического энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней статической жёсткости J_{CT} соответственно от радиуса R , длины L , толщины стенки δ трубчатого элемента для различных конструкционных материалов (Ст.3, Ст.5, Д1, АМг-5, ЛА77-2, Л62).
- *Рисунки 6...8* – зависимости предельно допустимой статической нагрузки P_{CTmax} , уровня статического энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней статической жёсткости J_{CT} от обобщённых показателей P_{GM}^R , P_{GM}^L , P_{GM}^δ , изменяющихся соответственно только от радиуса R ($L_{CP} = 90$ мм, $\delta_{CP} = 3$ мм), только от длины L ($R_{CP} = 50$ мм, $\delta_{CP} = 3$ мм), только от толщины стенки δ ($R_{CP} = 50$ мм, $L_{CP} = 90$ мм) трубчатого элемента, для различных конструкционных материалов.
- *Рисунок 9* – зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня статического энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней статической жёсткости J_{CT} от обобщённого показателя геометрических характеристик P_{GM} .

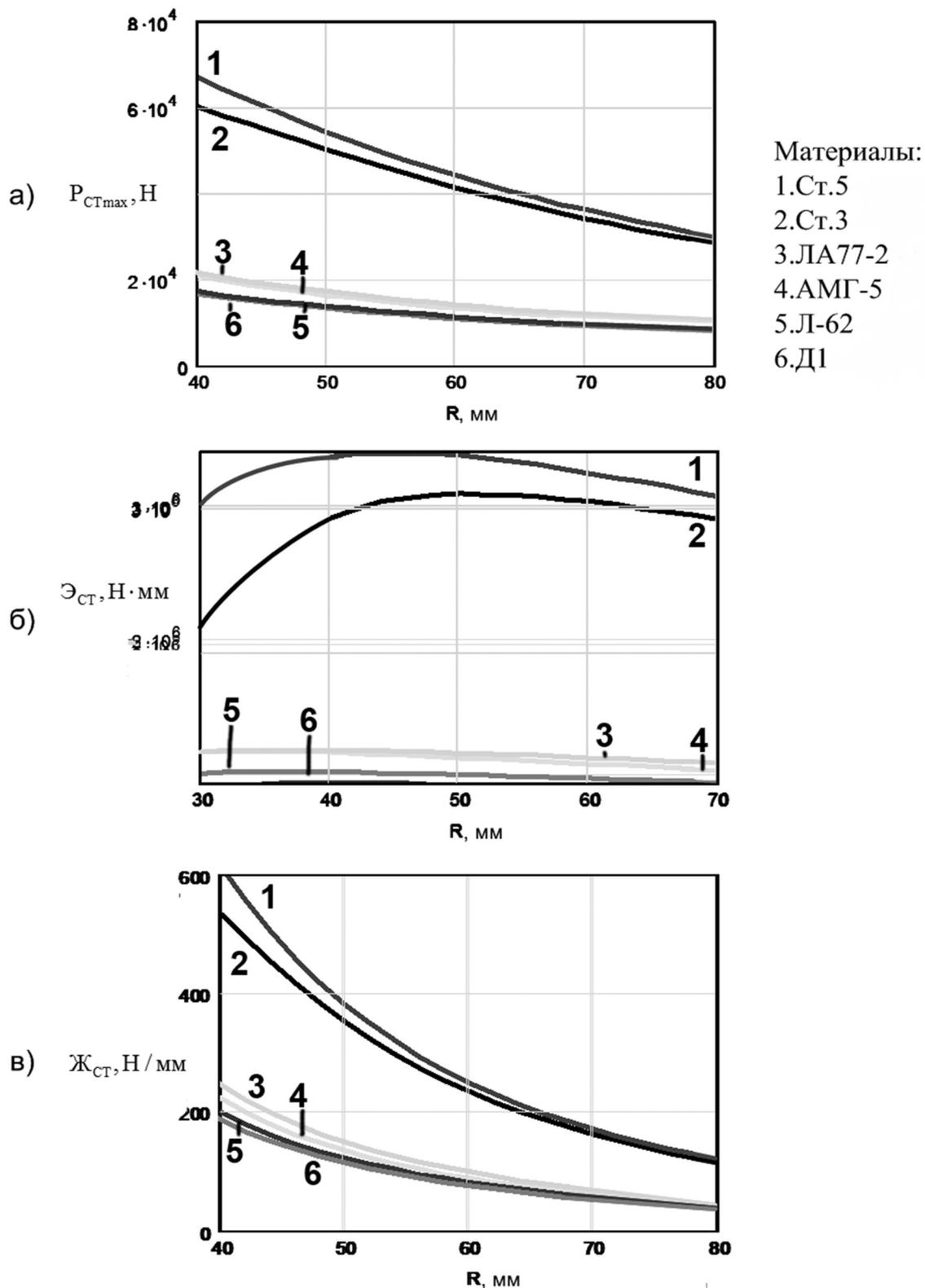

Рисунок 3. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости $Ж_{CT}$ от радиуса R трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 3. Dependence of the maximum permissible load, the level of energy absorption, and the average stiffness of the stiffness on the radius R of the tubular element for various structural materials

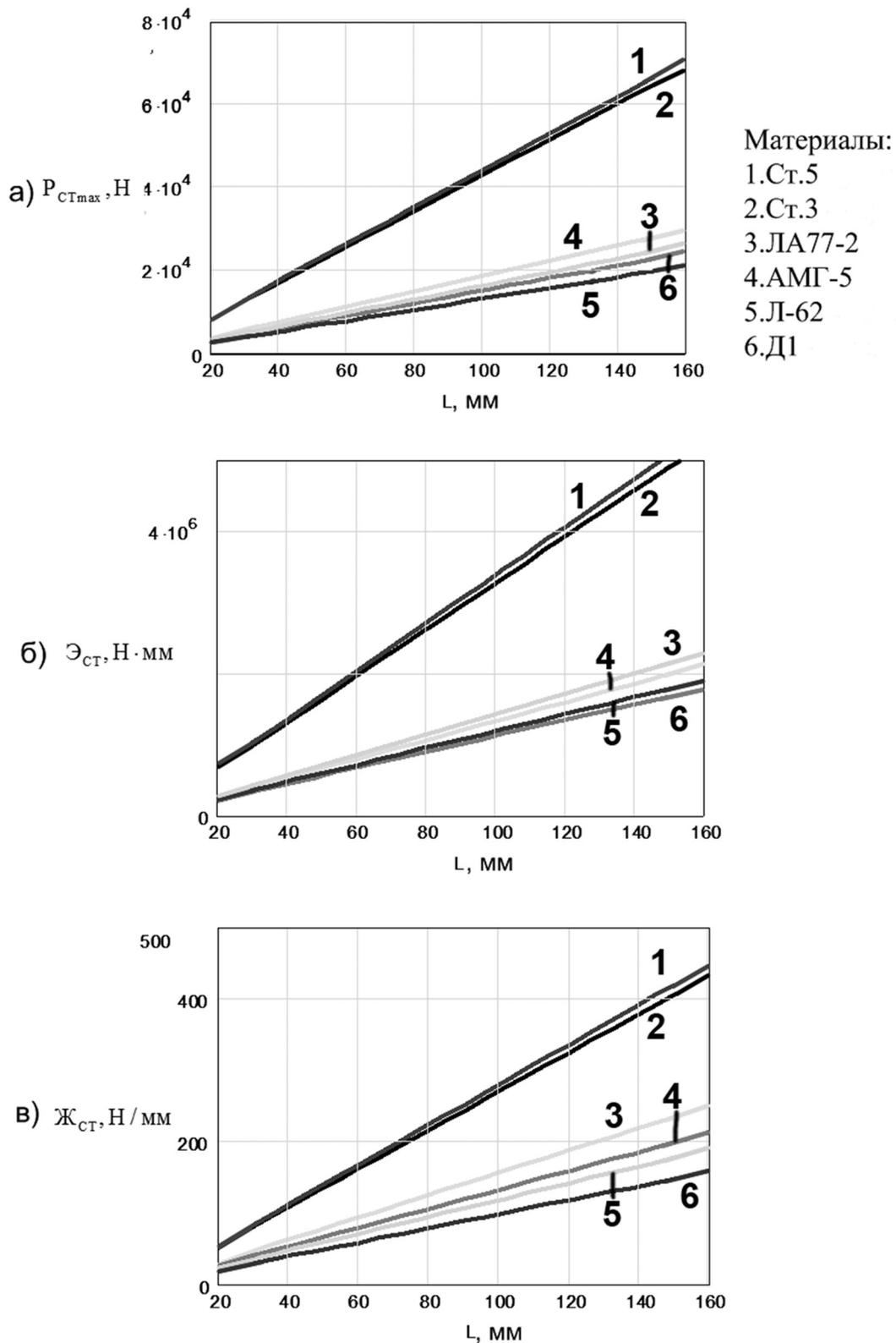

Рисунок 4. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости \mathcal{J}_{CT} от длины L трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 4. Dependences of the maximum permissible load, the level of energy absorption, and the average stiffness of the stiffness on the length L of the tubular element for various structural materials

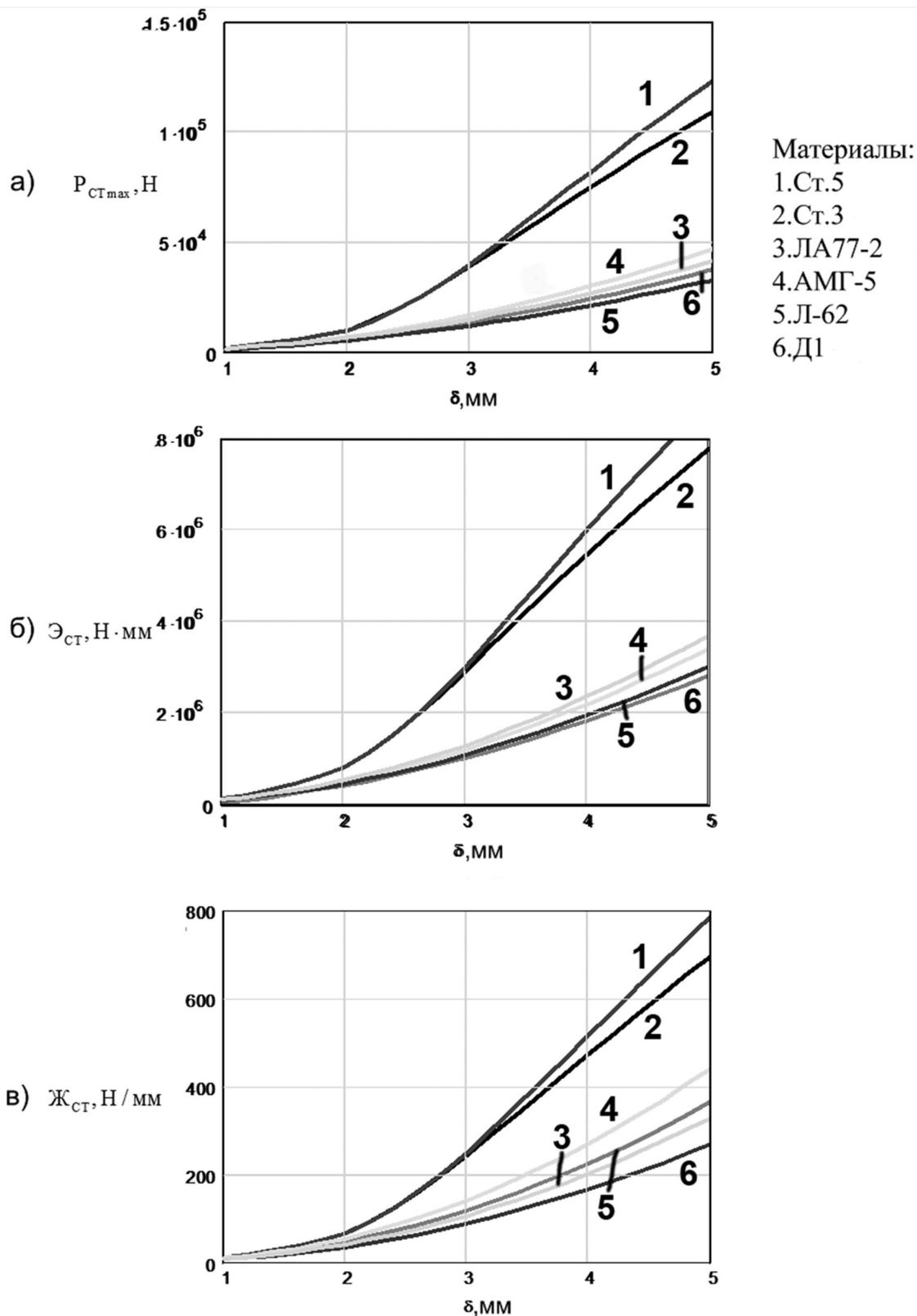

Рисунок 5. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости $Ж_{CT}$ от толщины стенки δ трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 5. Dependences of the maximum permissible load, energy absorption level and average stiffness on the stiffness of the stiffness on the wall thickness of the tubular element for various structural materials

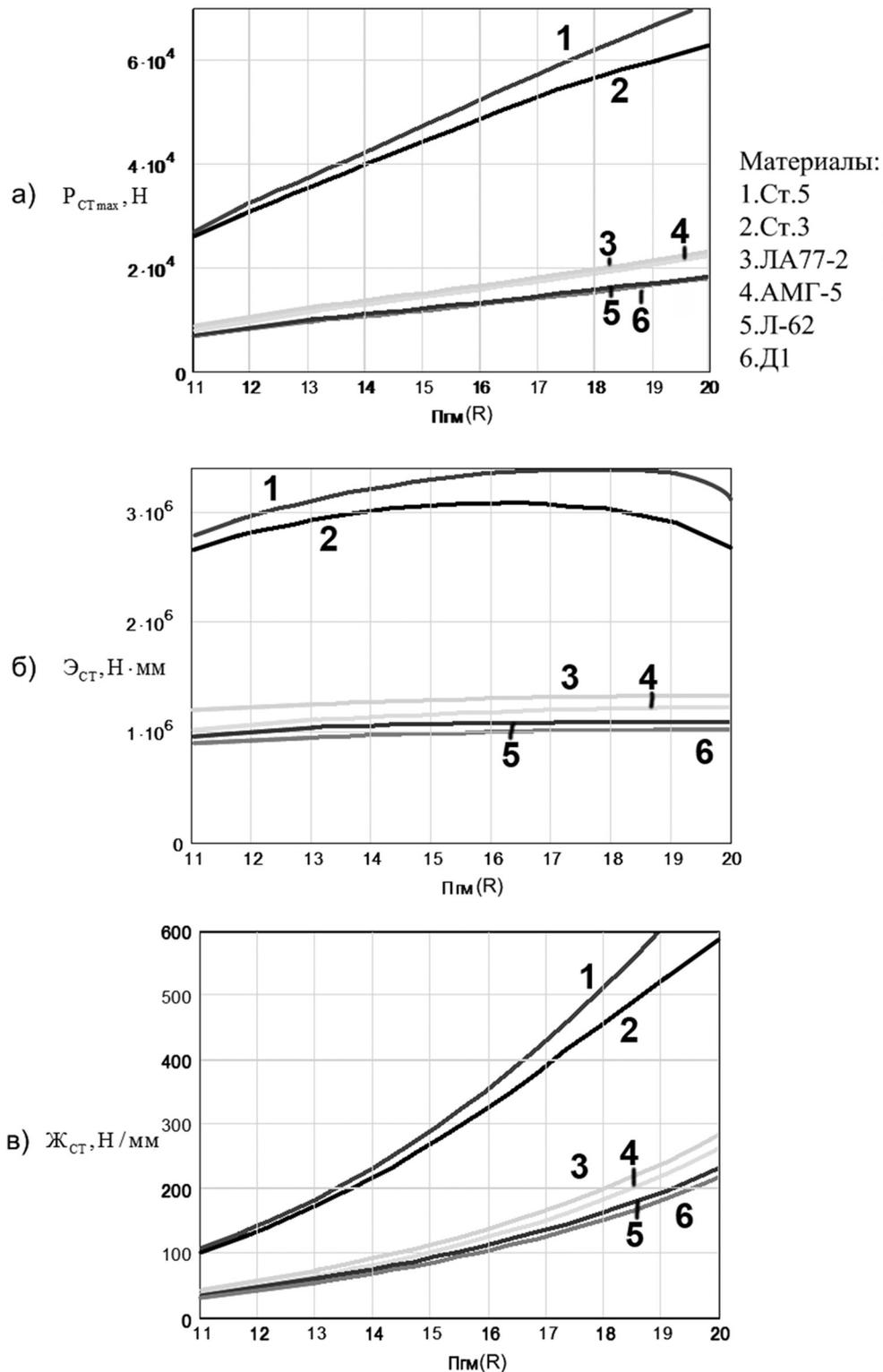

Рисунок 6. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости $Ж_{CT}$ от обобщённого показателя геометрических характеристик $\Pi_{ГМ}(R)$, изменяющегося только за счёт радиуса R трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 6. The dependence of the maximum permissible load, the level of energy absorption of the \mathcal{E}_{CT} and the average stiffness of the Stiffness on the generalized indicator of the geometric characteristics of the $P_{cm}(R)$, which varies only due to the radius R of the tubular element for various structural materials

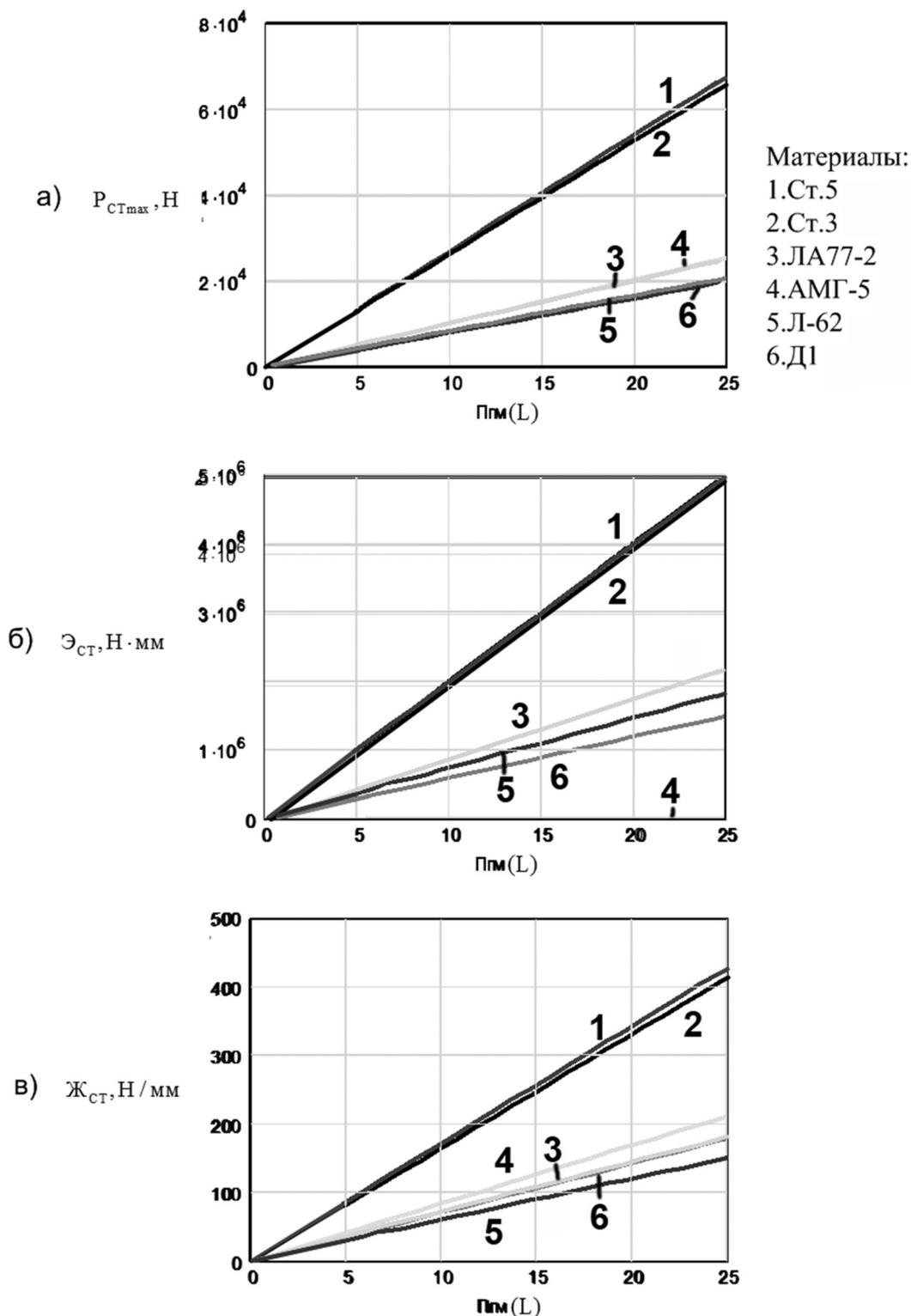

Рисунок 7. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости $Ж_{CT}$ от обобщённого показателя геометрических характеристик $P_{gm}(L)$, изменяющегося только за счёт длины L трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 7. Dependences of the maximum permissible load, the level of energy absorption of the \mathcal{E}_{CT} and the average stiffness of the Stiffness on the generalized indicator of the geometric characteristics of the $P_{gm}(L)$, which varies only due to the length L of the tubular element for various structural materials

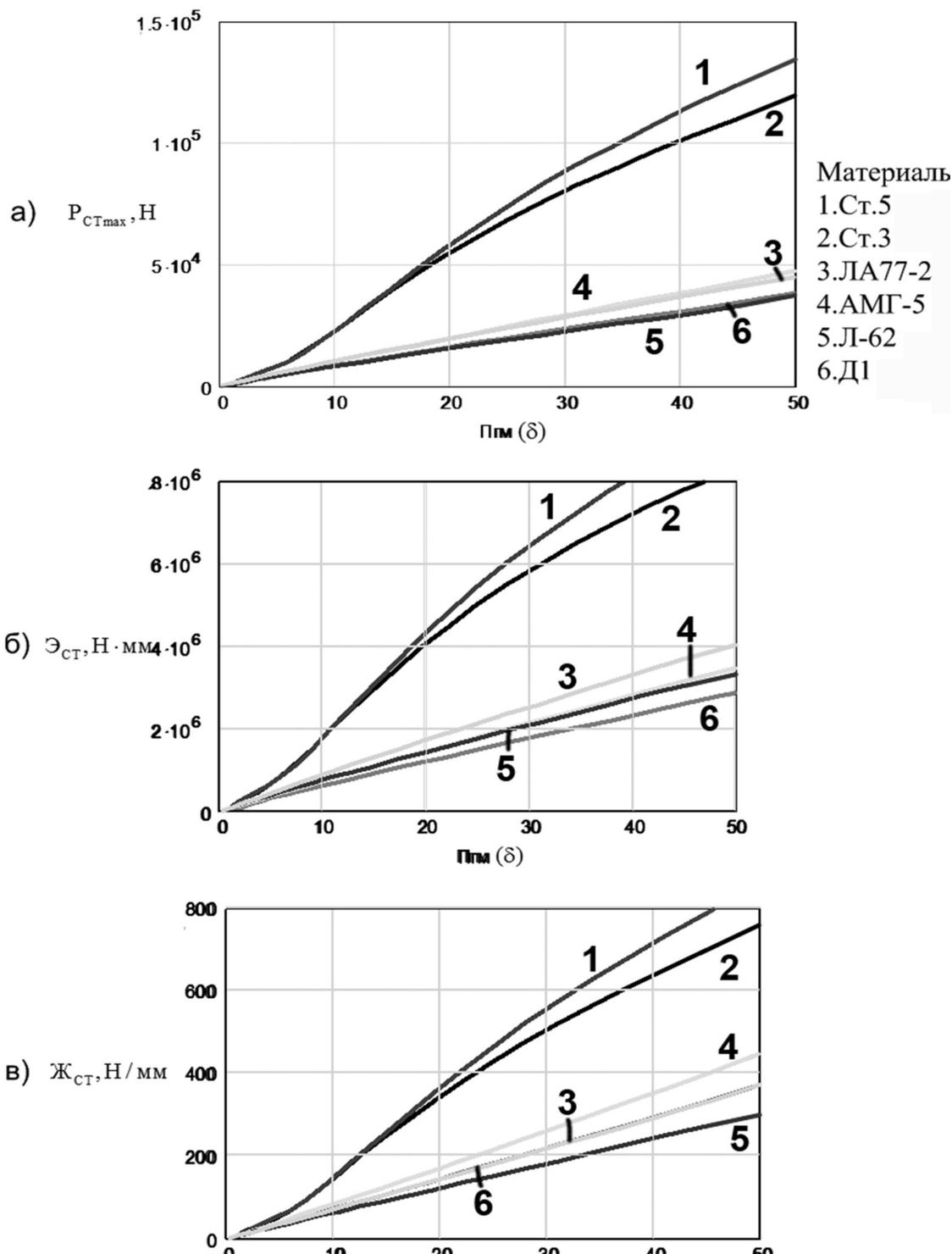

Рисунок 8. Зависимости предельно допустимой нагрузки $P_{СТmax}$, уровня энергопоглощения $\mathcal{E}_{СТ}$ и средней жёсткости $Ж_{СТ}$ от обобщённого показателя геометрических характеристик $P_{ГМ}(\delta)$, изменяющегося только за счёт толщины стенки δ трубчатого элемента для различных конструкционных материалов

Figure 8. The dependence of the maximum permissible load, the level of energy absorption of the Ect and the average stiffness of the Stiffness on the generalized indicator of the geometric characteristics of the $P_{ГМ}(\delta)$, which varies only due to the wall thickness of the tubular element for various structural materials

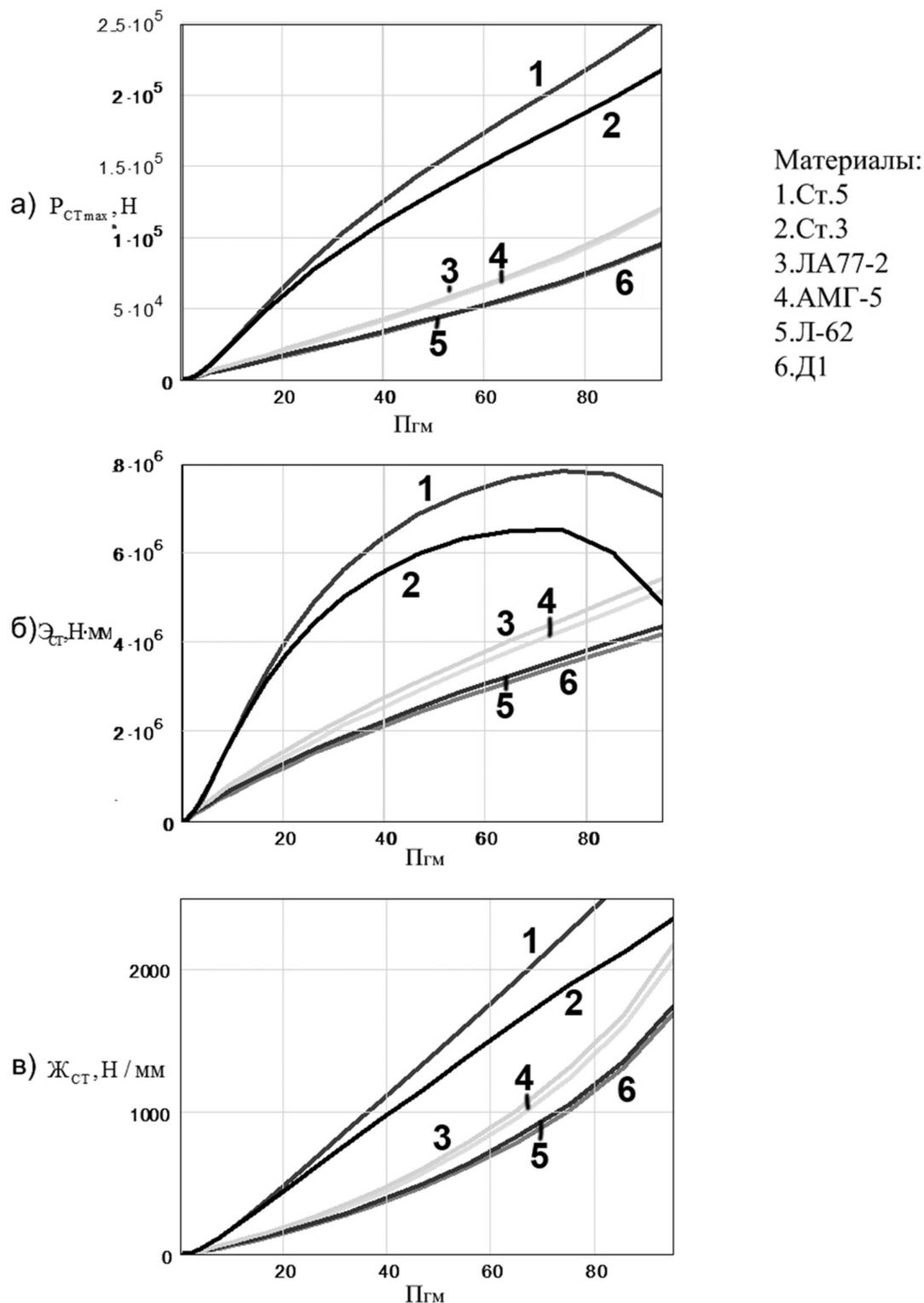

Рисунок 9. Зависимости предельно допустимой нагрузки P_{CTmax} , уровня энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средней жёсткости \mathcal{J}_{CT} от обобщённого показателя геометрических характеристик Π_{GM} , изменяющегося одновременно за счёт радиуса R , длины L и толщины стенки δ трубчатого элемента, для различных конструкционных материалов

Figure 9. Dependence of the maximum permissible load, the level of energy absorption and average stiffness on the generalized indicator of geometric characteristics, changing simultaneously due to the radius R , length L and wall thickness of the tubular element, for various structural materials

Анализ полученных зависимостей позволяет сделать следующие выводы:

1. Зависимости $P_{CTmax} = f(R)$ (рисунк 3, а) имеют слабо выраженный криволинейный характер, близкий к линейному и свидетельствующий о том, что с ростом радиуса R предельно допустимая нагрузка на трубчатый элемент P_{CTmax} убывает. При этом уровень значений P_{CTmax} для сталей в 2 и более раз превышает соответствующий уровень для алюминиевых сплавов и латуней в пределах рассматриваемого диапазона изменения радиуса $R = 30 \dots 80$ мм.
2. Зависимости $\mathcal{E}_{CT} = f(R)$ (рисунк 3, б) имеют плавный криволинейный выпуклый характер, более выраженный для сталей и менее выраженный для алюминиевых сплавов и латуней, со смещением выпуклости либо в сторону увеличения радиуса R , либо в сторону его уменьшения в зависимости от вида конструкционного материала:
 - для сталей – выпуклость смещается в сторону увеличения радиуса R по мере снижения предела текучести σ_T материала;
 - для алюминиевых сплавов и латуней – выпуклость смещается в сторону уменьшения радиуса R по мере снижения предела текучести σ_T ;
 Наличие выпуклостей в зависимостях $\mathcal{E}_{CT} = f(R)$ свидетельствует о наличии оптимальных значений радиусов R . Оптимальные диапазоны значений радиуса R трубчатого элемента для различных конструкционных материалов находятся в пределах:
 - сталь Ст.5 – $R_{OPT} = 40 \dots 50$ мм;
 - сталь Ст.3 – $R_{OPT} = 45 \dots 60$ мм;
 - алюминиевые сплавы (АМг-5, Д1) и латуни (Л77-2, Л62) – $R_{OPT} = 30 \dots 45$ мм.
 При этом уровень значений \mathcal{E}_{CT} для сталей в 2,5...2,7 раза превышает соответствующий уровень для алюминиевых сплавов и латуней в пределах рассматриваемого диапазона изменения радиуса R трубчатого элемента.
3. Зависимости $J_{CT} = f(R)$ (рисунк 3, в) имеют плавный, криволинейный, быстроубывающий характер, близкий к гиперболическому и свидетельствующий о том, что с ростом радиуса R средняя статическая жёсткость J_{CT} трубчатого элемента существенно снижается (а податливость, соответственно, увеличивается по закону: $DT_{CT} = 1 / J_{CT}$). При этом уровень значений J_{CT} для сталей в 2,4 и более раз превышает соответствующий уровень для алюминиевых сплавов и латуней в пределах рассматриваемого диапазона изменения радиуса R трубчатого элемента.
4. Зависимости $P_{CTmax} = f(L)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(L)$, $J_{CT} = f(L)$ (рисунк 4) имеют явно выраженный линейный быстро возрастающий характер, свидетельствующий о том, что с ростом длины L трубчатого элемента предельно допустимая максимальная нагрузка P_{CTmax} , уровень энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средняя жёсткость J_{CT} значительно возрастают, особенно \mathcal{E}_{CT} . При этом уровень P_{CTmax} , \mathcal{E}_{CT} , J_{CT} для сталей существенно превышает соответствующий уровень для алюминиевых сплавов и латуней и тем больше, чем больше длина трубчатого элемента L .
5. Зависимости $P_{CTmax} = f(\delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\delta)$, $J_{CT} = f(\delta)$ (рисунк 5) имеют:
 - для сталей в пределах $\delta = 1 \dots 3$ мм параболический возрастающий характер, а при $\delta > 3$ мм явно выраженный линейный быстро возрастающий характер, свидетельствующий о том, что с ростом толщины стенки δ трубчатого элемента предельно допустимая максимальная нагрузка P_{CTmax} , уровень энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и средняя жёсткость J_{CT} значительно возрастают, особенно \mathcal{E}_{CT} ;
 - для алюминиевых сплавов и латуней параболический возрастающий характер.
 При этом рост уровня P_{CTmax} , \mathcal{E}_{CT} , J_{CT} для сталей происходит значительно быстрее, чем рост соответствующего уровня для алюминиевых сплавов и латуней.

6. Наибольшее влияние на уровень P_{CTmax} и \mathcal{E}_{CT} оказывает длина L и толщина стенки δ трубчатого элемента, а на уровень \mathcal{J}_{CT} – толщина стенки δ и радиус R трубчатого элемента.
7. Зависимости $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^R)$ (рисунков 6, а) имеют практически линейный возрастающий характер, весьма близкий к характеру изменения зависимостей $P_{CTmax} = f(R)$ (рисунков 3, а) с учётом того, что величина Π_{GM}^R обратна величине R :

$$\Pi_{GM}^R = \frac{L_{CP} \cdot \delta_{CP}^{2.5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R - \delta_{CP}} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta_{CP}}{R}}\right)$$

8. Зависимости $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R)$ (рисунков 6, б) имеют такой же характер, как и зависимости $\mathcal{E}_{CT} = f(R)$ (рисунков 3, б) с учётом обратности величин Π_{GM}^R и R .
9. Зависимости $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R)$ (рисунков 6, в) имеют степенной возрастающий характер, весьма близкий к характеру зависимостей $\mathcal{J}_{CT} = f(R)$ (рисунков 3, в) с учётом обратности величин Π_{GM}^R и R .
10. Зависимости $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^L)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM}^L)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^L)$ (рисунков 7) имеют явно выраженный линейный быстро возрастающий характер, полностью соответствующий характеру зависимостей $P_{CTmax} = f(L)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(L)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(L)$ (рисунков 4), что следует из формулы обобщённого показателя геометрических характеристик трубчатого элемента Π_{GM}^L :

$$\Pi_{GM}^L = \frac{L_{CP} \cdot \delta_{CP}^{2.5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R_{CP} - \delta_{CP}} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta_{CP}}{R}}\right)$$

11. Зависимости $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^\delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM}^\delta)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^\delta)$ (рисунков 8) имеют слабо выраженный криволинейный возрастающий характер, весьма близкий к линейному, особенно для алюминиевых сплавов и латуней, и достаточно близкий к характеру зависимостей $P_{CTmax} = f(\delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\delta)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(\delta)$ (рисунков 5).
12. Зависимости $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM})$ (рисунков 9, а) имеют слабо выраженный криволинейный возрастающий характер, весьма близкий к линейному и к характеру изменения зависимостей $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^R)$, (рисунков 6, а), $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^L)$ (рисунков 7, а), $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^\delta)$ (рисунков 8, а).
13. Зависимости $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM})$ (рисунков 9, б) имеют:
- для сталей – ярко выраженный криволинейный выпуклый характер с наличием области оптимальных значений Π_{GM} ;
 - для алюминиевых сплавов и латуней – слабо выраженный криволинейный возрастающий (в области рассматриваемых значений) характер.

14. Зависимости $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM})$ (рисунков 9, в) имеют для сталей – слабо выраженный криволинейный быстро возрастающий характер, близкий к линейному и к характеру изменения зависимостей $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R)$ (рисунков 6, в), $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^L)$ (рисунков 7, в), $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^\delta)$ (рисунков 8, в).

15. Степень соответствия характера зависимостей $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta, \Pi_{GM})$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta, \Pi_{GM})$, $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta, \Pi_{GM})$ (рисунков 6...9) характеру зависимостей $P_{CTmax} = f(R, L, \delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(R, L, \delta)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(R, L, \delta)$ (рисунков 3...5) свидетельствует о достаточной точности предложенной формулы для вычисления обобщённого показателя геометрических характеристик Π_{GM} трубчатого элемента, полученной эмпирическим путём:

$$\Pi_{GM} = \frac{L \cdot \delta^{2.5}}{R} \cdot \left(1 - \frac{R}{R - \delta} \cdot \sqrt[3]{\frac{\delta}{R}}\right)$$

Изложенные зависимости $P_{CTmax} = f(R, L, \delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(R, L, \delta)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(R, L, \delta)$ (рисунков 3...5), $P_{CTmax} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta)$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta)$, $\mathcal{J}_{CT} = f(\Pi_{GM}^R, \Pi_{GM}^L, \Pi_{GM}^\delta)$ (рисунков 6...8),

$P_{CTmax} = f(\Pi_{GM})$, $\mathcal{E}_{CT} = f(\Pi_{GM})$, $J_{CT} = f(\Pi_{GM})$ (рисунок 9) получены авторами впервые и являются новыми [2]. Их научная новизна обусловлена:

- рассмотрением нового объекта исследования – трубчатого энергопоглощающего элемента;
- рассмотрением нового характера нагружения трубчатого энергопоглощающего элемента четырьмя сосредоточенными осесимметричными сжимающими поперечными силами;
- применением для их получения новой математической модели статического упруго-пластического деформирования трубчатых элементов при сжатии сосредоточенными осесимметричными поперечными силами и её новыми возможностями по исследованию влияния геометрических и физико-механических характеристик трубчатых элементов на предельно допустимую статическую нагрузку P_{CTmax} , на уровень статического энергопоглощения \mathcal{E}_{CT} и на среднюю статическую жёсткость J_{CT} трубчатого элемента.

Список источников

1. Безухов Н.И. Основы теории упругости, пластичности и ползучести. М., 1968.
2. Евдокимов А.П., Громыко А.Н., Миронов А.А. Математическое моделирование упругопластического деформирования трубчатых энергопоглощающих элементов при статическом и ударном нагружении. М., 2020. № 3. С. 78–82.
3. Пат. 71149 Рос. Федерация: МПК F16 F7/12. Энергопоглощающее устройство.
4. Пат. 71150 Рос. Федерация: МПК F16 F7/12. Энергопоглощающее устройство.
5. Пат. 80523 Рос. Федерация: МПК F16 F7/12. Энергопоглощающее устройство.
6. Пат. 182722 Рос. Федерация: МПК F16 F7/12. Энергопоглощающее устройство.
7. Пат. 192570 Рос. Федерация: МПК F16 F7/12. Энергопоглощающее устройство.

Информация об авторах

А.М. Громыко – доцент; технический эксперт по развитию проф.квалификаций. ведущий инженер АО «Корпорация «Комета», г. Москва, Россия

Е.М. Цимлянская – руководитель центра повышения квалификации Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the authors

A.N. Gromyko – Associate professor; technical expert on the development of professional qualifications, Lead engineer of the JSC «Corporation “Comet”», Moscow, Russia

E.M. Tsimlyanskaya – Head of the Professional Development Center, Moscow Information Technology University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

Статья поступила в редакцию 14.05.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 30.05.2024.

The article was submitted 14.05.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 30.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 54–61.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 54–61.

Научная статья

УДК 811

doi:10.52470/2619046X_2024_2_54

«Славянская идея» и путешествие И.И. Срезневского по славянским землям в 1839–1842 годах

Людмила Юрьевна Аристова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия,
Aristova.ly@gmail.com

Аннотация. Измаил Иванович Срезневский был одним из четырех выдающихся славистов, совершивших путешествие в славянские земли. Командировка И.И. Срезневского продлилась с 1839 по 1842 гг., и после нее началось глубокое и многостороннее изучение славянских языков, литератур, этнографии и истории. Путешествие, совершенное ученым, укрепило русско-славянские отношения в национальной и общественно-политической области.

Ключевые слова: славистика, славянские языки и литературы, русско-славянские отношения

Для цитирования: Аристова Л.Ю. «Славянская идея» и путешествие И.И. Срезневского по славянским землям 1839–1842 годов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 54–61. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_54.

Original article

«The Slavic idea» and the journey of I.I. Sreznevsky across the Slavic lands in 1839–1842

Lyudmila Yu. Aristova

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, Aristova.ly@gmail.com

Abstract. Izmail Ivanovich Sreznevsky was one of the four outstanding Slavists who traveled to the Slavic lands. Business trip of I.I. Sreznevsky lasted from 1839 to 1842 and after it a deep and multifaceted study of Slavic languages, literatures, ethnography and history began. The journey made by the scientist strengthened Russian-Slavic relations in the national and socio-political sphere.

Keywords: Slavic studies, slavic languages and literatures, russian-slavic relations

For citation: Aristova L.Y. «The Slavic Idea» and I.I. Sreznevsky's Journey through the Slavic Lands of 1839–1842 // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 54–61. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_54.

С 1835 г. в четырех российских университетах – в Московском, Санкт-Петербургском, Казанском и Харьковском – вводится предмет «история и литература славянских наречий» и учреждаются соответствующие кафедры. Для подготовки кандидатов, достойных занять эти кафедры, в путешествие по Европе и славянским землям были отправлены четыре молодых слависта: И.И. Срезневский, О.М. Бодянский, П.И. Прейс и В.И. Григорович.

Необходимость такого путешествия была обусловлена не только потребностью в изучении живых славянских языков и культуры, но и стремлением изучить славянские этносы, особенности этнического характера и ментальности славянских народов. «Славянская идея», созревшая в недрах образованного русского общества, требовала практического, а не теоретического знакомства с этническим составом славянских народов.

Инструкции Министерства просвещения, обращенные к кандидатам на руководство кафедрами славянских наречий и литератур, гласили, что во время путешествия по славянским землям они должны были «обратить внимание на практическое изучение наречий», изучить «образ жизни, домашний и общественный, нравы, обычаи, степень образования, преданья и поверия, суеверия, игры, увеселения, одежды, пищу» [1, с. 476] славянских народов. Кандидаты должны были вести самый подробный дневник и посылать на родину детальные отчеты.

Идея «славянского братства» требовала подтверждения и детализации, наполнения жизненным материалом посредством глубокого и всестороннего изучения этнических, лингвистических, конфессиональных и культурных реалий славянских народов. Наконец, учрежденные кафедры истории и литературы славянских наречий должны были быть укомплектованы литературой на славянских языках. На решение всех этих задач и было направлено путешествие четырех молодых славистов в славянские земли.

В этот период Измаил Иванович Срезневский занимал должность профессора Харьковского университета по кафедре русского красноречия и поэзии. Затем он был адъюнктом по кафедре политической экономии и статистики. В 1837 г. Срезневскому предложили занять

кафедру истории и литературы славянских наречий, но этому должно было предшествовать путешествие в славянские земли, для глубокого знакомства с этническим составом, характером, языками, литературой и фольклором славянских народов.

Программа путешествия Срезневского во многом соответствовала аналогичной командировке О.М. Бодянского. Однако П.П. Гулак-Артемовский возложил на будущего профессора и другие лингвистические, культурологические и этнографические задачи. В частности, Срезневский должен был понять, верны ли славянские народы идее «славянского единства», каков уровень образованности славянских народов, верны ли чехи, болгары и сербы национальным традициям или же «онемечились» и «отуречились», частично потеряв национальную идентичность.

Соответственно, беседы с простыми славянами и познание «духа народа» должно было чередоваться с посещением библиотек и архивов (светских и монастырских), беседами с учеными и интеллигенцией и путешествиями по неисследованным местам. Срезневский выехал из Харькова в 1839 г. Путь в славянские земли лежал для него через Москву, Петербург, Ригу, Кенигсберг и Берлин. В Кенигсберге ученый познакомился с профессором политических наук Шубертом, который сообщил Измаилу Ивановичу предварительные статистико-топографические сведения о славянском населении Пруссии и Австрийской империи. Под впечатлением бесед с Шубертом Срезневский начал составлять этнографическую карту европейского славянства.

Известно, что именно в Кенигсберге Срезневский познакомился с исследователем философии Гегеля, профессором Розенкранцем. Этот ученый применил гегелевскую идеалистическую философию, учение о «духе народа» к исследованию славянской этнической ментальности. Последнее было особенно интересно Срезневскому, чей интерес к «славянской идее» сформировался под явным влиянием гегелевской философии. Розенкранц и Срезневский обсуждали славянский и германский мир, этническую идентичность славянских и германских народов, славянскую и германскую народную поэзию и мифологию. Интерес к мифологии тоже был вполне объясним: согласно идеалистической философии Гегеля, в мифах и народной поэзии ярко запечатлен «дух народа», его этническая ментальность.

В Берлине Срезневский встретился с Ф. Боппом, основателем индоевропеистики, работавшим и применившим сравнительно-исторический метод изучения языков. Будущего профессора Харьковского университета, бесспорно, занимала теория индоевропейского происхождения славянских народов, а также индоевропейская мифология, которая стала основой мифологии славянской. Срезневский считал, что Боппа характеризует «обширное знание языков так называемого индогерманского корня, твердая и глубокая мысль и сообразительность, неустанная деятельность и беспристрастие, добродушие и готовность помогать каждому любителю языкознания» [2, с. 13].

Еще одним важнейшим этапом путешествия Срезневского стал Лейпциг, где ученый занимался изучением славянских рукописей и познакомился с представителями сербской интеллигенции (речь идет о лужицких сербах). Прага, следующий этап путешествия, напомнила Измаилу Ивановичу Москву своими славянскими звуками и московским напевом.

Впрочем, главной целью посещения Праги стало изучение чешского языка и знакомство с пражскими архивами, библиотеками и музеями. Круг общения Срезневского в Праге известен – Ганка, Юнгманн, Палацкий, Челаковский, Шафарик, Аммерлинг и другие. Ганка познакомил Срезневского с уникальными коллекциями Чешского музея, и впоследствии Измаил Иванович вел с чешским ученым интереснейшую переписку. Срезневский верил в подлинность историко-литературных мистификаций Ганки – Краледворской и Зеленогорской рукописей – и всячески стремился доказать неспособность Ганки к мистификаторству.

За посещением Праги последовало путешествие по Чехии, где русский ученый изучал различные говоры и диалекты, собирал фольклор, записывал диалектную речь. В Райградском монастыре Срезневский исследовал кирилловские приписки к латинскому мартирологу IX–X вв., а в Бреславле (Вроцлаве) прожил почти год в доме профессора Бреславльского университета Яна Эвангелисты Пуркине, обладателя богатейшей библиотеки славянских книг.

Еще во Вроцлаве Срезневский стал готовиться к путешествию по Лужицам: брал уроки нижнелужицкого наречия, изучал грамматику верхнелужицкого наречия. Срезневскому удалось составить этимологический словарь горнолужицкого наречия, который к завершающему этапу вроцлавского периода был почти окончен. Изучал ученый и библиотеку Верхнелужицкого общества наук в Герлице.

Следующим этапом путешествия стал Будишин (Бауцен) – столица лужичан, как они называли сами себя, или вендов, как эта народность называли в Германии. В Будишине Срезневский работал в библиотеке Ратуши и Герсдорфской. Впрочем, ученого интересовали не только библиотеки, но и исторические центры жизни славян-язычников – горы и городища. На Доброславском городище в это время шли раскопки, и мысленно ученый воскрешал языческое прошлое городища, языческие религиозные культы.

Горы и городища, места древних славянских культов – все это вызывало обостренный интерес Срезневского. После библиотечной пыли увлекательно и трудно было идти от деревни к деревне горными тропами, присутствовать при сербских обрядах погребения и крещения, слушать сербские песни и предания. На ярмарках Срезневский наблюдал за народными сербо-лужицкими танцами, в корчмах – слушал песни, в деревнях – беседовал с пасторами – собирателями сербской старины. Спутником Срезневского на этом трудном и ярком пути стал Я.А. Смолер – прекрасный знаток сербской культуры.

В Боркове (Бурге) Срезневский и Смолер осмотрели остатки Грода, где, согласно преданию, жил сербский (вендский) король. Путешествие по Лужицкой Сербии завершилось в Коттбусе – русский ученый счел, что уже достаточно познакомился со страной и народом. «Одна только восточная граница Лужиц осталась нами не посещенною» [3, с. 951], – сообщал Измаил Иванович в письме к Ганке.

Из путешествия по Лужицкой Сербии Срезневский вынес убежденность в богатейшем фольклорном наследии сербов. Ученый справедливо решил, что «лужичане песнями богаче, нежели другие славянские народы» [2, с. 35]. Здесь нужно уточнить, что для славянофилов фольклорное, и особенно – песенное, богатство народа было равносильно богатству духовному. В фольклоре и мифологии Срезневский, как и многие другие его современники, видел сокровищницу народного духа, корни этнического менталитета. В этом контексте признание исключительного песенного богатства сербов, прозвучавшее в письмах и донесениях Срезневского, можно назвать высшей похвалой этому народу.

В то же время ученый утверждал, что песенное богатство лужицких сербов тесно связано с их языческим прошлым и, в то же время, с некоторой социально-политической изолированностью сербов. На языке славянофилов социально-политическая изолированность была сродни духовному и культурному богатству. Именно в социально-политической изоляции лужицких сербов Срезневский усматривал их культурную исключительность.

Этнографические наблюдения Срезневского легли в основу его работы «Серболужицкие народные поверья» [5, с. 57–62], где были описаны герои и сюжеты сербской мифологии, самым тесным образом связанной с языческими культами.

Но, конечно, наиболее значительным трудом ученого, посвященным лужицким сербам, является «Исторический очерк серболужицкой литературы» [6].

Путешествия Срезневского по сербским городищам и отдаленным деревням предоставили в его распоряжение богатейший этнографический, фольклорный и лингвистический материал, стали основой дальнейших научных штудий. Известен восхищенный отзыв П.В. Анненкова о путешествиях Срезневского: «Человек этот совершает подвиг европейский: от Балтийского моря и до Адриатического изучает он славянские племена, их наречия, обычаи, песни, предания – и большей частью пешком, по деревням и проселочным дорогам. Он будет обладателем богатейших фактов, с помощью которых и объяснится, наконец, наша физиогномия» [7, с. 138].

Под «нашей физиогномией» Анненков подразумевал славянскую этническую ментальность, «дух славянства», который и должны были объяснить путешествия и наблюдения Срезневского. Будущему профессору действительно удалось изучить славянские племена – от Балтийского моря до Адриатического, прояснить этнический состав славянских народов, проследить их исторический путь. В этом отношении Срезневский действительно совершил подвиг во имя «славянского братства» и «славянской идеи».

В 1841 г. Срезневский продолжил свои странствия – на этот раз по землям южных славян. Был он и в Словакии, где изучал словацкое наречие и культуру. В Пеште ученый встретился с Я. Колларом и другими словацкими будителями. Весной 1841 г. Срезневскому удалось установить тесные научные и культурные контакты и со словенцами, в частности с А. Мурко, составителем словенской грамматики и словенско-немецкого словаря. Научным плодом изучения словенского языка и знакомства со словенской культурой стала работа Срезневского «О словенских наречиях» [8, с. 133–164], посвященная, среди прочего, и вопросам словенской диалектологии. Срезневский посетил также земли южных славян – Сербию, Хорватию и Черногорию.

Подобный подвиг во имя «славянской идеи» требовал вознаграждения – и оно последовало. Осенью 1842 г., по возвращении из странствий, Срезневский был назначен профессором Харьковского университета по кафедре истории и литературы славянских наречий.

Из путешествий Срезневский писал своей матери в Харьков, и эти письма, издаваемые в «Живой старине», составляют один из любопытнейших документов для истории славистики. «Срезневский, – сообщал Ламанский в заметках к этим письмам, – еще с юности на Украине привык водиться с народом, привык его изучать, и со вниманием и любовью относился к его жизни, нуждам. Лишь по зимам и глухой осенью, во время своего путешествия (в славянских землях) проживал Срезневский в городах, сидя за книгами и рукописями... раннею же весною, летом и по нашему осенью, Срезневский обыкновенно отправлялся в путь, делая небольшие переезды в мальпостах, на обывательских, верхом, на лодках, на пароходах, один или с тем или другим приятелем из славян, или, как однажды с П.И. Прейсом, по большей частью бродя пешком по западным славянским деревням, селам, местечкам и маленьким городам в Пруссии, Саксонии, Чехии, Моравии, Галиции, Венгрии, Хорватии, Славонии, Далмации, Черной Горе и Сербии» [9, с. 88].

«За исключением Бодянского и Прейса..., ученая и литературная наша молодежь... в скитаньях по Европе заживалась исключительно в романских и германских странах, кое когда лишь на несколько дней в Прагу, и, побеседовав недолго с Ганкой или др., обыкновенно воображала, что все уже сделала для знакомства со всем нерусским славянством, спешила далее на запад...» [10, с. 313]. Путевые же письма и наблюдения Срезневского начала 40-х гг. касались славянской части Европы, близкой по своему духу и культуре к России. В своей первой после возвращения из путешествия лекции, прочитанной в Харьковском Императорском университете, Срезневский связывал возрождение интереса к славянству с возвышением России. «Возвышение России начинается в XVI и XVII вв.: тогда заговорили о ней

в Европе и тогда же начали вспоминать о целом славянском племени, к которому русские принадлежали» [10, с. 332], – говорил в этой лекции Срезневский.

Ученый продолжал: «Война двенадцатого года была великим историческим переломом: на Россию в полчищах Наполеона, кроме германцев и романцев, пришло и много славян; они вернулись домой с рассказами о русской силе; русские войска, идя на запад, встречали какие-то родственные племена. Для русских впечатление было преходящее, но у западных и южных славян эти встречи оставили сильное действие. <...> Для нас, русских, славян, наступила пора сознания самих себя, своей силы, своей самобытности, своего подвига в жизни политической и гражданской; но это осознание остается на ступени инстинкта, и для того, чтобы оно стало полным и прочным, необходимо изучение целого славянства, к которому мы принадлежим и в котором заключена наша племенная особенность» [10, с. 333].

В своей лекции Срезневский называл славянские народы не менее древними народами Европы, чем германские или романские, и перечислял их основные достижения на европейской исторической сцене: развитое земледелие; отважность и ловкость в торговом мореплавании по морям Адриатическому и Балтийскому; распространение истин христианства на живом народном языке; защиту Европы от татар и турок; сближение народов востока с западом; возведение народной поэзии «до степени совершенства»; развитую музыкальную культуру. По мнению Срезневского, славяне не только свято хранили свою народную старину, но и помогли сохранить старину европейскую. «Славянство должно быть изучено, и мы можем начать изучать его с полной уверенностью, что это долг, налагаемый на нас не только славянским чувством <...>, но и современной образованностью», – заключал ученый [10, с. 334].

Свое видение исторической роли славянства Срезневский подкреплял цитатами из философских и литературных произведений славянофилов. В частности, он любил цитировать следующие строки Хомякова: «Высоко ты гнездо поставил, Славян полунощных орёл...». Имеется в виду стихотворение А.С. Хомякова «Орел»:

Высоко ты гнездо поставил,
Славян полунощных орёл,
Широко крылья ты расправил,
Глубоко в небо ты ушёл!
Лети, но в горнем море света,
Где силой дышащая грудь
Разгулом вольности согрета,
О младших братьях не забудь!
На степь полуденного края,
На дальний Запад оглянись:
Их много там, где гнев Дуная,
Где Альпы тучей обвились,
В ущельях скал, в Карпатах тёмных,
В балканских дебрях и лесах,
В сетях тевтонов вероломных,
В стальных татарина цепях!.. [11, с. 32–33].

«Славян полунощных орел» – это, конечно, Россия, Российская империя. Под «младшими братьями полунощного орла», стонущими в татарских и тевтонских цепях, подразумевались славянские народы, поработанные германскими или мусульманскими государствами. А.С. Хомяков призывал Россию не забыть о «младших братьях» в своем полете, дышащем силой и волей. Название стихотворения напоминает о наличии общего для «полунощного

орла» и его младших братьев «гнезда» – Славии, славянской земли, о которой уже в начале XX в. великий русский поэт М.А. Волошин напишет: «Пусть SCLAVUS – раб, Но Славия есть СЛАВА: Победный нимб над головой раба!» [12, с. 266–268].

Основные впечатления Срезневского от путешествия по славянским землям изложены в «Путевых письмах» 1839–1842 гг., адресованных матери ученого, Елене Ивановне Срезневской. Эти письма были опубликованы отдельным изданием в Санкт-Петербурге, в 1895 г. Также они печатались в журнале «Живая старина» за 1892 и 1893 гг.

В письмах нашел свое отражение и вопрос пополнения университетской библиотеки редкими книгами и рукописями на славянских языках. В частности, стоит подчеркнуть, что Срезневский – один из первооткрывателей и издателей древнеболгарской литературы.

В 1864–1861 гг. он публикует «Сведения и заметки о малоизвестных памятниках». «Следует отметить, – пишет В.И. Желязкова, – что именно в «Сведениях...» Срезневский издает немало болгарских рукописей XI в., списанных с древнеболгарских оригиналов, таких как Синайский патерик, Туровское евангелие, Бычковская псалтырь, Житие Кондрата и другие, которые имеют исключительно важное значение для истории болгарского языка» [13, с. 61].

Срезневским описаны такие среднеболгарские рукописи, как Слепчанский Апостол, Мануилов избранный Апостол, Жеравненская триодь, Стаматовое Евангелие. В Библиотеке Академии наук в Санкт-Петербурге находится собрание трудов Измаила Ивановича и среди прочего – болгарские рукописи.

Находясь в Сербии, Срезневский проявлял большой интерес к древним сербским текстам. В «Сведениях и заметках о малоизвестных и неизвестных памятниках» мы находим сказание об Иоанне Евангелисте в древнем сербском списке XII в. Овладеть основами сербского языка Срезневскому помог Вук Караджич, сербский просветитель и культурный деятель. Вместе они работали над изданием четырехтомного сборника сербских песен. Осуществленная Вуком Караджичем публикация этого сборника стала подлинным событием в славяноведении. «Под влиянием этого сборника И.И. Срезневский наметил план создания большого этнографо-этимологического словаря славянских языков» [13, с. 64], – пишет А.И. Ковалев. Впоследствии эта идея была воплощена в создании многотомного древнерусского словаря.

В 1840-е гг. Срезневскому отчасти удалось обработать диалектологические, фольклорные и этнографические материалы, собранные во время путешествия по славянским землям. Благодаря публикации этих материалов Срезневский стал основоположником славянской диалектологии, этнографии, этнолингвистики и мифологии в России.

Вернувшись в Россию, ученый опубликовал ряд материалов по словенскому фольклору. Вместе с поэтом и фольклористом Станко Вразом Срезневский обошел пешком селения Крайны и Горицы и везде записывал местный фольклор, песни и сказки. Побывал Измаил Иванович и в землях венецианских словенцев, результатом чего стала публикация в 1878 г. книги «Фриульские славяне».

В Словакии Срезневский собрал ряд материалов о творчестве словацких поэтов, о местном фольклоре и этнографии, подготовил к изданию сборник «Словацких песен». В свою очередь, через Срезневского студентам Братиславского университета передавались русские книги, например, «Словарь древней и новой истории» в трех частях.

После трехлетней экспедиции Срезневского началось, по словам А.Н. Пыпина, «правильное и многостороннее изучение славянства; изучение самой русской древности, этнографии, языка, впервые получило более широкое и прочное основание через введение исследований сравнительных, даны были первые опоры для сознательного понимания отношений русско-славянских и за пределами научной специальности, в области национальной и общественно-политической» [10].

Благодаря совершенному путешествию Срезневскому действительно удалось укрепить

русско-славянские отношения и заложить основы для сравнительного изучения славянских языков и литератур. В этом и состояла основная задача трехлетней насыщенной и плодотворной научной экспедиции.

Список источников

1. Граф С.Г. Строганов. Из истории наших университетов 30-х годов // Вестник Европы. 1896. Август.
2. Донесение адъюнкта И.И. Срезневского г. министру народного просвещения из Вены от 8 (20) февраля 1841 г. // Журнал министерства народного просвещения. 1841. № 7-9. Отд. IV.
3. *Срезневский И.И.* Письма к Вячеславу Ганке. И.И. Срезневский – В. Ганке, 1 ноября 1840 г.
4. Сербо-лужицкие народные поверья (из бумаг И.И. Срезневского) // Живая старина. 1890. Кн. II.
5. *Срезневский И.И.* Исторический очерк сербо-лужицкой литературы // Журнал министерства народного просвещения. 1844. № 7.
6. *Анненков П.В.* Письма из-за границы (1840–1843) // П.В. Анненков и его друзья. Литературные воспоминания и переписка. СПб., 1892.
7. *Срезневский И.И.* О славянских наречиях // Журнал министерства народного просвещения. Ч. XXXI. 1841. Отд. 2.
8. *Ламанский В.И.* Живая старина. С.Пб, 1890. Вып. 1.
9. *Пытин А.Н.* Новые данные о славянских делах // Вестник Европы. Журнал истории, политики, литературы. Двадцать восьмой год. Книга 7-я. Петербург, июль, 1893.
10. Стихотворения А.С. Хомякова. Стихотворение «Орел». М., 1881.
11. *Волошин М.А.* Собрание сочинений. Том первый: Стихотворения и поэмы 1899–1925. М., 2003.
12. *Желязкова В.Н.* Вклад И.И. Срезневского в изучение средневековой болгарской книжности // И.И. Срезневский и современная славистика: сборник научных трудов. Международная научная конференция, посвященная 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского. Славянские языки, письменность и культура. 27–29 мая 2002 г. Рязань, 2002.
13. *Ковалев А.И.* И.И. Срезневский и вопросы сербского языка // И.И. Срезневский и современная славистика: сборник научных трудов. Международная научная конференция, посвященная 190-летию со дня рождения И.И. Срезневского. Славянские языки, письменность и культура. 27–29 мая 2002 г. Рязань, 2002.

Информация об авторе

Л.Ю. Аристова – кандидат филологических наук; главный специалист Отдела редких книг и рукописей Научной библиотеки Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

Information about the author

L.Y. Aristova – Candidate of Philological Sciences; Chief Specialist of the Department of Rare Books and Manuscripts of the Scientific Library of the Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 25.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 25.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 62–71.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 62–71.

Научная статья

УДК 82

doi:10.52470/2619046X_2024_2_62

«Пред высоким даром твоим...»: Поэтическая традиция описания возлюбленных в «Персидских мотивах» С.А. Есенина

Кирилл Александрович Фурсов

Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия, fursik@mail.ru

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ метафор, использованных в цикле «Персидские мотивы» (1924–1925 гг.) с поэтическими образами возлюбленных в трактате «Собеседник влюбленных» Шараф Ад-Дина Рами (середина XIV в.) и с трудом А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1969 гг.). Известно, что к работе Афанасьева Есенин обращался в течение всей своей жизни. Лирика восточных поэтов и воспоминания В.И. Болдовкина, брата А.И. Чагина, показывают, что иносказания, раскрытые в трактате, научный перевод которого выполнен Н.Ю. Чалисовой в 2021 г., Есенин усвоил во время устных бесед о Персии, куда собирался поехать вместе с ним. Анализ поэтических иносказаний, связанных с любовной тематикой, показывает, что семантика восточных образов близка или совпадает и, тем самым, подчеркивается близость культур. Однако флористические образы и образы соловья и розы или лебяжьих рук – раскрываются в собственном Есенину диалогическом регистре. Используя поэтику разных культур, создавая внутренний диалог, автор «Персидских мотивов» воплощает сложный философский подтекст этого поэтического цикла. В результате в развитии сюжета о посещении «ласковым урусом» «голубой, веселой страны» не покидает ощущение трагичности судьбы, грусти о неверности любимой, которые согласуются с ведущими мотивами произведений Есенина последних лет.

Ключевые слова: С.А. Есенин, поэтический цикл «Персидские мотивы» (1924–1925 гг.), «Собеседник влюбленных» Шараф Ад-Дина Рами, А.Н. Афанасьев

Для цитирования: Фурсов К.А. «Пред высоким даром твоим...»: Поэтическая традиция описания возлюбленных в «Персидских мотивах» С.А. Есенина // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 62–71. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_62

© Фурсов К.А., 2024

Original article

«Before your lofty gift...»: Poetic tradition of describing lovers in «Persian Motifs» by Sergei Yesenin

Kirill A. Fursov

Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
fyrsik@mail.ru

Abstract. The article presents a comparative analysis of metaphors used in the cycle «Persian Motifs» (1924–1925) with poetic images of lovers in the treatise «Of Persian beauty. The Lovers' Companion» by Šaraf ad-Dīn Rāmī (mid-14th century) and with the work of A.N. Afanasyev «Poetic views of the Slavs on nature» (1865–1969). It is known that Yesenin turned to Afanasyev's work throughout his life. Lyrics of oriental poets and memories of V.I. Boldovkin, brother of A.I. Chagin, show that the allegories revealed in the treatise, the scientific translation of which was carried out by N.Yu. Chalisova in 2021, Yesenin learned during oral conversations about Persia, where he was going to go with him. Analysis of poetic allegories related to love themes shows that the semantics of oriental images are close or coincide and, thereby, emphasize the closeness of cultures. However, floral images and images of a nightingale and a rose or swan hands are revealed in the dialogical register characteristic of Yesenin. Using the poetics of different cultures, creating an internal dialogue, the author of «Persian Motifs» embodies the complex philosophical subtext of this poetic cycle. As a result, in the development of the plot about the visit of the «affectionate Urus» to the «blue, cheerful country», one cannot leave the feeling of the tragedy of fate, sadness about the infidelity of the beloved, which are consistent with the leading motives of Yesenin's works of recent years.

Keywords: S.A. Yesenin, poetic cycle «Persian Motifs» (1924–1925), «Of Persian beauty. The Lovers' Companion» by Šaraf ad-Dīn Rāmī, A.N. Afanasyev

For citation: Fursov K.A. «Before your lofty gift...»: Poetic tradition of describing lovers in «Persian Motifs» by Sergei Yesenin // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 62–71. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_62.

Проблема традиций и новаторства поэтики цикла С.А. Есенина «Персидские мотивы» (1924–1925 гг.) привлекает особое внимание исследователей. Сразу после смерти поэта известный критик А.К. Воронский утверждал, что Есенин «был национален и умел писать только о российском. <...> Его персидские стихи пахнут больше васильками, рожью и полем, чем Востоком» [6]. Современные исследователи, рассматривая проблему традиций известного восточного цикла С.А. Есенина в свойственном этому поэту широком контексте, тем не менее, делают акценты на национальной традиции. Так, Л.Ф. Алексеева в работе «Восток и восточная культура в поэзии С.А. Есенина» резюмирует, что Есенин на Востоке находит уходящую родную деревню. «Есенин смотрит на Восток не как на стихию, откуда исходило монголо-татарское нашествие, но как на безмятежную культуру, чуждую революциям, уклад стабильный, устойчивый ко всяким потрясениям извне, отгороженный от цивилизации» [1, с. 264]. Т.К. Савченко замечает: «Восток в цикле Есенина – только романтический фон того лирического повествования, главным героем которого является русский рязанец» [1, с. 18] и обращает внимание на «песенность» и особый национальный мотив русской тальянки,

проходящий через весь цикл. Напротив, иранские исследователи русской литературы рассматривают «Персидские мотивы» в контексте персидской культуры и делают вывод о том, что этим произведением Есенин обессмертил свое имя и в России, и в Персии. Возникают вопросы, как русская деревня «рифмуется» с восточным миром? Чем отличается образ восточной красавицы, очень похожей на девушку с севера? Чем больше пахнут «Персидские мотивы», Востоком или васильками и рожью? Попробуем на них ответить.

* * *

Многие исследователи творчества Есенина отмечают, что автор, воссоздавая образ Персии, «угадал» многие национальные образы присущие поэзии времен Хафиза и Фердуси. Примечательно, что иранский исследователь творчества Есенина Хамидреза Аташбараб отмечает, что образ «синих цветов Тегерана» представляет собой персидский традиционный орнамент: «Персы, знающие русский язык и читающие этот текст в оригинале, понимают этот образ как характерный рисунок, традиционный орнамент, нарисованный и тогда и даже сейчас на стенах любой восточной чайханы» [2, с. 271].

В средневековой персидской поэзии существовала определенная система образов, которая была зафиксирована в виде нормативного письменного «свода правил». Одним из примеров такого сборника правил поэтического выражения является трактат «Собеседник влюбленных» (*Anīsal- 'uššāq*), созданный иранским филологом и поэтом XIV в. **Шараф ад-Дином Рами Табризи в качестве учебного пособия для поэтов. Этот трактат посвящен аллегорическому описанию феноменов красоты «по-персидски».** Научный перевод исследовательницы персидской литературы Н.Ю. Чалисовой позволяет нам обратиться к поэтическим иносказаниям, связанным с любовной тематикой.

В настоящей статье мы проведем сравнительный анализ метафор, использованных в цикле «Персидские мотивы», с поэтическими образами, рассмотренными в работах иранских исследователей творчества Есенина и описанными в трактате «Собеседник влюбленных». Как отмечает известный исследователь творчества Есенина Н.И. Шубникова-Гусева, в цикле «Персидские мотивы» поэт работает в особом «диалогическом регистре», искусно используя поэтику разных культур. Поэтому мы также обратимся к труду исследователя народного творчества А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (1865–1969 гг.), который Есенин изучал в течение всей своей жизни, чтобы найти некие точки соприкосновения.

Труд Чалисовой включает исследование, в котором прослежены этапы формирования литературной темы познания красоты в персидской поэзии и дан анализ проблематики «Собеседника влюбленных», а также полный научный перевод трактата Шараф ад-Дина Рами XIV в., снабженный подробным поэтологическим комментарием, дополненный аннотированным указателем цитируемых поэтов и словарем иносказаний, обсуждаемых Рами. В Приложении приведен текст трактата в оригинале. В предисловии Чалисова отмечает уникальность данного трактата: «Рами оказался единственным автором, посвятившим специальный трактат иносказательным описаниям примет красоты, однако эти темы занимают центральное место в разных жанрах классической поэзии. Именно такие стихи составляют богатый иллюстративный материал трактата» [12, с. 12]. Книга «содержит доступные к настоящему моменту сведения об авторе, филологе и поэте эпохи Хафиза и поры расцвета персидской газели, об обстоятельствах и причинах создания книги и ее уникальном месте в национальной филологической традиции. Отдельное внимание уделено проблеме соотношения поэтологического и суфийского аспектов “Собеседника”, отраженных в подходе его автора к трактуемым вопросам» [12, с. 11–12].

* * *

Поэтический цикл «Персидские мотивы» был написан Есениным в период с 1924–1925 гг. Он состоит из 15 стихотворений: «Улеглась моя былая рана...», «Я спросил сегодня у менялы...», «Шаганэ ты моя, Шаганэ!..», «Ты сказала, что Саади...», «Никогда я не был на Босфоре...», «Свет вечерний шафранного края...», «Воздух прозрачный и синий...», «Золото холодное луны...», «В Хороссане есть такие двери...», «Голубая родина Фирдуси...», «Быть поэтом – это значит то же...», «Руки милой – пара лебедей...», «Отчего луна так светит тускло...», «Глупое сердце, не бейся...», «Голубая да веселая страна». Т.К. Савченко отмечает, что при создании «Персидских мотивов» Есенин ориентировался и на восточную поэзию, и на русскую классику.

В первом стихотворении цикла лирический герой находит утешение в Чайхане, где хозяин угощает поэта живительным чаем. Далее появляется образ девушки:

Незадаром мне мигнули очи,
Приоткинув черную чадру [8, т. 1, с. 248].

Есенин, увидев только лицо восточной незнакомки, пишет: «Что лицом похожа на зарю» [8, т. 1, с. 249]. Можем сравнить данную есенинскую метафору «лицо как заря» с персидским «subh» (утро)). Мы находим некоторое родство двух образов, в «Собеседнике» взгляд сравнивается с утром, поэты используют этот образ в сравнительных оборотах: «Твой лик, светозарный, как утро» [12, с. 183]. Лицо как единственная часть тела, которое не скрыто. Лицо девушки пробуждает в поэте силы и веру в прекрасное, как свет нового дня. Есенин хорошо был знаком со славянской мифологией, на это указывает статья С.И. Субботина о библиотеке Есенина, поэт читал труды исследователя славянского фольклора А.Н. Афанасьева. Также это подтверждают воспоминания поэта Вадима Шершеневича: «Случайно я заметил переплет. Через несколько дней я встретил Сергея, когда он шел из дома в книжную лавку и нес под мышкой три тома. <...> Он незаметно от меня поставил книги на полку, и мы с ним ушли. <...> Через час я вернулся в лавку и посмотрел на книги. Это был редчайший экземпляр “Поэтических воззрений славян на природу” Афанасьева» [9, т. 2, с. 18].

В работе А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» мы обнаруживаем образ зари, связанный с женским лицом. Литовское сказание о Каралуни рассказывает о прекрасной деве, богини света. «Каралуни – богиня света, юная, прекрасная дева; голову ее венчает солнце; она носит плащ, усеянный звездами и застегнутый на правом плече месяцем; утренняя заря – ее улыбка, дождь – ее слезы, падающие на землю алмазами» [4, т. 1, с. 18]. Лирический герой воспринимает лицо восточной красавицы как утренний свет. В данном примере восточная и славянская поэтика перекликаются.

Во втором стихотворении цикла «Я спросил сегодня у менялы...» Есенин сравнивает глаза с драгоценным камнем яхонтом, что является устаревшим названием драгоценного минерала (рубина или сапфира).

Да глаза, как яхонты, горят [8, т. 1, с. 250].

В трактате мы не находим синонимичного сравнения, но в главе про описание губ есть иносказание «yaqut» (яхонт)). Можно сделать вывод, что Есенин был близок и пользовался схожей группой образов классических персидских метафор, представленных в трактате.

В этом же стихотворении мы находим развернутую метафору – поцелуй сравнивается с красной розой (важно отметить, что роза «gul» один из главных образов персидской лирики), губы, принимающие поцелуй, чувствуют прикосновение лепестков.

Поцелуй названья не имеет.
Поцелуй не надпись на гробах.
Красной розой поцелуи веют,
Лепестками тая на губах [8, т. 1, с. 251].

В трактате есть пример иносказания, где рот сравнивается с бутонем. цветка «gūnča (бутон)» [12, с. 219]. Есенин здесь точен как никогда в понимании средневековой персидской лирики. Примечателен и следующий комментарий в трактате: «Интересно, что такие иносказания, как «бутон» и «фисташка», передающие главное свойство рта – раскрываться и являть себя, включены только в «персидский» список и не имеют аналогов в арабском» [12, с. 233]. Есенин глубоко погружен именно в культурный аспект Персии.

В стихотворении «Воздух прозрачный и синий...» лирический герой насыщается ветром как живой водой, в «Собеседнике» губы буквально называются «Томимые жаждой, по натуре [подобные] Хизру, называющих живой водой (āb-i ḥayāt)» [12, с. 214].

Пью я сухими устами,
Ветер благоуханный [8, т. 1, с. 260].

В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» автор описывает восточную красавицу, подчеркивая свет в глазах, легкость в движении стана и «лебяжьих руки». Глаза сравниваются с морем, которое полыхает голубым огнем.

Я в твоих глазах увидел море,
Полыхающее голубым огнем [8, т. 1, с. 255].

Мы не находим точную метафору в «Собеседнике», в трактате преобладают описание глаз с темными оттенками. Самый близкий образ – это образ лунного света – «qamaḡī (лунный, подобный луне)» [12, с. 163]. Далее мы встречаем комментарий к другим метафорам, к примеру, «женщина, у которой глаза черные с наклоном к синеве (kabūd) или «цвет mīšī толкуется у Му‘ина [Там же, сл. ст. ىشيم] как светлый зелено-голубой (sabz-irawšan) или цвет между воронным (zāḡ) и кофейным (qahva’ī), а глаза цвета mīšī (ṣaḡm-i mīšī) определены как зелено-голубые (sabz)» [12, с. 160].

По Афанасьеву славяне сравнивали глаза с окном: «Слово прозор (болг. прозорец, прозорче) имеет один корень со словами зоря, зрак, прозреть и означает: окно. В нашем языке окно (уменьш. окошко, оконце), как отверстие, пропускающее свет в избу, лингвистически тождественно с словом око (снк. aksha совмещает обозначение); окно, следоват., есть глаз избы» [4, т. 3, с. 49]. Также глаза в малых фольклорных жанрах сравниваются с зеркалом: «на голове два стекла», «глядильцо – зрачок глаза и гляделка», «глядельце – зеркало». Есенин здесь ближе к славянскому образу, он видит в отражении или через окна море, полыхающее голубым огнем.

Автор пишет о восточной незнакомке, пытаясь, передает ощущение спокойствия через описания «красивого стана» и «лебяжьих рук». В «Собеседнике» стан чаще всего сравнивают со стволом различных деревьев, но в комментариях мы видим, что дерево, то место, где можно найти, обрести покой, самым точным в этом плане является сравнение с деревом, которое по тексту Корана растет в раю.

Наклонись своим красивым станом [8, т. 1, с. 255].

Приведем комментарий из текста трактата: «Туба (tūbā) – дерево, растущее в раю; в Коране говорится, что тем, «которые уверовали и делали благое, им – благо (tūbā) и хорошее пристанище» [12, с. 256].

Поэтический цикл «Персидские мотивы» имеет сильное эпическое начало, лирический герой проходит определенный путь и делает остановки. Герою необходимо набраться сил,

и спокойствие он находит в объятиях восточной девушки, либо на коленях. В стихотворении «Воздух прозрачный и синий...» женский стан тоже является символом упокоения:

В крепких объятиях стана
Нет ни тревог, ни потери,
Только лишь флейта Гассана [8, т. 1, с. 260].

Мотив обретения спокойствия героя на коленях восточной красавицы сквозной. Мы встречаем его в нескольких стихотворениях цикла. В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...».

На коленях дай мне отдохнуть.
И меня твои лебяжьи руки
Обвивали, словно два крыла [8, т. 1, с. 256].
В стихотворении «Глупое сердце, не бойся» герой отдыхает на коленях прекрасной Лалы.
Лале склонясь на шальвары,
Я под чадрую укроюсь.
Глупое сердце, не бойся
Здесь, на коленях у милой.
Жизнь не совсем обманула [8, т. 1, с. 273].

Проведя сопоставительный анализ есенинских образов, воссоздающих ощущение нарратива персидской поэзии средних веков, мы можем утверждать, что Есенин сумел глубоко погрузиться в культуру Персии. Он оказался точен в выборе художественного материала. Но с другой стороны поэт использует и славянскую поэтику. В описании восточной красавицы «работают» классические сравнения, которые мы обнаруживаем в трактате «Собеседник влюбленных» Шараф Ад-Дина Рами. Но самое удивительное состоит в том, что в описании ее рук Есенин использует славянский образ: «Руки милой – пара лебедей // В золоте волос моих ныряют» или «И меня твои лебяжьи руки // Обвивали, словно два крыла». Получается, что внешне восточная красавица представляется чужой, но её объятия воспринимаются лирическим героем родными. В работе Афанасьева говорится о мифических девах, которые часто принимали обличья лебедей. В русских сказках место Василисы Премудрой занимает Лебедь-птица, которая описывается как красная девица.

Образ, описанный Есениным, соотносится с образом Василисы Премудрой, которая в славянских мифах приходится дочерью Морскому Царю. По сюжету Иван-царевич крадет Василису Премудрую и, чтобы скрыться от Морского Царя, «вещая дева обращает своего милого рыбою (окунем), а сама делается речкою» [4, т. 2, с. 75]. В стихотворении «Никогда я не был на Босфоре...» лирический герой видит в глазах девушки море, далее мы обращаем внимание на «лебяжьи руки».

Ключевым мотивом всего цикла «Персидские мотивы» является мотив побега. В новогреческой редакции этого мифа, «убегая из подводных владений Морского Царя, вещая дева разливается речкою, то есть дева эта только тогда освобождается из облачных пучин и является на этот свет, когда из моря небесных туч побегут на землю дождевые потоки: течь в некоторых славянских наречиях употребляется в смысле убежать» [4, т. 2, с. 76]. Интересен и другой пример: «Об одной кринице, в четырех милях от Белграда, рассказывается такое предание: красавица Параська, взятая в плен татарами, попала в гарем паши, но оставалась непреклонною; раз ночью войдя в ее покой, паша увидал ангела, готового защитить деву, и, пораженный ужасом, удалился, не замкнув двери. Параська вырвалась на свободу и побежала вдоль лимана, но посланная за нею погоня нагнала беглянку в скалах и хотела уже схватить ее, как вдруг она разлилась чистою криницею» [4, т. 2, с. 77]. В добавлении к этому

в некоторых народных былинах могучие богатыри и их жены, умирая, «разливались широкими, славными реками».

Итак, русская красная девица, умирая, превращается в реку, в стремительный поток. Восточная красавица со своими лебяжьими руками символизирует побег и ощущение смерти. Этот мотив мы наблюдаем в стихотворении «Золото холодное луны...»:

Призраки далекие земли
Поросли кладбищенской травой.
Ты же, путник, мертвым не внемли,
Не склоняйся к плитам головою [8, т. 1, с. 261].

Парадоксально, но лебяжья дева представляет собой родное, но одновременно с ним она не может быть дома, она должна «убежать» преобразиться в воду, в реку, в вечный поток. Это ощущение трагичности судьбы, страх перед будущим согласуется с ведущими мотивами произведений Есенина последних лет.

* * *

Сравнительный анализ поэтики «Персидский мотивов» с трактатом «Собеседник влюбленных» и трудом Афанасьева может быть дополнен наблюдениями иранских исследователей русской литературы. Так, Аташбараб Хамидреза в диссертации «Русская литература в Иране: цикл «Персидские мотивы» С.А. Есенина», производя глубокий анализ есенинского цикла в контексте перевода на персидский язык, отмечает: «При чтении «Персидских мотивов» у перса непременно возникает следующий вопрос: как долго Есенин пробыл в Персии?» [3]. Ученый-ирановед также отмечает удивительную осведомленность Есенина о персидских бытовых реалиях. Например, поэт пишет в первом стихотворении о «синих цветах», которые в буквальном смысле его лечат. «В первом стихотворении цикла «синие цветы» – это неверный перевод названия одного лечебного растения, «Гол-гав-забан» (перс. نابزواگلگ ,golgav-zaban), из которого тогда готовили и подавали в чайхане популярный в Персии напиток», [3] – пишет ученый. В шестом стихотворении цикла «Свет вечерний шафранного края...» Есенин заменяет название города Хорасана (Хороссана) перифразом «шафранный край», по словам иранского ученого такая поэтическая замена может быть понятна только персу или человеку, который много раз был в Иране. Аташбараб Хамидреза комментирует: «Шафранный край находится там, где растет очень редкое и дорогое растение под названием шафран (перс. نارفعر [za'faran], лат. Crocus), родиной которого является именно Хорасан. Название «шафран» происходит от арабского «za'faran», что означает «быть желтым». Шафран называют «царем пряностей», и существует версия, что это одна из самых древних и самых дорогих пряностей в мире» [3].

Абтин Голкар в статье «Флористический код лирического цикла С.А. Есенина «Персидские мотивы» в контексте персидской культуры» отмечает, что растительные образы, которые использовал Есенин во многом соответствуют символическим значениям этих образов в персидской классической поэзии [7, с. 182.].

Одни из самых распространенных образов персидской поэзии – образы розы и соловья. Чаще всего данная пара образует оппозицию, соловей символизирует песнь чистой любви, роза, наоборот, только внешне привлекательна, но опасна, так как имеет шипы. Самое известное сказание о розе и соловье, рассказывает трагическую историю, где соловей обнимает розу и умирает. У Есенина в стихотворении «Голубая да веселая страна...» соловей «кличет» и обнимает розу «в тенях ветвей». Абтин Голкар, комментируя этот эпизод, пишет, что такой

нарратив невозможен для персидской традиции. Но в стихотворении «Отчего луна так светит тускло...» Есенин точен в семантике образа опавшей розы как конца любви.

Лепестками роза расплескалась,
Лепестками тайно мне сказала:
«Шаганэ твоя с другим ласкалась,
Шаганэ другого целовала... [8, т. 1, с. 271].

* * *

В цикле «Персидские мотивы» Есенин создает поэтический образ далекой восточной страны, показывая свое знание восточной поэзии и культуры. Живой интерес к персидской культуре появился у Есенина в 1925 г., когда он познакомился в Баку со вторым секретарем ЦК Компартии Азербайджана П.И. Чагиным. По воспоминаниям современника поэта, В.Н. Мануйлова: «Он (Есенин) был увлечен Востоком и сожалел, что мало читал о его истории, плохо представлял себе сущность мусульманства» [10]. Одной из отправных точек, побудивших Есенина к созданию поэтического цикла «Персидские мотивы», была дружба с братом П.И. Чагина В.И. Болдовкиным, служившим комендантом Советского посольства в Тегеране. Одна из отправных точек рождения «Персидских мотивов» – это знакомство Есенина с В.И. Болдовкиным. Василий Болдовкин, работавший в советском посольстве Тегерана, гуляя по солнечному Баку вместе с поэтом, в своих рассказах открыл для Есенина загадочный мир Персии: «Сергей задавал мне множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе. <...> Устроившись на балконе, я ему рассказывал множество различных персидских легенд о мифических пери, рассказывал о городах Персии, в которых я побывал, о знаменитом тегеранском базаре с его лабиринтами, в котором можно блуждать и не скоро сумеешь выйти, а можно просто заблудиться» [9, т. 4, с. 417–418]. Существуют мемуары Болдовкина, которые не были полностью изданы, но отрывки из них были опубликованы в ряде научных работ.

Болдовкин познакомил поэта с культурой Ирана и в своих мемуарах цитировал слова Есенина «Узнал от Петра Ивановича, что ты на днях приехал из Тегерана, и днями опять уезжаешь в Тегеран. Я хочу поехать с тобой. Хочу посмотреть эту чудо-страну Востока» [5]. Есенин просил Болдовкина взять его с собой в Тегеран, но мешали бюрократические проблемы, разрешение на выезд Есенин так и не успели сделать. Приведем еще цитаты: «С какой проницательной способностью осматривал поэт крепостную стену, здание “Исмаилийе”, ныне Академия наук Азербайджанской ССР, интересуясь датой постройки, зодчими. Его интересовало все, и я не успевал отвечать на его вопросы, а порой вопросы были такие, на которые я не мог ответить. Так, например: “А кто был последний хан в ханском дворце?”» [5].

Болдовкин пересказывает разговор, в котором Есенин говорит о планах написания поэтического цикла о Персии: «Ты знаешь, Вася, я хочу создать целый цикл стихов про Восток, про Персию. Про Персию старинную, древнюю, про Персию новую, такую, как она есть, и мы, возможно, поедem вместе» [5].

Брат Петра Чагина с увлечением проводил экскурсии по старинным улицам Баку: «Осматривая памятники старины, Сергей задавал мне множество вопросов о Персии. Я почувствовал, что Персия не дает ему покоя, тянет к себе. Когда уже поздно вечером мы пришли домой, и здесь Сергей не давал мне покоя, и, о чем бы мы ни начали говорить, весь разговор переводил на Персию» [5]. Болдовкин познакомил Есенина и с персидскими легендами, много рассказывал об обычаях и культуре: «Я (Болдовкин) ему рассказывал множество различных

персидских легенд о мифических пери, рассказывал о городах Персии, в которых я побывал, о знаменитом тегеранском базаре с его лабиринтами, в котором можно блуждать и не скоро сумеешь выйти, а можно просто заблудиться» [5].

Так Болдовкин открыл для Есенина мир таинственного Востока, помог сформировать основу будущего произведения.

В заключении можно сделать вывод, что мотивно-образная структура «Персидских мотивах» отличается живой полемикой, которая раскрывает многозначный смысл этого произведения. Автор постоянно незримо ведет диалог и находит точки соприкосновения разных культур на основе поэтики. Образ русской деревни рифмуется с восточным миром через образ восточной красавицы, которая имеет черты «девушки с севера». Эта внутренняя диалогичность поэтики Есенина постоянно и самобытно проявляется в цикле «Персидские мотивы». Об этом же пишет Л.Ф. Алексеева в работе «Восток и восточная культура в поэзии С.А. Есенина»: русская деревня удивительным образом схожа с восточным миром. «В этом отношении “таинственный” и “древний” деревенский мир родственен восточному. Чертами Востока обладает вся деревенская Россия, исконная культура. Отсюда это определение в стихах «Москвы кабацкой» – «азиатская сторона» [1, с. 265].

Будучи большим мастером, Есенин использует восточную поэтику как каркас, наполняя его нарративом, который перекликается со славянской мифологией и традиционными лиро-эпическими формами классической поэзии. Недаром тюркский собиратель и исполнитель народных песен старик Джабар, присутствующий на одном из творческих вечеров Есенина в Баку, после чтения поэтом своих произведений, сказал: «Я – старик. 35 лет я собираю и пою песни моего народа. Я поклоняюсь пророку, но больше пророка я поклоняюсь поэту: он открывает всегда новое, неведомое и недоступное пока многим. Я не понимаю, что ты читал нам, но я почувствовал и узнал, что ты большой, очень большой поэт. Прими от старика поэта поклонение пред высоким даром твоим» [6].

Список источников

1. Алексеева Л.Ф. Восток и восточная культура в поэзии С.А. Есенина // Есенин на рубеже эпох: Итоги и перспективы: материалы Международной научной конференции, посвящённой 110-летию со дня рождения С.А. Есенина. Рязань, 2006.
2. Аташбараб Х. «Персидские мотивы» Есенина в Иране // Сергей Есенин: Диалог с XXI веком: сборник научных трудов по материалам Международного научного симпозиума, посвященного 115-й годовщине со дня рождения С.А. Есенина. Рязань, 2011.
3. Аташбараб Х. Русская литература в Иране: цикл «Персидские мотивы» С.А. Есенина (проблема перевода и историко-литературной интерпретации). URL: <https://www.philol.msu.ru/~ref/avtoreferat2010/atashbarab.pdf> (дата обращения: 24.03.2024).
4. Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1994 (репринт издания 1865–1869 гг.).
5. Болдовкин В.И. Воспоминания о Сергее Есенине в Баку. URL: <https://ourbaku.com/index.php> (дата обращения: 24.03.2024).
6. Воронский А.К. Об отошедшем // Есенин С. Собрание стихотворений. М., 1926. С. XVII.
7. Голкар Абтин. Флористический код лирического цикла Есенина «Персидские мотивы» в контексте персидской культуры // Есенинская энциклопедия: Концепция. Проблемы. Перспективы: материалы Международной научной конференции, посвящённой 111-летию со дня рождения С.А. Есенина. Рязань, 2007.
8. Есенин С.А. Полное собрание сочинений: в 7 т. (9 кн.). М., 1995. Т. 1 / Сост. и комм.: А.А. Козловский.

9. Летопись жизни и творчества С.А. Есенина / Ин-т мировой лит. РАН. М., 2005. Т. 2.
10. Мануйлов В.А. О Сергее Есенине // С.А. Есенин в воспоминаниях современников: в 2 т. М., 1986. Т. 2.
11. Савченко Т.К. «Голубая да веселая страна»: «Персидские мотивы Сергея Есенина и «Бирюзовая чайхана» Александра Ширяевца // Русская словесность. 2016. № 4.
12. Чалисова Н.Ю. Красота по-персидски = Of Persian beauty: «Собеседник влюбленных» Шараф ад-Дина Рами. М., 2021.

Информация об авторе

К.А. Фурсов – аспирант Института мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва, Россия

Information about the author

K.A. Fursov – Graduate Student at the Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2023; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 72–75.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 72–75.

Научная статья

УДК 81.42; 82.01

doi:10.52470/2619046X_2024_2_72

Лингвопоэтический анализ стихотворения Антонина Ладинского «Элегия» (1933)

Виктория Валерьевна Никульцева

Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, Россия,
severjanin@list.ru

Аннотация. В статье приводится лингвопоэтический анализ стихотворения Антонина Ладинского «Элегия» (1933). Композиция, образная система, идейно-тематический план стихотворения рассматриваются через анализ языковых уровней текста – лексико-семантического, фонетического, грамматического. В стилистическом отношении несомненный интерес для исследователя поэтического текста представляет и палитра изобразительно-выразительных средств, применяемых автором данного произведения.

Ключевые слова: Антонин Ладинский, лингвопоэтический анализ, языковые уровни текста, индивидуально-авторский стиль, изобразительно-выразительные средства языка

Для цитирования: Никульцева В.В. Лингвопоэтический анализ стихотворения Антонина Ладинского «Элегия» (1933) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 72–75. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_72

Original article

Linguistic and poetic analysis of Antonin Ladinsky's poem «Elegy» (1933)

Victoria V. Nikultseva

Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia, severjanin@list.ru

Abstract. The article deals with language and poetic analysis of A. Ladinsky's poem «Elegy» (1933). The composition, the system of images, the level of ideas and subjects are regarded via the analysis of the following language levels: lexico-semantic, phonetic, grammatical. Without any doubt from the point of view of stylistics a set of expressive devices used by the author in his writings is interesting for the researcher of poetic texts.

© Никульцева В.В., 2024

Keywords: Antonin Ladinsky, linguistic and poetic analysis, language levels of text, an individual-authorial style, expressive devices of the language

For citation: Nikultseva V.V. Language and poetic analysis of A. Ladinsky's poem "Elegy" (1933) // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 72–75. https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_2_72

Поэт-неоромантик, представитель первой волны русской эмиграции Антонин Ладинский (1896–1961) [1] известен современному читателю прежде всего как автор исторических романов. Однако его поэтическое творчество, фрагментарно опубликованное в послереволюционной России только в 2008 г., представляет огромный интерес для исследователя языка и стиля художественной литературы Русского зарубежья. Основной корпус рукописных текстов Ладинского, среди которых имеются неопубликованные, хранится в РГАЛИ (ф. 2254) [2].

Романтический склад поэзии Ладинского отражен в жанровой специфике текста. Так, одним из любимых жанров поэта является элегия. Даже стихотворений с таким названием насчитывается не менее десяти. Большинство их создано в «парижский» период творчества.

Античные образы – неотъемлемый элемент архитектоники текста в стихотворении А.П. Ладинского «Элегия» (1933). Образы богини Афины Паллады, величия и падения Римской империи порождают контрасты прошлого и настоящего (Рим – Петербург), приобретений и потерь (*горькая слава – расставанья час*):

Я с горькой славой Рима
Судьбу твою сравнил.
Я ледяные зимы
Палладе посвятил.

Паллада – это не только атрибут богини войны, но и имя Богдановой-Бельской, куртизанки, салон которой пользовался успехом у петербургского демимонда. Введение этого имени собственного в «античный» контекст дает двойное прочтение первой строфы элегии: возможно, лирический герой вспоминает зимние вечера, проведенные в литературно-музыкальном салоне этой женщины, которой посвятили стихи Вс. Князев, Игорь-Северянин, Н. Гумилёв, А. Ахматова, Г. Иванов и мн. др.

Семантическое пространство города образовано пересечением полей «Петербург» (*колонны, город сырой, на берегах Невы*), «зима» (*ледяные зимы, сугробы*), «природа» (*лес, синева, небесные*), «вода» (*дожди, Нева, слезы, снег*), «античная история» (*Рим, Паллада, колонны*), «приобретения» (*слава*), «судьба» (*судьба, гроб, сон, метаморфоза, мир*), «страдание» (*слезы, расставанье, горькая*), «человек» (*глаза*), «звук» (*голос лиры, плач*).

Образы судьбы и смерти, страдания приобретают необычную трактовку у Ладинского: город восстает из снега, бросая вызов законам природы. Возникшая оппозиция «город – природа» определяет введение анафоры, метафоры и сравнения:

Наперекор сугробам
Там вырос мир колонн,
Как странный лес за гробом,
Как непонятный сон.

Звуковая, визуальная и тактильная семантика текста усилена введением анафоры вкупе с ассонансом на [о]:

И только голос лиры
К тебе из синевы,

И только город сырый
На берегах Невы.

И только слезы, слезы
Твоих небесных глаз,
Твои метаморфозы
И расставанья глас.

Аллюзия «город... на берегах Невы» [5], отсылающая к поэзии А.С. Пушкина и Георгия Иванова, перифраза «слезы... небесных глаз» (дожди) рождает образ города, стоящего на воде, окруженного водой, с сырым климатом, но такого родного и близкого поэту в эмиграции. Парижские дожди напоминают ему петербургские, Сена – Неву, небо Парижа – Санкт-Петербург с высоты птичьего полета, «расставанья час» с которым хотя давно наступил для поэта, но все еще длится, приобретая реальные очертания в воспоминаниях.

Визуальные образы исполнены в холодной гамме: превалирует синий, белый и голубой цвета: «ледяные зимы», «сугробы», «синева», «небесные глаза».

Семантика незыблемого и вечного города связана не только с потерями, но и с приобретениями, не только с каменной архитектурой, но и с водной стихией, а также выстраивается через античную символику и через оппозицию города природе. В то же время этот «петербургский текст» отличается наличием семантических полей «время», «человек», «страдание», «звук», «зима/холод». С лейтмотивами памяти, жизни, любви, света, потерь неразрывен текст Ладинского, в котором тема судьбы и смерти выступает на первый план.

Контрасты «жизнь – смерть», «счастье – страдание», «прошлое – настоящее», «город – природа», «потери – приобретения» лежат в основе геометрического рисунка текста: все четыре строфы строятся на антитезе, синтаксическом параллелизме и анафоре.

Оппозиция временных планов (прошлое – настоящее) создает ностальгический характер мемуарного текста: у Ладинского действие представлено только в реальной модальности.

Интонационный рисунок текста носит восходяще-нисходящий характер во всех строфах; мелодика текста ритмична и однообразна.

Стихотворение написано излюбленным размером автора – трехстопным ямбом с пиррихиями. В основе эвфонии лежат ассонансные (на [o]) и аллитеративные инкрустации на [p] – [pʲ], [л] – [лʲ], весьма тщательно отшлифованные.

В творчестве поэта-неоромантика город на Неве предстает как монументальный памятник на лоне вечной природы, величественный и одинокий, безмолвный и печальный. Архитектоника текста связана с античными мотивами, строгой геометрией композиции и визуализацией художественного образа, что свойственно Ладинскому как романисту-историку.

Список источников

1. Коростелёв О.А., Федякин С.Р. Ладинский Антонин Петрович // Русские писатели XX века: биографический словарь / гл. ред. и сост. П.А. Николаев. М., 2000.
2. Ладинский Антонин Петрович (1896–1961), писатель, переводчик // РГАЛИ. Ф. 2254. URL: <https://www.rgali.ru/opis?fundId=8409> (дата обращения: 09.05.2024).
3. Лекманов О.А. «Жизнь прошла. А молодость длится...» Путеводитель по книге Ирины Одоевцевой «На берегах Невы». М., 2020.
5. Жулькова К.А., Никульцева В.В. Реминисцентный характер перифразы «На берегах Невы» в мемуарах Ирины Одоевцевой // Русская речь. 2023. № 1.

Информация об авторе

В.В. Никульцева – кандидат филологических наук, доцент; заведующий кафедрой социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Москва, Россия

Information about the author

V.V. Nikultseva – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Head of the Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 10.05.2024; одобрена после рецензирования 19.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 10.05.2024; approved after reviewing 19.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 76–82.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 76–82.

Научная статья

УДК 82

doi:10.52470/2619046X_2024_2_76

Социальная проблематика очерков М. Горького о кинематографе в историческом контексте

Елена Валерьевна Казакова

Московский финансово-юридический университет МФЮА, г. Москва, Россия,
elenakazakova200482@gmail.com

Аннотация. Горький обратился к социальной проблематике, когда кинематографическое искусство уже широко внедрялось в массовую культуру. На заре XX в. в России прослеживалось множество негативных социальных явлений, таких, как преступность, нищета, алкоголизм. Все эти темы в той или иной степени Горький стремился проанализировать в своих произведениях. Цель исследования: анализ взаимосвязи между социальной проблематикой очерков М. Горького и современного ему кинематографа, в историческом контексте. Актуальность тематики представленной работы выражается в сохранении взаимосвязи отражения социальных проблем и современного кинематографа. В качестве основного метода исследования избран метод анализа научных литературных источников и очерков М. Горького на тему кинематографа. Результат исследования: взаимосвязь социальной проблематики и современного кино берет истоки с начала развития кинематографа в России.

Ключевые слова: М. Горький, ранний кинематограф, социальная проблематика творчества Горького, история, социальные реалии в кино

Для цитирования: Казакова Е.В. Социальная проблематика очерков М. Горького о кинематографе в историческом контексте // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 76–82. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_76.

Original article

Social issues of M. Gorky's essays on cinema in a historical context

Elena V. Kazakova

Moscow University of Finance and Law MFUA, Moscow, Russia,
elenakazakova200482@gmail.com

Abstract. Gorky turned to social issues when the art of cinematography was already being widely introduced into mass culture. At the dawn of the twentieth century, many negative social phenomena were observed in Russia, such as crime, poverty, prostitution, and alcoholism. Gorky sought to analyze all these themes in varying degrees in his works. Purpose of the study: analysis of the social issues of M. Gorky's essays on cinema in a historical context. The relevance of the subject matter of the presented work is expressed in maintaining the relationship between the reflection of social problems and modern cinema. The method of analysis of scientific literary sources and essays by M. Gorky on the topic of cinematography was chosen as the main research method. The result of the study: the relationship between social issues and modern cinema dates back to the beginning of the development of cinema in Russia.

Keywords: M. Gorky, early cinema, social problems of Gorky's work, history, social realities in cinema

For citation: Kazakova E.V. Social issues of M. Gorky's essays on cinema in a historical context // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 76–82. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_76.

На рубеже XIX–XX вв. радикальные перемены происходили во всех областях социальной жизни Российской империи: в политике, в экономике, культуре. Эти перемены были спровоцированы развитием капитализма и формированием четко определенной социальной среды рабочих и служащих. Представители этого социального слоя уже требовали не только оплаты труда, позволяющей прокормить себя и семью, но и организации досуга. При этом досуг выполнял роль средства снятия стресса от непосильного труда и психологической разгрузки. Так зародилась и начала развиваться массовая культура, сопровождавшаяся отказом от морально-нравственных идеалов прошлого, и нарастанием социальной апатии. По мнению исследователя Д.Я. Сухотерина, массовое общество хотело «просто жить», просто удовлетворять свои потребности в «хлебе и зрелищах», что повлекло за собой распространение новых форм развлекательной деятельности. Массовое приобщение к кафе-шантану и кинематографу отразило стремление социума к простым развлечениям, не претендующим на интеллектуальность [7, с. 52]. Эти процессы не мог не заметить исследователь темных закоулков души – Максим Горький.

Основной проблемой в представленном исследовании является анализ в историческом контексте социальной проблематики очерков М. Горького о кинематографе.

Цель работы заключается в анализе взаимосвязи между социальной проблематикой очерков М. Горького и современного ему кинематографа, в историческом контексте. Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть исторический социальный контекст развития синемаатографа в Российской империи;

- установить взаимосвязь между социальной проблематикой очерков М. Горького о кинематографе и современного ему синематографа.

Синематограф, как массовое культурное явление, начал свой путь с XVI Всероссийской промышленной и художественной выставки, проводившейся с 28 мая (9 июня) по 1 (13) октября 1896 г. в Нижнем Новгороде, в районе Кунавино. Данная выставка служила демонстрацией мощи российского национального капитала, поэтому её организаторы стремились продемонстрировать открытость и к мировым технологиям. Организатором мероприятия был царский министр Сергей Витте. Именно он распорядился управлять художественно-прикладным отделом писателю Дмитрию Григоровичу, а художественный (с павильонами Михаила Врубеля и Маковского) – академику Александру Бенуа. На выставке блистал театр, построенный под меценатством Саввы Мамонтова, этнографические павильоны демонстрировали представления, посвященные национальностям, населявшим Российскую империю. Выставка привлекла внимание Николая II, которые посетил её и высказал своё одобрение.

Демонстрация синематографа на знаменитой Всероссийской выставке проходила в ярмарочном павильоне. Расчет был прост – Нижний Новгород славился своими ярмарками и именно на ярмарке можно было привлечь массовое внимание публики к новому явлению.

Среди посетителей одного из тех исторических сеансов был молодой журналист «Нижегородского листка» и «Одесских новостей» по имени Алексей Пешков – будущий пролетарский писатель Максим Горький. До него в отечественной прессе печатались лишь объявления о фильмах, а Горький произвёл революцию в осмысления нового искусства.

В газете «Нижегородский листок» в июле 1896 г. Максим Горький описал свои впечатления от фильма, который был продемонстрирован на Всероссийской промышленной и художественной выставке Шарлем Омоном: «Я позабыл ещё сказать, что синематограф показывают у Омона – у нашего знаменитого Шарля Омона, бывшего конюха генерала Буадеффра, как говорят» [3, с. 242]. Горький подчеркивает «бывшего конюха». В социальной системе России XX в. конюхи занимали не самое высокое положение. Таким образом, писатель иносказательно сообщает читателю, что искусство, внесенное в массы конюхом, имеет «низкое» происхождение, сообразно непритязательным вкусам социальных низов. Об актрисах Горький, хорошо знакомый с нравами театральной и балетной среды, отзывается пренебрежительно, называя «звездочками» в кавычках. Он справедливо предполагает деградацию нравственности в синематографе из-за моральных установок актерской среды: «...синематограф показывает пока ещё очень приличные картины, как видите. Но это, конечно, ненадолго, и следует ожидать, что синематограф будет показывать «пикантные» сцены из жизни парижского полусвета. «Пикантное» здесь понимают, как развратное, и никак не иначе» [3, с. 244].

Анализируя проблемы, поднимаемые Горьким в его очерках о синематографе, необходимо помнить, что на границе XIX–XX вв. средства массовой информации, к которым относились различные печатные издания, доносили до аудитории информацию о подлинной реальности, существующей в пространстве и времени. Принимая во внимание этот факт, становится понятным, почему Горький называл синематограф «жутким зрелищем» – он не отражал существующие в реальности предметы и явления, представляя собой полностью выдуманный, искусственный продукт.

Раннее кино братьев Люмьер «Прибытие поезда» привлекло внимание Горького как феномен, породивший страх у первых зрителей. В этой части Горький воспринимает кино как некое «призрачное» зрелище, неспособное в полной мере отразить реальную жизнь. Напомним об особенностях кинематографа на заре XX в.: фильмы чёрно-белые, немые, грим актёров нарочито подчёркивает глаза и губы, бледное лицо, вычурные жесты и позы.

По мнению Горького, синематографу тех лет не хватало красок (фильмы чёрно-белые), звуков (фильмы немые), выражения чувств при помощи речи. Конечно это были недостатки технологии, которые довольно быстро были преодолены.

По мнению В. Роговой в описаниях социального смысла, вкладываемого в синематограф, Горький прибегал к формулировке «царство теней», потому, что видел в этом аналог жизни социального дна в России: «серая, безмолвная, подавленная, несчастная, ограбленная кем-то жизнь» [6, с. 62]. Но не только визуальный ряд немых фильмов соответствовал условиям безрадостной жизни социального дна, о котором любил писать Горький.

Тема кинематографа, помимо очерков, размещенных в «Нижегородском листке», прослеживается в рассказах Горького «Отомстил...», «О развлечениях», и других. Очерки Горького о синематографе – это попытка открыть читателю социальный смысл явления. Например, в очерке, размещённой в «Нижегородском листке» писатель начинает морализировать, описывая «вызывающий женский смех», который раздавался в зале и принадлежал представительницам социального дна. С.Ю. Дергилева и Д.С. Геворкян сообщают, что на границе XIX–XX вв. бесчестие в Российской империи носила в большей части легальный характер. Множество женщин, занимающихся этой «профессией», стояли на учёте в полиции и имели так называемые «жёлтые билеты». Они вели свой промысел во всех публичных местах: самые низшие, изношенные и больные охотились за мужчинами на улицах и в мрачных притонах; женщины более высокого ранга искали удачу в публичных заведениях вроде городских парков, ресторанов, трактиров, оперетт и т.п. [1, с. 32].

С распространением синематографа, фильмы для привлечения публики демонстрировались в кафе-шантанах, которые немедленно облюбовали продажные женщины как место возможного знакомства с клиентами. Однако, синематограф был доступен для всех женщин, и для приличных семейных матрон – тоже. Здесь Горький усматривал противоречие между присутствием в зрительном зале обитательниц социального дна и «честными» женщинами, чьи образы представляли на экране. С точки зрения писателя, нарушалась скромность и приватность частной жизни «чистой героини». Темнота зрительного зала воспринималась писателем как темнота социального дна с рыщущими в ней охотницами за мужчинами.

Очерк «Отомстил...» был опубликован в «Нижегородском листке» 7 июля 1896 г. Писался он под впечатлением от киносеанса. В этом очерке главный герой умышленно стремится вызвать сильные чувства у подсевшей к нему падшей женщины, которая рассказывает сюжет фильма «Завтрак младенца». Чистая честная жизнь в этом фильме противопоставляется жизни женщины, лишённой счастья иметь нормальную семью [2, с. 341].

Следует отметить, что к представительницам социального дна Горький подчас проявлял сочувствие. Так, в упомянутом выше очерке «Синематограф Люмьера» он говорит, что «... но весьма возможно, что сердца их щемит тоска».

В своём творчестве Горький представляет Францию, и, в частности, Париж как источник разврата. Поскольку первый увиденный Горьким синематограф был привезён в Россию бывшим конюхом, французом Шарлем Омоном, то выстраивается параллель – синематограф также источник развращения публики. Этот процесс развращения Горький усматривал в силе и новизне впечатлений, которые пробуждает в публике просмотр фильмов: «Нас может далеко, очень далеко завести эта жажда странностей и новизны, и “Кабачок смерти” из Парижа конца XIX может переехать в Москву в начале XX».

При этом в очерках Горького нет предположения о том, что фильмы о правильной жизни могут повлиять каким-либо положительным образом на зрителей, жаждущих зрелищ. Писатель уверен, что в будущем кино станет носить всё более низкий развращённый тон: «Я уверен – эти картины заменят иным, более подходящим к общему тону концертного

зала жанра. Дадут, например, картину “Она раздевается” или “Акулина, выходящая из ванны”...» [3, с. 243].

К.О. Гусарова отмечает, что Горький не стесняется использовать жёсткие выражения, такие как «культура домов терпимости» [5, с. 173]. Иными словами, писатель увязывает синематограф, как новую технологию зрелищ, с жизнью социального дна, знакомой ему. Более того, как знаток человеческих душ, Горький понимает, что культура, проникнув в толпу, начинает деградировать в сторону простых и пошлых зрелищ. В некотором роде Горький проводит аналогию между массовой культурой и артистками кафе-шантана.

Кинотеатры первых лет, как правило, организовывались в публичных местах для привлечения различных слоёв общества. Перед экраном синематографа становились равны и «благородные» зрители, и представители социальных низов, все они сидели рядом и вперемешку, объединённые одной целью – получить новое острое неизведанное удовольствие. В восприятии Горького синематограф обнажал приватную жизнь личности перед аудиторией также механически, как обнажалась продажная женщина. Очерки Горького о кинематографе представляют таких женщин как метафору массового вкуса. И в этом есть доля истины. Кинематограф поставлял зрителям продукты для эмоционального потребления, точно также как продажные женщины поставляли в общество пошлый вкус и образ жизни. Потребление продукции синематографа напоминало Горькому потребление обитательницами публичных домов одежды и косметики: «Я далек от обвинения всех этих “этуалей” и “неподражаемых”, “вне конкуренции” стоящих дам, – я не обвиняю их ни в чем. Они суть продукты спроса, выдвинутые временем на рынок разврата. Их создала публика, эта «культурная толпа», наполняющая с восьми часов вечера до четырех часов утра ярмарочные кабаки» [4, с. 243].

В первые годы XX в. фильмы зачастую показывали реакцию необразованных зрителей на изображение на экране, что вызывало в зрителях насмешку над искренностью и простотой персонажей. В глазах Горького сама природа синематографа была навязчивой, нескромной, нарушающей тайну частной жизни, подобно публичной женщине, описанной в очерке «Отмстил...».

В начале XX в. Горький стоял на позиции превосходства текста над визуальным восприятием. Эмоционально-экспрессивный очерк Горького содержит мысль о том, что искусство синематографа может составить конкуренцию литературе. По сути Горький старался посредством литературных приёмов показать превосходство слова над кино.

При этом Горький не предлагает никаких мер по изменению отношения к синематографу, кроме насильственного. Писатель понимает, что для развлечения ярмарочной публики нужны будут всё более вульгарные и пикантные сценарии. Здесь он размышляет о природе интереса людей к зрелищам. Контекст порочности, возникший в среде социального дна, бедности, перебирается в ярмарочные кафешантаны, а оттуда – на экраны синематографа. Задолго до развития феномена массовой культуры Горький увидел вектор интересов толпы.

Конечно, синематограф оправдал все мрачные прогнозы писателя, однако, случилось это далеко не сразу и не из-за каких-то особенностей кинематографа, а под влиянием либерализации общества и слома традиционных моральных устоев (которые, кстати, старательно разрушал и сам Пешков).

Надо сказать, что взгляды Алексея Максимовича Горького были поддержаны серьёзными нижегородскими мужиками, а мужики, проявляя большую инициативу, несколько раз пытались сжечь «вместилище дьявольской силы». Историки российского кино утверждают, что репутация синематографа после этого была подорвана на несколько десятков лет. Конечно, в этом виноват не только Горький, но и сами гастролеры-демонстраторы, привозившие вся-

кую синематографическую ерунду, лишь бы она привлекала побольше публики, приносила больше барышей.

Произведения Горького и его взгляды, как ни странно, довольно быстро нашли отклик в том самом «пошлом искусстве масс» – кинематографе. Открыли великого пролетарского писателя для игрового кино галантные французы братья Пате, представив на экране мелодраму с пением «Падение джентльмена, или Прокутившийся миллионер» (по мотивам пьесы «На дне»). Созданная ими в конце 1911 г. безделушка была рассчитана на популярность кино декламатора А. Ольшевского. Пытаясь усладить публику «поэзией» горьковского дна, французский режиссёр Кай Гансен в 1912 г. сделал в Москве фильм «Пасынки судьбы». Сразу же в товариществе «Фильма» выпустили экранную декламацию «Барон и Настя» («Типы Горького»). Она не имела успеха даже в провинции.

Летом 1917 г. мощное кинопредприятие Дмитрия Харитоновича выпустило визуальную драму «Жизнь барона» («Пепел и Барон») по схеме пьесы «На дне» [6, с. 64].

На начало XX в. Горький отрицал наличие каких-либо достоинств в современном ему киноискусстве, однако он предсказал, что в другой социальной среде кинематограф сможет выполнять просветительскую и воспитательную функции. После Октябрьской революции писатель уже обратил пристальное внимание на сферу кинематографа. Здесь он хотел реализовать проект серией кинофильмов по истории культуры человечества.

Заикнувшись на своих мрачных прогнозах, Пешков не разглядел главного – тех уникальных художественных возможностей для рассказывания историй, которые появились с созданием кино.

Недооценил он и информационный потенциал разработки братьев Люмьер, что довольно странно для журналиста. Ведь «движущиеся картинки» способны гораздо подробнее запечатлеть событие, чем это могли сделать печатное слово или фотография.

И, как следствие, Горький не понял, как кино может быть использовано в политике и пропаганде. Каким мощным средством убеждения и распространения идей оно может стать. Зато это довольно быстро поняли сами политики. Впрочем, это были лишь его впечатления по горячим следам, поэтому ожидать от них исчерпывающего анализа, наверное, не стоило.

Таким образом, в ранних очерках Горького в отношении кинематографа поднимаются важнейшие социальные и этические вопросы: проблема социального дна, проблема неприятной массовой культуры.

Список источников

1. *Геворкян Д.С., Дергилева С.Ю.* Вопросы борьбы с регламентацией торгом женщинами в конце XIX – начале XX века в научной и общественной деятельности А.И. Елистратова и В.Ф. Дерюжинского // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2013. № 4 (60).
2. *Горький М.* Отомстил... // Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1949. Т. 2: Рассказы, стихи: 1895–1896.
3. *Горький М.* Синематограф Люмьера // Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1953. Т. 23: Статьи: 1895–1906.
4. *Горький М.* С Всероссийской выставки. (Впечатления, наблюдения, наброски, сцены и т. д.) // Горький М. Полное собрание сочинений: в 30 т. М., 1953. Т. 23: Статьи: 1895–1906.
5. *Гусарова К.О.* Адский поезд и культура домов терпимости: что увидел Горький в кино // Шаги/Steps. 2020. Т. 6. № 4.
6. *Рогова В.* Мистический киносон Максима Горького // Искусство в школе: 2016. № 4.
7. *Сухотерин Д.Я.* Массовая культура и реклама в России: взаимовлияние феноменов на рубеже XIX–XX веков (на примере журнала «Нива») // Культура и цивилизация. 2012. № 2–3.

Информация об авторе

Е.В. Казакова – преподаватель кафедры социально-гуманитарных и общеправовых дисциплин Московского финансово-юридического университета МФЮА, г. Москва, Россия

Information about the author

E.V. Kazakova – Lecturer at the Department of Social, Humanitarian and General Legal Disciplines of the Moscow University of Finance and Law, MFUA, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 07.05.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 07.05.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 83–93.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 83–93.

Научная статья

УДК 82-3

doi:10.52470/2619046X_2024_2_83

Развитие жанровых традиций усадебного романа в истории литературы XX в.

Светлана Витальевна Гусарова

Московский финансово-юридический университет МФЮА, Калужский филиал,
г. Малоярославец, Россия, Gusarova34141@gmail.com

Аннотация. С исчезновением помещичьих имений популярный в XIX в. жанр усадебного романа не утратил свою привлекательность для авторов. В течение всего XX в. целая плеяда писателей обращается к образу усадьбы как символу родового гнезда. Усадебный мир изображается как ключ к социальным процессам современности, где гармоничному миру сельского поместья противопоставлена современная городская цивилизация. С помощью интертекстуального анализа, автор показывает, что поздний неклассический усадебный роман уже не вписывается в установленные узкие рамки, но значительно расширяет свою географию. Усадьба, как образ родного дома, был и остается важнейшим символом семейных ценностей. И даже если герои произведения большую часть времени проводят вне родного имения, всеми мыслями и силами души они стремятся туда вернуться.

Ключевые слова: усадебный роман, архитектурный образ, традиции и новаторство, оплот семейных ценностей

Для цитирования: Гусарова С.В. Развитие жанровых традиций усадебного романа в истории литературы XX в. // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 83–93. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_83

Original article

The development of genre traditions of the manor novel in the history of literature of the twentieth century

Svetlana V. Gusarova

Moscow University of Finance and Law MFUA, Kaluga branch, Maloyaroslavets, Russia,
Gusarova34141@gmail.com

Abstract. With the disappearance of landlords' estates, the genre of the manor novel, popular in the 19th century, has not lost its appeal to authors. Throughout the twentieth century, a whole galaxy of writers turned

© Гусарова С.В., 2024

to the image of the manor as a symbol of the ancestral nest. The manor world is depicted as the key to the social processes of modernity, where the harmonious world of the rural estate is opposed by modern urban civilization. With the help of intertextual analysis, the author shows that the late non-classical manor novel no longer fits into the established narrow framework, but significantly expands its geography. The manor, as an image of the native home, was and remains the most important symbol of family values. And even if the characters of the work spend most of their time outside their native estate, they strive to return there with all their thoughts and soul forces.

Keywords: manor romance, architectural image, traditions and innovation, stronghold of family values

For citation: Gusarova S.V. The development of genre traditions of the manor novel in the history of literature of the twentieth century // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 83–93. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_83.

Если Вам кажется, что в литературе хронотоп усадебного романа остался в далёком XIX в., то вы ошибаетесь. Да, романтика зелёных английских холмов в романах Джейн Остин, полные тайн и страстей удалённые коттеджи и замки в новеллах сестёр Бронте остались в прошлом, да и сам жанр «роман об усадьбе» казалось бы завершил свое формирование в эдвардианскую эпоху – 1901–1910 гг.

Как отмечала Т.А. Склизкова, эдвардианская эпоха была последним периодом британского землевладения в его классической форме [5]. Позднее с падением Британской империи и индустриальным развитием страны, начнутся резкие социальные изменения, что приведет к вырождению и гибели земельной аристократии. Прогресс обрушится на уходящий викторианский мир: женщины перестанут носить корсеты, художники провозгласят стремление уйти от реализма, повсеместно распространяются автомобили, появляется множество великих изобретений. Как замечает П. Парриндер, все это сопровождается упадком поместной аристократии, разрушением сельских усадеб [11, с. 302].

Не случайно написанная в 1903 г. пьеса А.П. Чехова «Вишневый сад» – настоящая лебединая песня о печальной судьбе дворянских усадеб России – станет настолько популярной за рубежом. Стук топора, врубающего сад, и заколоченные окна для многих будут символизировать конец длинной и прекрасной эпохи.

Но в XX в. появилась целая плеяда авторов, которые оказались готовы вновь и вновь воспевать красоту и гармонию загородных усадеб. И в литературе Европы, Северной Америки и даже Австралии образ родового имения вновь находит свое место.

По мысли М. Келсала, это произошло потому, что гибель в реальной жизни сельских домов компенсировалась их изображением в воображаемом мире, где они оказались спасены в романе об усадьбе [9, с. 6].

Правда в начале XX в. усадьба мыслится уже не столько как родовое гнездо, как некое убыточное предприятие, от которого следует избавиться любым путём.

Берти Вустер, герой романа П.Г. Вудхауса «Дживс – вы гений!» (1919 г.) с сочувствием рассказывает о своем школьном приятеле Чаффи (для всех остальных пятый барон Чаффнел), который редко бывает в Лондоне, так как по большей части вынужден (!) жить в Чаффнел-Реджисе, в графстве Сомерсетшир, где ему принадлежит на побережье «немыслимых размеров дворец в сто пятьдесят комнат минимум», и плюс роскошный парк, раскинувшийся на десятки миль вокруг. При этом бедняга Чаффи еле сводит концы с концами, большинство комнат дворца не открывали лет сорок, в них царят грязь и запустение, а денег на ремонт нет и не предвидится...

Ради того, чтобы избавиться от «опостылевшей развалюхи» пятый барон Чаффнел готов пойти на любые уступки. Превратить усадьбу в железнодорожный вокзал – пожалуйста! Разместить в родовом гнезде больницу для умалишенных – легче лёгкого! Лишь бы кто-нибудь снял этот крест с его шеи...

Возможно, в своей иронии П.Г. Вудхаус несколько и преувеличивает, но в то время гармоничному миру усадеб особо противостояла современная цивилизация, воплощенная в образе стремительно изменяющегося облика привычного мира.

Постепенно европейской, и в первую очередь английской культуре усадьба, поместье становится символом устойчивого и упорядоченного мира, эмблематическим изображением райской «Аркадии», недостижимым утопическим идеалом в сознании модернизированного общества, основанного на переменах.

Примером подобного понимания усадьбы становится роман Э.М. Форстера «Говардс-Энд». Написанный еще до Первой Мировой войны роман о новых людях, о поколениях, сменяющих друг друга в уходящей «старой доброй Англии». Главное противостояние в романе начинается с первых строк – у семейства Уилкоккс, богатых капиталистов, сколотивших состояние в колониях, у семейства интеллектуалов и философов Шлегелей и обедневшей молодой пары из низшего класса Бастов, абсолютно разные взгляды на жизнь, и им придётся схлестнуться на этих страницах не на шутку. Между этими семьями возникают сложные отношения, которые позволяют автору вскрыть существующие в обществе конфликты между социальными слоями, полами, этническими группами, типами мироощущения [4, с. 36].

Но главный герой в этой книге – не люди. Главный герой – дом Говардс-Энд. Имя дома вынесено в заглавие неслучайно – дом становится центром происходящих событий, местом, откуда начинается повествование и в котором оно заканчивается. Вокруг него, но не в нём, герои влюбляются и нет, женятся, живут, не любя и привыкая друг к другу, рассуждают о жизни, слегка касаясь политики и высоких сфер жизни.

Согласно роману, поместье Говардс-Энд располагалось недалеко от городка Хилтон и принадлежало, по словам одной из героинь романа, скорее «Провинциалии, стране предместий». Сам дом тоже не типичен для английского поместья. Говардс-Энд перестроен из бывшей фермы, дух которой оказалось невозможно изгнать никакими перестройками. В нем неудобные маленькие комнаты, низкие потолки и множество переходов. Но вокруг располагаются чудесный луг, Шершавый вяз, окутанный целым роем суеверий, есть загон для пони, хотя самого пони уже нет. Короче говоря, пространство дома – это некое магическое место, Дом с большой буквы, в котором не ощущается быстротечности времени, нет места для финансовых и интеллектуальных шатаний начала века, не так чувствуется близость войны и неурядиц. Духом этого Дома три поколения подряд становится женщина. И неважно, как её имя и с кем она в родстве.

Всё-таки правы те, кто говорят, что у дома есть душа. В книге даже сказано, что дома даже умирают по-разному. Поэтому эта книга не о людях. Эта книга – о том, суждено ли дому выжить и с какими хозяевами дому суждено выжить или погибнуть. С позиций морали, которая царилась в обществе накануне Первой мировой войны, финал романа весьма нетипичен, и звучит едва ли не как вызов обществу. В той старой доброй Англии сложно представить, что поместье будет отписано незаконнорождённому ребёнку, даже не состоящему в родстве с главой семьи.

Интересный факт, что у дома, главного героя романа, даже есть прототип – в реальной жизни этот дом звался дом Грачей [8]. Сегодня эта местность известна не только как одно из последних красивых мест в радиусе 30 миль от Лондона, но и «потому что это Форстер-Кантри Говардс-Энд».

В результате в XX в. усадебный дом и его окружение оказываются в сознании англичан, да и не только их, центром национального английского мифа. Как отметил Ричард Ле Гальен, что «все хорошее, что есть в Англии, принадлежит сельской жизни» [10, с. 127]. Устойчивое мифологизированное представление об Англии как о стране спокойных и красивых деревень, где все пьют чай на лугу, сохраняло свою актуальность на протяжении всего XX в. как прокомментировал английский историк Дэвид Каннадайн: «По какой-то мистической причине, без видимых оснований мир сельских усадеб, с которым большинство из нас не было знакомо, вдруг стал миром, который мы потеряли, миром, который мы отчаянно хотим найти снова» [9, с. 14–15]. Он считает, что этот ностальгический взгляд в воображаемое английское прошлое создает иллюзию порядка и гармонии в современном нестабильном обществе.

Первая Мировая война нанесла сокрушительный удар по еще сохранившимся дворянским поместьям Европы. Но в межвоенное десятилетие, разделяющим две страшные мировые войны, образ усадьбы как важнейшей семейной ценности вновь находит свое место в литературном творчестве.

В 1936 г. увидел свет знаменитый исторический роман Маргарет Митчелл «Унесенные ветром», где одним из основных мест действия является плантация Тара.

Тара была основана ирландским иммигрантом Джеральдом О'Хара после того, как он выиграл 640 акров земли в покер. Джеральду, который по своей натуре был типичный ирландский крестьянин-фермер, понравилась мысль стать плантатором, и он дал своим новым землям, по большей части диким и необработанным, громкое название Тара – «Холм Королей» (Hill of Tara). Название было дано в честь реального холма Тара, которое некогда служило для инаугурации древних Верховных королей Ирландии, и там же располагалась их резиденция.

В книге стихов английского поэта Томаса Мура «Ирландские мелодии» [3, с. 12]. говорится так о дворце древних ирландских королей:

Молчит просторный тронный зал,
И двор порос травой
В чертогах Тары отзвучал
Дух музыки живой.

Когда Джеральд впервые вступает во владение собственностью, он и его раб-камердинер Порк обитают в небольшом деревянном домике из четырех комнат, построенном, как только земля была заселена. По мере того, как богатство новоявленного плантатора растет, он строит небольшие пристройки к зданию, но очень скоро Джеральд понял, что будущему поместью нужен женский подход и домашняя прислуга.

В 43 года Джеральд О'Хара женился на 15-летней Эллин Робийяр, богатой девушке французского происхождения, родившейся в Саванне, получив в приданое двадцать рабынь. По мере роста семьи Тара подвергается серьезному расширению и реконструкции. Тем не менее, это не красивое здание, а скорее большое, беспорядочное сооружение из побеленного кирпича и дерева, «построенное без какого-либо архитектурного плана, с дополнительными комнатами, добавленными там, где и когда это казалось удобным». Очарование дома исходит только лишь от грации и утонченности Эллин, хозяйки дома. Благодаря ее приданому и росту цен на хлопок, к началу 1860-х гг. Тара разрослась до плантации площадью более 1000 акров.

В первой четверти романа О'Хара с энтузиазмом поддерживают Конфедерацию. Но еще до того, как ситуация необратимо повернулась против Конфедерации, Тара, наряду с другими крупными землевладениями в графстве, уже начала приходить в упадок.

В отличие от большинства домов соседей, Тара избежала огня политики «выжженной земли». Опасная болезнь жены и младших дочерей, заставляет Джеральда твердо стоять

на пороге, как будто за ним стоит армия, а не перед ним, что вызывает сочувствие офицера, который приказывает своему хирургу лечить заболевших женщин.

Дом был реквизирован и впоследствии использовался в качестве полевой штаб-квартиры, и это спасло его от разрушения. Но солдаты вырубали на дрова окружающие дом деревья, разрушили хозяйственные постройки, разорили огороды и фруктовые сады, уничтожая даже то, что еще не созрело, и даже перекопали могилы на семейных кладбищах в поисках зарытых ценностей.

После вывода армии, семья и оставшиеся им верные рабы остаются с разграбленным и полуразрушенным домом, разгромленной фермой без скота, рабочей силы или сельскохозяйственного оборудования, без еды и средств существования. Но и это был не конец испытаний для Тары.

Старшей дочери Джеральда – Скарлетт О’Хара, которая родилась и выросла в Таре, подобно отцу придется твердо стоять на пороге перед отрядом врагов «словно за спиной не пустой дом, а целое войско». Ей было всего девятнадцать лет, и на руках у нее был младенец, но главной мыслью Скарлетт в эту минуту будет обращение к родному дому: «Пусть теперь сожгут тебя вместе со мной, потому что я тоже не могу тебя покинуть. Ты – последнее, что у меня есть». Ее решимость была столь сильна, что янки отступят вновь.

Скарлетт не покинет Тару. И не только потому, что эти акры красной земли принадлежат ей, а потому, что она сама чувствует себя всего лишь их частицей. Она останется в поместье и найдет способ сохранить его. Да, ради Тары ей придется пойти на обман и убийство; своими изнеженными ручками она будет собирать хлопок и тушить пожар; чтобы заплатить налог на поместье, она уведет жениха у сестры; будет тиранить домашних и пренебрегать своими детьми, но усадьбу ей удастся сохранить.

К концу романа Тара стала напоминать, насколько это возможно, ту прекрасную плантацию, какой она была до войны. Тара навсегда останется прибежищем Скарлетт. Именно в Таре она сможет восстановить силы после потери ребенка, именно сюда она направится, чтобы найти способ вернуть мужа. Красная земля Тары даст Скарлетт силы жить, даже если она так и не сможет обрести покой и счастье.

В 1938 г. в готическом романе Дафны дю Морье «Ребекка» будет рассказана трагическая история о судьбе другой вымышленной усадьбы с звучным именем Мэндерли.

Мэндерли не просто место действия. Это имение – настоящий герой произведения, играющее в нем весьма значительную роль. Все в мире книги вращается вокруг поместья. Герой бежит из него, совершив страшное преступление, но вновь возвращается, не в силах покинуть это место.

Знаменитая начальная строка: «Прошлой ночью мне приснилось, что я вернулась в Мэндерли...» – вошла в историю литературы XX в.

Главная героиня, имя которой так и останется неизвестным, с тоской и упоением описывает прекрасный дом: «Передо мной был Мэндерли, наш Мэндерли, затаенный и безмолвный, как встарь, серый камень поблескивал в лунном свете моего сна, высокие, узкие трехстворчатые окна отражали зеленую траву и террасу. Время было бессильно перед идеальной симметрией этих стен, перед этим домом – алмазом в углублении ладони...».

Мэндерли – настоящая архитектурная жемчужина, фамильное имение де Винтеров, где прошла жизнь не одного поколения семьи. Но это безукоризненно красивое здание окажется ловушкой.

Мрачно-готический стиль произведения держит читателя в напряжении и предчувствии беды. За каждым, кто входит в поместье Мэндерли, словно тень следует его бывшая хозяйка Ребекка.

Мэндерли неразрывно связано со всей жизнью Максима де Винтера. Ради своего поместья Максим был готов на все. Он женился без любви на женщине, которая могла бы украсить собой даже королевский дворец, не то, что запущенное старое имение, в которое, невзирая на мнение сына, даже отец Максима не хотел вкладывать деньги. Все знакомые завидовали Максиму, все в один голос твердили, что именно такая жена и приличествует представителю аристократии. Ребекка превратила Мэндерли в райский уголок, куда мечтали попасть самые влиятельные люди государства, а слава о прекрасной и безупречной хозяйке этого неземного места прокатилась по всем фешенебельным курортам мира. Теперь название «Мэндерли» ассоциировалось не с исконным владельцем, а с блистательной и неотразимой Ребеккой. Для Максима это был удар...

Одним из источников вдохновения для Дафны Дюморье при описании поместья Мэндерли, стал Милтон-Холл – поместье недалеко от Кембриджа, в котором она бывала в детстве, во время Первой мировой войны. Почти двадцать лет спустя, когда она уже написала «Ребекку», Дюморье рассказала владельцу Милтон-Холла, что интерьер Мэндерли был основан на ее воспоминаниях об этом месте и «ощущении большого дома» [2, с. 12].

Но известно, что у поместья Мэндерли был и другой прототип – поместье XVII в. Менабелли, что находится в Корнуолльском графстве. Именно графство Корнуолл было главной страстью в жизни Дафны Дюморье. Усадьбу Менабелли писательница хорошо знала, арендовала почти два десятка лет и даже вкладывала в реставрацию поместья все свои деньги. Увы! – в 1969 г. Дюморье была вынуждена уехать из Менабелли, точно так же, как миссис де Винтер из Мэндерли, дом был навсегда для нее потерян. Неудивительно, что Менабелли стало прототипом Мэндерли.

В романе Дафне Дюморье удалось создать неожиданный, трагический, но в то же время яркий и незабываемый финал. Любящей паре удалось-таки избавиться от тени Ребекки, но это досталось им очень дорогой ценой: «...на том месте, где прежде стоял наш дом, бушевало огромное пламя, и горизонт выглядел ярко-красным, словно он был залит кровью. Огромные языки пламени взмывали к небу, и до нас уже долетали клочья сажи, принесенные соленым морским ветром».

Роман начинается и заканчивается образом погибшей усадьбы и ностальгией по покинутому дому. Ребекка безжалостно забрала самое дорогое что было у Максима, его дом, его Мэндерли...

Максим понес наказание, не сравнимое даже с казнью. Вся предыдущая его жизнь потеряла смысл. Поместье Мэндерли, ради которого он перенес столько страхов и унижений, превратилось в угли и пепел.

Во второй половине XX в. жанровые традиции усадебного романа часто обнаруживают себя и в тех произведениях, где само поместье на первый взгляд находится на периферии повествования. В 1969 г. выходит роман Дж. Фаулза «Женщина французского лейтенанта», который является первым неовикторианским произведением, где мастерски написана «история страсти на фоне гениально воссозданных исторических декораций и пуританских нравов» [6, с. 87].

Сюжет описывает персонажей из разных слоёв общества с их целями, мечтами, ограничениями и запретами, которые накладывает на них время и социум. При этом описанная в романе усадьба Винзизтт, даже не являясь основным «местом действия», но играет в повествовании гораздо более важную роль, чем может показаться на первый взгляд.

Как в большинстве усадебных романов, поместье в романе Фаулза выступает символом мирной жизни и безоблачного золотого века. «В Винзизтте никогда не случалось ничего безотлагательного и зеленые сегодня тихо вливались в зеленые завтра, а единственным реальным

временем было солнечное, а ощущение порядка было почти машинальным, так глубоко оно укоренилось, так велика была уверенность, что он нерушим и всегда пребудет столь же благостным и божественным». Но усадьба представляет собой живое не только доказательство взаимосвязи человека и природы. Именно с поместьем Винзиэтт связан поворотный момент в судьбе героя и его самоидентификация [1, с. 76].

Главный герой романа Чарльз Смитсон, являясь наследником поместья, не слишком ценит старинную усадьбу. Ему не хотелось владеть Винзиэттом и проводить свои дни подле дяди. Герой считал, что они с сэром Робертом слишком разные люди, у них разные предпочтения и ценности. Чарльз видел себя человеком нового времени: увлеченным наукой агностиком, для которого традиционные занятия поместного дворянства остались в прошлом.

Собираясь жениться на дочери богатого суконщика, Чарльз не задумывается о том, сможет ли его избранница стать настоящей хозяйкой и хранительницей старинного поместья. Чарльза не смущает, что его невеста сочла родовое гнездо «просто старым сараем с ужасающе старомодной мебелью, картинами и портъерами». Эрнестина не слишком скрывает, «что ей отнюдь не улыбалась перспектива навсегда обосноваться в Винзиэтте, хоть это и позволяло помечтать по меньшей мере об одном способе распорядиться по своему усмотрению частью ее огромного приданого – а именно, избавиться от всех этих нелепых, украшенных завитушками деревянных кресел (настолько древних, что им вообще цены не было), от мрачных буфетов (эпохи Тюдоров), от траченных молью обоев (гобеленов) и потускневших картин (в том числе двух кисти Клода Лоррена и одной Тинторетто), которые не снискали ее одобрения».

На вопрос Эрнестины, можно ли ей будет отделать дом по своему вкусу, Чарльз легкомысленно отвечает: «По мне, так вы можете сровнять его с землей и возвести на его месте второй Хрустальный дворец!»

По иронии судьбы и воле автора, Чарльз Смитсон осознал, насколько важен для него Винзиэтт в тот день, когда он потерял свои права на него.

Автор описывает, как подъезжая весенним солнечным днем к поместью, герой останавливает взгляд на купах старых деревьев, «каждое из которых носило свое нежно любимое название: Посадка Карсона, Курган, Десяти Сосен». И «...уверенность в том, что скоро он будет по-настоящему владеть этим пейзажем, – все это пробудило в Чарльзе невыразимое ощущение счастливой судьбы и порядка». Чарльз, глядя на поместье, чувствует, что оно как будто «полнится любовью к нему»; внезапно ощущает, что он и Винзиэтт – «этот клочок Англии» – составляют одно целое, у них общая история, общая гордость, общий вековой уклад. В эти минуты дом становится для него центром существования, чем-то особенным, сокровенным, «соединением вечных ценностей и мира повседневного, материальной реальности», «символическим воплощением семейных ценностей».

И именно в этот день, дядюшка сообщает герою о своей предстоящей женитьбе, и что отныне Чарльз уже не безусловный наследник Винзиэтт, ведь у его дяди вполне может родиться сын и наследник.

Ошеломленный известием, Чарльз возвращается к своей невесте, и тут его ждет новое потрясение.

Эрнестина, услышав скандальную новость вела себя «не достойно леди». Он ждал лишь нежного сочувствия, но то, что его невеста ярится как «дочь суконщика, которой натянули нос при продаже сукна», – поразило бедного Чарльза до глубины души. Он понял, какая пропасть лежит между ними.

Быть может, отчасти, дядюшка и женился-то с мыслью, что в лице Эрнестины выражается угроза для всего поместного уклада жизни. Эта «новомодная женщина» не могла понравиться дяде, потому что навсегда останется дочерью суконщика с «лондонскими по-

вадками» и почти «полным отсутствием интереса к сельской жизни». Не имеющая ни тонкого вкуса, ни должного образования, Эрнестина была способна разрушить очарование старинной усадьбы, превратив ее в модную виллу из каталогов торговых фирм.

Окончательное прозрение приходит к герою после разговора с отцом Эрнестины мистером Фрименом. Фримен – человек действия, достигший собственными силами определенных высот, тот кого сегодня мы бы истинным назвали бизнесменом, со своих позиций рассуждал очень логично. Раз «умный бездельник», его будущий зять, лишился поместья, то ему следует «отработать женино приданое», и поэтому тесть от души предлагает ему заняться невысказанным английским джентльменом делом – коммерцией. В этот момент Чарльз чувствует себя дворянином, которому «не пристало заниматься ремеслом торговца». Вот когда становится ясно, сколь поверхностно увлечение Чарльза либерализмом: век «великих свершений», оказавшийся веком «Потребителя, Покупателя, Клиента» и его Чарльза Смитсона покупают по сходной цене. Вульгарность этого предложения глубоко возмущает Чарльза.

И пусть поместье для Чарльза потеряно, а будущее неясно, герой романа все же нашел в себе силы не приспособиваться к этому новому миру, где коммерческий расчет отодвигает на второй план высокие нравственные качества джентльменов. Он уезжает из страны в надежде отыскать не то утерянные надежды, не то самого себя... А поместье Винзиэтт станет еще одним символом утраченного золотого века английской усадьбы.

Спустя почти сорок лет в 1977 г. мир узнает имя еще одной вымышленной усадьбы – поместья Дрохеда, которое описано Колин Маккалоу в романе «Поющие в терновнике».

Как и Тара, название Дрохеда имеет ирландские корни. Дрохеда или Дроэда – это портовый город на восточном побережье Ирландии, известный еще с конца XII в.

Первый раз поместье Дрохеда предстает перед читателем глазами молодого священника Ральфа де Брикасара, который замечает, что «даже на взгляд ирландца, привычный к замкам и роскошным особнякам, это австралийское жилище выглядело внушительно».

Автор рассказывает, что Дрохеда – старейшее и самое богатое имение во всей округе, в пределах которого могло свободно разместиться несколько европейских княжеств. И подчеркивает, что покойный владелец Майкл Карсон был без памяти влюблен в свои владения, поэтому и дом отстроил им под стать.

«Двухэтажный, построенный в строгом георгианском стиле, дом этот сложен был из отесанных вручную плит кремневого песчаника, доставленных из карьера с востока, за пятьсот миль; большие окна с узорчатым переплетом, широкая веранда на металлических опорах опоясывает весь нижний этаж. У всех окон, точно изящная рама, ставни черного дерева – и это не только украшение: в летний зной их закрывают, сохраняя в комнатах прохладу».

От безжалостного австралийского солнца дом заслоняет строй великолепных «призраков» – эвкалиптов «с почти белыми стволами и узкими листьями, трепещущими на высоте добрых семидесяти футов».

Все вокруг продумано до мелочей. Автор подчеркивает, что даже «неизбежные в этом полудиком краю уродливые цистерны-водохранилища укрыты плащом выносливых местных вьюнков, ползучих роз и глициний и ухитряются выглядеть не грубой необходимостью, а украшением».

Но Главный дом и осенявшие его эвкалипты – лишь визитная карточка поместья. Подлинная жизнь Дрохеды кипела у скотных дворов, сараев, стригален.

И вот по приглашению хозяйки имения, в Дрохеду из Новой Зеландии переезжает семейство Клири. Миссис Карсон встречает родственников высокомерно и язвительно, демонстрируя брату и его детям, что считает их лишь прислугой. Несмотря на это, Пэдди и его сыновья не покладая рук работают в Дрохеде, усердно осваивая все нюансы огромного хозяйства.

«Скоро оказалось, что Дрохеда – нечто обособленное, самодовлеющее, отрезанное от всего цивилизованного мира...» – замечает К. Маккалоу.

Перед смертью миссис Карсон свое огромное состояние завещает не родному брату и племянникам, которые семь лет проработали в Дрохеде без отдыха и достойной оплаты, а католическому священнику Ральфу де Брикассару. Причем поступает она так с одной целью – разлучить Ральфа с Мегги, так как небезосновательно подозревает, что священник неравнодушен к девушке.

Правда, Падрику Клири и его детям предоставляется право постоянно жить в поместье и распоряжаться некоторой частью доходов, но на этом их возможности ограничиваются.

Все были шокированы этим завещанием. Все, кроме Падрика. Несмотря на уговоры, он не будет оспаривать завещание сестры. Ведь Дрохеда останется у его семьи, у его детей, внуков, правнуков, а это главное! И даже Мэгги, понимая, что Ральф предал её, откажется бороться за «тринадцать миллионов серебряников» своей тетки.

Оказавшись в Дрохеде, семейство Клири будет связано с поместьем навсегда. Здесь, спасая усадьбу от страшного пожара, погибнут Пэдди и любимый брат Мэгги Стюарт. Здесь проведут всю свою жизнь сыновья Пэдди и Фионы. Дрохеда станет их первой и единственной любовью – ни один из них так никогда и не женится, вложив все свои силы и нерастроченный пыл в процветание поместья. Покончив с несчастным браком, в Дрохеду вернется со своими детьми Мэгги. И словно ведомый предчувствием, один из братьев скажем Мэгги, чтобы она никогда не отпускала своего сына из Дрохеды, ибо «пока он в Дрохеде, с ним ничего плохого не случится».

Но его предостережение осталось тщетным. Дэн, единственный и обожаемый сын Мэгги покинет Дрохеду и погибнет...

Горький приговор Дрохеде прозвучит в конце книги из уст Фионы, матери семейства Клири: «Значит, после нас никого не останется... И не будет больше Дрохеды. Ну, напишут про нее несколько строчек в книгах по истории, и приедет в Джилли какой-нибудь серьезный молодой человек, станет разыскивать и расспрашивать всех, кто еще что-то помнит, и напишет о Дрохеде книжку. Последнее из громадных землевладений Нового Южного Уэльса. Но читатели никогда не поймут, что это было на самом деле, просто не смогут понять. Для этого надо было разделить её судьбу».

В девяностые годы XX в. к сюжету дворянского усадебного романа неожиданно обращается польская писательница, мастер иронического детектива, Иоанна Хмелевская. В романе «Старшая правнучка» центральной темой произведения станет шляхетское имение Блендов.

Именно это поместье является связующим звеном нескольких поколений семьи. Блендов передается по наследству только по женской линии: от бабушки либо к внучке, либо к правнучке. В этом доме хранится главная родовая тайна: документы, подтверждающие родственную связь семьи с императором Наполеоном и фамильные драгоценности.

А так как ни отцы, ни мужья прав на это имение никогда не имели, то Блендов становится еще и символом независимости женской половины этой семьи. Так одна из главных героинь романа Матильда Вежховская сделала все, чтобы превратить дом предков в настоящую дворцовую усадьбу. Питая настоящую страсть к новомодным изобретениям, Матильда «одной из первых провела у себя это странное, страшноватое электричество, завела ванны с горячей водой, соблазнилась телефоном и автомобилями». И хотя её супругу все это казалось чистым безумием, но «он не мог пресечь её действия, раз она платила за все из собственных средств».

Возведённое в эпоху наполеоновских войн начала XIX в., имение чудом уцелело в Первой и Второй мировых войнах, и даже реквизиция дома властями не привела к его утрате. В эпоху Польской народной республики власти не раз пытались расположить в поместье

то дом культуры, то школу, то поликлинику, но как-то всё безуспешно – ни одно учреждение в имении так и не прижилось. Как скажет про это жених последней владелицы имения: «Это здание годится только под жилой дом... Самый обыкновенный семейный дом. Пусть даже слишком просторный».

Да, действительно, Блендов – это был семейный дом, в котором росли дети, в котором велось хозяйство. Передавались из поколения в поколение рецепты приготовления национальных блюд, особенности засолки грибов и копчения колбас, секреты заготовки «сухого варения» и так далее.

И, пожалуй, линия, в которой описывается повседневный быт этого имения читается даже интереснее, чем вековая детективная история. Именно этот роман, который был написан спустя полтора века после падения большинства крупных усадеб Европы, показывает роль помещичьих имений в организации сельского хозяйства доиндустриальной эпохи [7].

Очень ярко прописан образ домоправительницы Блендовского поместья панны Доминики. Скрупулёзно описывая её каждодневный труд, автор показывает какими знаниями, какими экономическими навыками надо было обладать, чтобы имение процветало, сколько сил, труда и деловой хватки необходимо для этого.

История имения начинается в первой половине XIX в., а завершается уже в наши дни. Блендов оказывается той ниточкой, которая связывает нашу современницу Агнешку с её «три раза «пра» прабабушкой». (Единственно, несколько странным нам показалось описание елейно-верноподданнических чувств, которые потомки бывшей прислуги якобы испытывают к правнучке «её светлости пани Вежховской», но оставим это на совести автора.)

Мы считаем, что описание больших отрезков времени, куда укладывается биография нескольких поколений, проживающих в имении или связанных с ним – это основная характерная черта всех перечисленных нами романов.

Все перечисленные романы не соответствуют хронологу усадьбы в чистом виде, так как содержание романов не сведено только к пространству усадьбы с окрестностями. Но с «усадебным текстом» их роднит «соотнесенность содержания с мифом усадьбы как утрачиваемого (или утраченного) рая».

Композиционный анализ приведенных выше романов показывает, что поместье уже не являет собой «модель мира», но при этом усадьба выступает в роли «якоря», который удерживает героев в стремительно меняющемся окружении. Неслучайно в усадебном романе поместный дом становится символом гармонии. Традиции делают усадебный дом носителем культурного наследия. Мир XX в. становится шире, герои романов вынуждены надолго покинуть свой дом, судьба бросает их по странам и континентам, поэтому они особенно ценят «родные пенаты» как некую точку возврата. Как бы далеко не унесло течение жизни лодку главных героев, родовое имение выступает тем «якорем», который позволяет вернуться к родным берегам. Трансформируясь в современной литературе, современный усадебный роман продолжает воспевать отчий дом как воплощение важнейших человеческих ценностей.

Список источников

1. Асеева М.А., Гусарова С.В. Смысловые аспекты инициации в интерпретации литературных сюжетов // *Фундаментальные основы инновационного развития науки и образования*. Пенза, 2017.
2. Гусарова С.В. Архитектурные объекты как художественные образы европейской литературы. // *Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института*. 2022. № 3.
3. Красникова Л.В. Лингвопоэтические особенности стихотворных циклов Т. Мура «Ирландские мелодии»: автореф. дис. канд. филол. наук, М., 2016.

4. *Пургина Е.С.* Э.М. Форстер и группа Блумсбери: литературная полемика Э.М. Форстера и Вирджинии Вулф // Вестник Чувашского университета, 2007. № 1.
5. *Склизкова Т.А.* Жанр «роман об усадьбе» в английской литературе первой половины XX века: учебно-практическое пособие. URL: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/8966/1/02165.pdf> (дата обращения: 23.03.2024).
6. *Склизкова Т.А.* Жанровые традиции романа о сельской усадьбе (country-house novel) в романе «Женщина французского лейтенанта» Дж. Фаулза // Вестник Костромского государственного университета, 2012.
7. *Щукин В.Г.* Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе // Российский гений просвещения. Исследования в области мифопоэтики и истории идей. М., 2007.
8. Дом – Гнездо грачей. URL: <https://www.livelib.ru/book/1000931908/reviews-govardsend-edvard-morgan-forster> (дата обращения: 23.03.2024).
9. *Cannadine D.* The Stately Homes of England // The Pleasure of the Past. Harmondsworth, 1993.
9. *Kelsall M.* The Great Good Place: The English Country House and English Culture. New York, 1993.
10. *Le Gallienne R.* The English Countryside. URL: www.readbookonline.net/readOnLine/39069/ (дата обращения: 12.02.2024).
11. *Parrinder P.* Nation and novel. The English novel from its Origins to the Present Day. London, 2006.

Информация об авторе

С.В. Гусарова – кандидат педагогических наук; доцент Московского финансово-юридического университета МФЮА, Калужский филиал, г. Малоярославец, Россия

Information about the author

S.V. Gusarova – Candidate of Pedagogical Sciences; Associate Professor of the Moscow University of Finance and Law MFUA, Kaluga Branch, Maloyaroslavets, Russia

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 06.05.2024; принята к публикации 07.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 06.05.2024; accepted for publication 07.06.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 94–102.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 94–102.

Научная статья

УДК 82-31

doi:10.52470/2619046X_2024_2_94

Специфика психологизма в романе А. Нури «Глоток мертвой воды»

Диана Юрьевна Сырысева

Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук
(ИМЛИ РАН), г. Москва, Россия, syryseva97@mail.ru

Аннотация. Цель статьи видится в рассмотрении специфики психологизма в романе современной русскоязычной татарской писательницы Альбины Нури (Альбины Нурисламовой) «Глоток мертвой воды». Актуальность и новизна исследования состоят в обращении к произведению, ранее не становившемуся предметом пристального анализа, а также в включении романа в широкий контекст литературоведческих исследований. Делаются выводы о сложной репрезентации психологизма, реализующейся, с одной стороны, благодаря элементам макропоэтики романа (сны, воспоминания, показ внутреннего мира и душевных переживаний героев), с другой стороны, благодаря элементам микропоэтики романа (обращение к приемам киностилистики и субъективации повествования, усложнение мотивной структуры). Благодаря психологической направленности в художественную канву произведения органично включаются как экзистенциальные переживания (смерть, травма, трагический жизненный опыт и его преодоление), так и вера в существование мифологических персонажей (образ Юхи), что способствует реализации поэтики и эстетики магического реализма.

Ключевые слова: психологическая проза, магия, миф, экзистенция, теория иллюзий

Для цитирования: Сырысева Д.Ю. Специфика психологизма в романе А. Нури «Глоток мертвой воды» // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 94–102. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_94.

Original article

Specifics of psychologism in A. Nuri's novel «A Sip of Dead Water»

Diana Yu. Syryseva

A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia,
syryseva97@mail.ru

Abstract. The purpose of the article is to consider the specifics of psychologism in the novel «A Sip of Dead Water» by the contemporary Russian-speaking Tatar writer Albina Nuri (Albina Nurislamova). The

© Сырысева Д.Ю., 2024

relevance and novelty of the study lies in the appeal to a work that has not previously become the subject of close analysis, as well as in the inclusion of the novel in the broad context of literary studies. Conclusions are drawn about the complex representation of psychologism, which is realized, on the one hand, thanks to the elements of the macropoetics of the novel (dreams, memories, showing the inner world and emotional experiences of the characters), on the other hand, thanks to the elements of the micropoetics of the novel (recourse to the techniques of film stylistics and subjectivization of the narrative, the complication of the motive structures). Thanks to the psychological orientation, both existential experiences (death, trauma, tragic life experiences and overcoming them) and the belief in the existence of mythological characters (the image of Yuha) are organically included in the artistic outline of the work, which contributes to the realization of the poetics and aesthetics of magical realism.

Keywords: psychological prose, magic, myth, existence, theory of illusions

For citation: Syryseva D.Yu. Specifics of psychologism in A. Nuri's novel «A Sip of Dead Water» // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 94–102. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_94.

В отечественном литературоведении рассмотрение психологической прозы, способов и приемов, благодаря которым психологизм может проявляться в произведении, стало активно развиваться после книги Л.Я. Гинзбург «О психологической прозе», в которой не только был описан методологический аппарат исследований (опора на труды К. Юнга, советских психологов, например, С.Л. Рубинштейна), но и показаны границы применимости данной методологии [4]. В современных исследованиях ученые связывают психологизм с гендерным анализом произведения, рассматривая феномен женской прозы, особенно национальной женской прозы [14; 12; 13], а также различные стратегии и практики письма [8; 15]. Особый интерес представляют исследования компаративистской направленности, в которых проводятся параллели между русской и татарской литературой на основе реализации и репрезентации психологического начала [2; 3]. В.Р. Аминева отмечала общую тенденцию между русскими писателями XIX в. и татарскими писателями начала XX в., а именно актуализацию таких стилистических показателей, как «эмоциональная экспрессивность речи, ее темповая и ритмическая организация, разнообразные формы субъективированного повествования» [3, с. 12]. Д.Ф. Загидуллина указывала, что если в произведениях русской литературе взаимодействие различных миров, дискурсов (реалистического, фантастического, мистического) становится возможным благодаря иронии, то в татарской литературе «связь между двумя мирами возникает в виде экзистенциальной философии» [6, с. 59].

Альбина Нури (Альбина Нурисламова), современная русскоязычная татарская писательница, так характеризует свою писательскую стратегию: «Мой мистицизм базируется на реализме. В романах – обычная, каждодневная жизнь. Мистицизм появляется, если взглянуть на наши реалии под другим углом» [5]. При этом она подчеркивает, что в основе произведений лежит «всегда психологическая проблема, драма» [1].

В романе 2018 г. «Глоток мертвой воды» рассказывается о трагических событиях, произошедших в семье Суворовых после того, как они приняли решение усыновить Алика, ребенка, которого они по случайности сбивают на автотрассе. Изначально счастливая семья начинает разваливаться, гармонические отношения разрушаются, что приводит к гибели дочери (Соня Суворова), ее отца (Евгения Суворова) и к помещению в психиатрическую клинику ее матери (Полины Суворовой). Семейный конфликт отцов и детей разрешается трагически. Повествование субъективируется: большая часть событий дается через призму восприятия Полины – молодой женщины, в прошлом которой случались травматические переживания

(потеря второго ребенка). В первой части романа рассказывается об усыновлении ребенка и последующих за этим трагических событиях в семье Суворовых (гибель кота и смерть дочери Сони). Во второй части романа происходит усложнение повествовательной техники за счет введения воспоминаний героев (ретроспективная рекурсия), снов, галлюцинаций, включения мифологических персонажей (образ Юхи), приемов киностилистики. Произведение сложно ритмически организовано: с одной стороны, предпосланный роману эпиграф закольцовывает повествование второй части (уровень макропоэтики), с другой стороны, ретроспективная рекурсия дает возможность показать глазами героев однотипные ситуации, повторение этих ситуаций в разных географических координатах (уровень микропоэтики).

Мальчик появился на трассе, по которой возвращаются из поселка Новые Дубки в Казань Полина и Евгений Суворовы, «так неожиданно», что Евгений не смог справиться с управлением автомобиля [11, с. 9]. Полина узнает ребенка: это Алик, с которым она познакомилась в поселке. Он вызывает симпатию у Полины: «Удивительно красивый ребенок!», «Словно сказочный принц» [11, с. 10]. При этом он «не типичный ребенок», «рассудительный и тихий», говорит «чересчур правильно и как-то по-взрослому» [11, с. 11]. В его глазах застывает недетская «грусть» [11, с. 11]. Его худоба, хрупкость и незащищенность, большое количество синяков и гематом, как будто бы образовавшихся поле страшных побоев, вызывают у Полины чувство жалости и сострадания, «сердце ее сжалось» [11, с. 15]. Полине после отъезда Жени с Аликом в больницу «почему-то пришло на ум, что все безвозвратно изменилось, муж покинул ее навсегда, оставил одну, и больше они никогда не встретятся» [11, с. 17]. Молодая женщина чувствует какое-то давящее чувство одиночества: «Все мы мухи, пойманные в паучьи сети, висим и не делаем попытки высвободиться» [11, с. 18]. Полина навещает Алика в больнице, отмечая, что мальчик на обычные для своего возраста вопросы отвечал «серьезно и рассудительно, тщательно подбирая слова, как будто боялся сболтнуть лишнее» [11, с. 33]. Полине, которая работала в школе математиком, кажется странной такая реакция на вопросы у ребенка, которому 11 лет, но она не обращает на это внимания. Именно в больнице она решает, что нужно усыновить ребенка, позитивно воспринимая это, но муж и ее сестра возражают против усыновления. Полина руководствуется чувствами («Мне сердце подсказывает» [11, с. 35]), признает тот факт, что решение «было спонтанным, но вместе с тем казалось настолько верным, что она ни секунды не сомневалась в его правильности» [11, с. 35], видит в произошедшем на трассе проявление судьбы. Женя изначально настроен критически, объясняя эмоциональный порыв Полины тем, что она, потеряв второго ребенка, до сих пор страдает, поэтому хочет помочь сироте. Он утверждает, что спокойный характер ребенка – «не аргумент», пытается убедить Полину, что она «ни в чем не виновата и не должна наказывать себя» [11, с. 36]. Живущая в Санкт-Петербурге старшая сестра Полины, Светлана, юрист предлагает сестре сначала оформить опеку, а потом, присмотревшись к ребенку, окончательно его усыновить, убеждает Полину, что она должна «думать о родной дочери», «по отношению к ней порядочность проявлять» [11, с. 41]. Дочка Соня настроена так же оптимистично, как мать, что вызывает у ее отца скепсис, поскольку ребенок, по его мнению, в восприятии Сони похож на их домашнего кота Хоббита, которого «подобрали, пожалели, поселили у себя» [11, с. 42]. Если мать и дочь воспринимают усыновление положительно, то отец – крайне негативно. Алик, еще не появившийся в доме Суворовых, уже вносит некоторую дисгармонию в семейные отношения.

Несмотря на реакцию Евгения, ребенка усыновляют, он оказывается в семье Суворовых. Разделенная перегородкой детская отчетливо маркирует совершенно разные характеры детей. Полина видит, что это «две особые территории», на половине ее дочери – «хаос, в котором могла разобраться только она сама» [11, с. 45], на половине приемного сына – «идеальный по-

рядок» [11, с. 46]. Однако этот порядок вызывает у молодой женщины смутное беспокойство, поскольку «в этом что-то механическое, нарочитое и вроде бы немного издевательское» [11, с. 46]. Полине кажется, что ребенок хотел «отдать дань ее аккуратности, но сам не видел в этом смысла и посмеивался над ее нелепыми представлениями о мещанском уюте» [11, с. 46]. Полина как будто боится таких своих мыслей («С чего вдруг такие мысли!» [11, с. 46]), чувствует что, что-то в атмосфере их дома изменилось («нечто неуловимое витало в воздухе», «нечто», «беспокойство», «напряжение», «что-то идет не так» [11, с. 46]). Она начинает искать причины («Мальчик привнес свою энергетику, ауру, биополе» [11, с. 47]), способы справиться с необъяснимой тревогой («Нужно просто по-настоящему привыкнуть к Алику, только и всего», «Это просто адаптация!», «Мы должны привыкнуть друг к другу» [11, с. 47]). Но ее попытки душевного успокоения выглядят как повторение фраз, ничего не меняющее в действительности.

В школе у Алика не складываются отношения с одноклассниками, за партой он сидит один. Ребята в классе, дружном и спокойном, становятся почему-то неуправляемыми и агрессивными. Однажды, отвозя Алику забытую им форму для физкультуры, Полина оказывается в классе, что вызывает у нее крайне противоречивые чувства («Ведь если быть честной, сильнее всего Полину поразила не агрессивная взвинченность других детей, а холодная отрешенность Алика» [11, с. 51]). Но она находит этому объяснение: «Возможно, мальчик, слишком уязвимый и чувствительный, переживает и мучается, не желая никому говорить о своих переживаниях» [11, с. 49].

С появлением дома Алика резко изменяется поведение домашнего кота Хоббита, любимца Сони. Если раньше кот держался важно и гордо, любил находиться вместе со своей маленькой хозяйкой в детской, то сейчас перестал появляться в этой комнате. Все приходит к неутешительному выводу, что «по какой-то непонятной причине кот не выносил Алика», «боялся», «избегал» [11, с. 57]. Во время разговора после внезапного исчезновения и гибели кота Алик как будто предугадывает реакции окружающих. Он не дает Соне высказать идеи о том, как похоронить кота, поскольку начинает говорить о себе, рассказывать о своем прошлом, завладевая вниманием взрослых. Полине приходят в голову мысли о том, что идеальный порядок на его половине детской вызван не желанием ей угодить и понравиться, а тем, что «такова его натура», он «правильный, точный и холодный», «жестокий» [11, с. 70]. Как можно видеть, Алик вызывает противоречивые чувства у окружающих. С одной стороны, он как будто давит на жалость, вызывая сочувствие и сострадание. Взрослым (Евгению, Полине) это представляется естественным, а сомнения в искренности своих эмоций вызывают у них смущение, даже стыд. С другой стороны, Полина, Соня, одноклассники чувствуют какую-то странность, противоестественность в поведении мальчика. Писательница показывает процесс тонкой манипулятивной игры мальчика, который преследует свои собственные цели, настраивая других членов семьи друг против друга. Мальчик тонко рассчитывает реакцию окружающих на событие, вмешивается в диалог в необходимый момент для своей выгоды. Во второй части романа манипулятивная атмосфера усугубляется: Алик рассказывает учительнице Дарине Дмитриевне, что Полина его избивает, демонстрируя некие фантомные синяки. Именно Алик вызывает скорую, крича в телефонную трубку, что его мать «пыталась перерезать себе вены», когда Полина порезалась кухонным ножом, тем самым снимая с себя все обвинения в подстроенных и спланированных делах [11, с. 251]. Полина начинает характеризовать приемного сына крайне негативно («паршивец» [11, с. 251], «маленькое чудовище» [11, с. 245], «гаденьш» [11, с. 266]). Лиля в разговоре с Полиной не скрывает своей неприязни к Алику, обвиняет его в том, что он убил не только кота, но и Соню, поскольку «возможностей сфабриковать улики было сколько хочешь» [11, с. 171]. Лиля уверена в том,

что этот ребенок – «опасный маньяк», которому «нравится людей мучить» [11, с. 172]. Михаил Стрельцов, дядя Алика, сначала не верит в рассказ начальницы почты о странностях Алика, думая, что это случайные деревенские слухи и сплетни, но позже сам начинает его бояться, соглашается с негативной характеристикой («Упыренок!» [11, с. 235]). Нина Павловна, начальница почты, указывает не только на изменение цвета глаз Алика, с карих на синие, но и на то, что эти «глаза ехидные, злые» [11, с. 229].

Мальчик сначала ссорит членов семьи Суворовых, а после смерти Сони находит поддержку в лице Жени, настраивая его против жены. Полина видит, что Алик «прилип к Жене, как моллюск к днищу большого океанского корабля», и ее это беспокоит [11, с. 149]. Более того, Алик использует манипулятивный прием газлайтинга, отрицания очевидного и фактического, когда Соня уличает его в том, что он ночью не спит, а пугает ее, находясь рядом с кроватью («Тебе показалось, – невозмутимо ответил он и равнодушно отвернулся, показывая, что разговор окончен» [11, с. 90]).

У Сони и Полины после появления Алика начинают происходить галлюцинации. Соня не уверена в том, кого она видит у своей кровати ночью – Алика или странную тварь, которой она не может дать определение. У Полины возникают панические атаки, неконтролируемое чувство страха, галлюцинации, во время которых она представляет себя умирающей от кровотечения или пишущей солью на столе имя умершего второго ребенка. В зеркале Полина видит не свое отражение, а отражение какой-то другой зазеркальной Полины, которая хочет выйти из мира зазеркалья. Однако хождения Алика во сне объясняются развившимся от стресса лунатизмом, а галлюцинации Полины становятся симптомами нервного расстройства после смерти ее дочери Сони. Волнение Полины, оказавшейся в частной клинике, писательница передает с помощью приема внутреннего монолога («А вдруг меня не выпишут? Но ведь они не могут насильно держать человека в больнице... Или смогут?» [11, с. 266]). Соне снятся пугающие сны-кошмары, из-за чего у нее начинается бессонница. Полина видит сон-пророчество, в котором ее умершая дочь предупреждает ее об опасности, которой подвергается Женя, оказавшись вместе с Аликом рядом с Чертовым озером.

Что же произошло в семье Суворовых? Герои дают разные объяснения произошедшему. Полина после услышанного рассказа Михаила Стрельцова начинает думать, что «случилось что-то», авария, попытка самоубийства, «все, что творится в последнее время, всего лишь иллюзия, которую выстроил вокруг меня поврежденный мозг» [11, с. 205]. С другой стороны, молодая женщина пытается найти рациональную причину, думает, что «мальчик наделен мощным и опасным гипнотическим даром», «умеет внушать людям определенные мысли и чувства, вызывать у них страх и даже управлять поступками» [11, с. 204]. Но ответа на вопрос, почему ребенок несет зло людям, которые по-доброму, с любовью к нему относятся, она не находит.

Михаил Стрельцов, осужденный за убийство своей жены, дядя Алика, полагает, что во всем происходящем виноват не сколько Алик, сколько злая сущность – Юха, которая раньше обитала в Черном озере, а затем переместилась в тело Алика. Стрельцов отказывается проводить прямую параллель между Юхой и Аликом, но утверждает, что «выдумал же когда-то народ этого монстра, что живет среди людей», «мучает, пугает, голову морочит, заставляет страшные вещи делать» [11, с. 203]. Полине Михаил Стрельцов пересказывает сюжет татарской сказки про Юху-оборотня, в которой джигит женился на красавице, которая, будучи злой змеей, питалась жизненными силами человека. Полина предполагает, что психоэмоциональное состояние Стрельцова не стабильно, но верит ему, чувствуя его искренние эмоции. Рассказ Михаила Стрельцова Полине о трагических событиях, произошедших в его семье после усыновления Алика, вводит ретроспективную рекурсию (Михаил рассказывает

Полине о своей ситуации, а затем о ситуации в семье своей сестры Маши, матери Алика, отмечая повторяющиеся странности в поведении ребенка, его жестокость к людям и животным, экстрасенсорные способности), усложняя повествование.

Возможно, введение мифологического персонажа, оборотня Юхи, маркирует, с одной стороны, ремифологизацию, при которой «миф выступает в качестве художественного приёма», а с другой стороны, демифологизацию, при которой отчасти разрушаются сказочные представления о Юхе [7, с. 43]. Если в сказке Юха – это красивая молодая девушка, соблазняющая джигита или царевича, то в романе А. Нури Юха – это некая сущность, наделенная злой волей, живущая в Черном озере рядом с Драконовой пещерой в Уральских горах, ищущая себе тело носителя – человека, душу которого она может себе подчинить. При этом писательница сохраняет сказочную канву: в Юху, принимающие различные чувственные образы, может превратиться дракон через тысячу лет. Драконова пещера, изображенная в романе, расположена в Уральских горах, рядом с горой Спящий Дракон. С этой пещерой связываются представления о том, что внутри нее живет дракон, «мифологический змей», который сторожит богатства [11, с. 223]. Пещера наделяется негативными характеристиками из-за того, что в ней заблудилось и пропало большое количество людей, связывается в сознании людей с мифологическим персонажем. Чертово озеро воспринимается резко негативно из-за странных минеральных примесей в своих водах. В народной памяти сохраняются представления о том, что эта озерная вода «мертвая, заколдованная», «сделаешь глоток – и умрешь», «себя потеряешь» [11, с. 223]. Само же озеро «безмолвное, ледяное и черное, потому что в его глади никогда не отражался солнечный свет» [11, с. 223]. Если в сказке Юхе необходимо выпивать большое количество воды для того, чтобы поддерживать свою человеческую ипостась [10], то в романе глоток воды из озера нужно сделать человеку. Именно Алик, отправившийся вместе с друзьями на прогулку к Драконовой пещере, случайно падает в Чертово озеро, после чего у него изменяется цвет глаз, а в поселке начинают происходить странные и пугающие вещи. Биолог-травница, узнав о случившемся, полагает, что в сознание Алика «какая-то тварь из Чертова озера забралась внутрь и подчинила его себе» [11, с. 238], поскольку неприятности стали происходить после этого падения в озеро. При этом сам Алик «учиться лучше стал, здоровье окрепло, способности экстрасенсорные открылись» [11, с. 238]. В сказке Юха становится лучше от того, что у других ухудшается здоровье, в романе сущность Юха причиняет вред другим, помогая своему носителю. В эпиграфе к роману, взятому из повести Говарда Филлипса Лавкрафта «Ужас Данвича», настраивающего читателя на определенное мистическое восприятие романа, говорится о неких Старейшинах, которые всегда во все времена существовали на земле. В художественной канве романа А. Нури слова из эпиграфа как будто закольцовывают повествования, создают особый ритм. Сущность Юхи, после подстроенного путешествия Алика и Жени к Чертовому озеру, оказывается в теле Жени, и в откровенном разговоре с Полиной восклицает: «Человеческие существа невероятно высокомерны! Мой возраст исчисляется столетиями, а интеллект и способности намного превосходят ваши!» [11, с. 288]. Именно эта сущность, захватившая душу Жени, дает точную характеристику членам семьи Суворовых, наслаждаясь беспомощностью Полины: «Я умею проникнуть в тайные желания, чувства человека. Душу твою я читал, как раскрытую книгу, и знал про тебя все, мне ведомы твои комплексы, страхи, сомнения. Мысль об усыновлении должна была прийти тебе в голову» [11, с. 293]. Злая сущность дает психологическую характеристику Жене: «он из породы Дон Кихотов», «такие прищипывают коня и смело бросаются на ветряные мельницы, защищая своих любимых и помогая слабым» [11, с. 293]. При этом сущность признает, что подпитывается «человеческой энергией, которую генерируют эмоции и чувства», особенно такие сильные, как страх, горе и отчаяние [11, с. 291]. Образ Юхи, с одной стороны,

выступает в качестве особого приема, с помощью которого подчеркивается психологически, психически нестабильное состояние героини (читатель испытывает постоянное сомнение: может поверить героине, что она говорит с неведомой сущностью, которая оказалась в теле ее мужа, или подумать, что разговор с некой сущностью – это галлюцинация в ее больном воображении), с другой стороны, вводит в произведение пласт фольклорно-мифологических представлений татарского народа, преломленный через призму авторского восприятия.

Нужно отметить, что гипноз, галлюцинации, манипуляции другими людьми рассматривались в теории иллюзий, разрабатываемой О. Штоллем как проявление магии в окружающей действительности. Особенно важную роль играет речь, которая «получила свое развитие специально для того, чтобы служить средством внушения» [9, с. 579]. Например, «любовь повышает впечатлительность к внушению», как и страх, доверие и уважение [9, с. 580]. Именно благодаря сказанным в нужный момент словам Алик, Женя или заставляющая их действовать таким образом сущность достигают успеха, вызывая чувства жалости, сострадания, любви или агрессии, ненависти.

В эпилоге романа объяснение произошедшему (Полина убивает Евгения) пытаются дать ее сестра Светлана и адвокат Сергей Витальевич Горский. Адвокат настаивает на том, что Полина «убила мужа в очередном помрачении», а галлюцинации «бывали и прежде, что подтверждается записями в медицинской карте» [11, с. 306]. Искренняя убежденность Полины в своей правоте только доказывает факт ее душевной болезни. Горский настаивает на том, чтобы отправить Полину «на принудительное лечение в психиатрическую больницу» [11, с. 308]. Светлана отказывается верить в душевную болезнь сестры, боясь признать, что «ясный и понятный порядок мироустройства – не что иное, как иллюзия, обман», а «за тонкой завесой привычной реальности таится воющий, безумный хаос, который грозит ворваться в нашу жизнь и опрокинуть все представления, на которых зиждется бытие человека» [11, с. 313]. Светлана объясняет себе изменение цвета глаз Алика особенностями цветопередачи фотографий. Герои не приходят к окончательной версии произошедшего, а авторская позиция всегда колеблется.

Альбина Нури использует приемы киностилистики для того, чтобы, с одной стороны, показать внутренний мир героини, с другой стороны, показать атмосферу места действия. После смерти Сони Полина вспоминает свое прошлое отдельными фрагментами – значимыми событиями, как крупными кадрами, например: «Белоголовый щербатый мальчик, с которым она сидела за одной партой в начальной школе» [11, с. 134]. Форма подачи воспоминаний о последних месяцах жизни Полины вызывает ассоциации с киноприемом затемнения или наплыва: «Дальше сгущался мрак. Были кое-где проблески – но такие, что лучше бы их вовсе не было» [11, с. 134]. В романе показана особая суггестивность памяти, фрагментов прошлого («ей вдруг стало грустно от мысли, что ничего в этой жизни нельзя повернуть вспять, изменить и исправить» [11, с. 82]), которые остаются в сознании человека лишь частично («В памяти всплывали обрывки прожитого – цвета, запахи, ощущения, смутные полузабытые образы и лица» [11, с. 133]). Внутреннее состояние героини настолько пессимистично, что даже любимый фильм, «киношедевр», не может поднять настроение, поскольку «герои вдруг показались плоскими, сюжет – нелепым, а диалоги – глупыми и пресными» [11, с. 152]. Михаил Стрельцов, оказавшийся в Выпи, поселке рядом с Уральскими горами для того, чтобы забрать к себе Алика, вспоминает, что когда-то «смотрел мрачный постапокалиптический фильм о людях, выживших на Земле после катастрофы» [11, с. 211]. И приходит к неутешительному выводу о том, что такой фильм могли снять именно в Выпи, потому что «атмосфера и обстановка как раз подходящие» [11, с. 211]. Ассоциации с киноэстетикой фильма маркируют как внутренний мир героя, настроенного пессимистично, так и способствуют

психологизации пейзажа. Различные точки зрения героев романа на ситуации соотносимы с ракурсами восприятия фокальных персонажей в кино.

С образом Алика связаны определенные комплексы мотивов – синего цвета, холода и смрада. У ребенка после падения в озеро изменяется цвет глаз («невероятно яркого синего цвета глаза» [11, с. 10], «ровное синее сияние» [11, с. 87]). После путешествия к Чертовому озеру с Аликом глаза Жени также становятся синего цвета. Синий цвет связывается с галлюцинациями, гипнотическим воздействием на психику. Перед смертью Соня видит синюю вспышку: «искристая, льдисто-холодная, она манила за собой, чаровала и околдовывала» [11, с. 132]. Полине кажется, что она летит и падает, «вращаясь, кружась в густом синем тумане», чувствует, «насколько чудесен этот полет» [11, с. 295]. Синий цвет в художественном пространстве романа ассоциируется с инаковостью героя, что дает возможность вспомнить романа Т. Моррисон «Самые голубые глаза», так и с кинофильмом «Газовый свет» (1944 г.), в котором манипулятивное воздействие, психологическое насилие героя на героиню отчасти вызывается изменением голубого освещения в доме.

В больнице, в которой лежит Алик – запах «болезни, страдания, страха, который сочился из пор десятков и даже сотен детей, дневавших и ночевавших в этой палате» [11, с. 29]. Изменения в семье Суворовых также связываются с мотивом страха – дом «превратился в лабиринт страха» [11, с. 158], «страх сочился из стен и заползал в душу» [11, с. 159]. Соня чувствует, что в детской «запахло сыростью и гнилью», это «смрад застоявшейся воды и тины, запах глубокого, не знающего солнечного света холодного подвала» [11, с. 88]. Из детской, когда в ней живет один Алик, «из-под двери тянет холодом» [11, с. 153]. Из Драконовой пещеры «тянуло ледяной, могильной стужей», пахло «сыростью и еще чем-то» [11, с. 225].

Таким образом, специфика психологизма в романе Альбины Нури «Глоток мертвой воды» реализуется как с помощью включения особых элементов макропоэтики (галлюцинации, сны, воспоминания), так и с помощью элементов микропоэтики (обращение к приемам киностилистики, субъективации повествования). Благодаря психологизму в художественную канву произведения органично включаются как экзистенциальные переживания (смерть, травма, трагический жизненный опыт и его преодоление), так и вера в существование мифологических персонажей (образ Юхи), что способствует реализации поэтики и эстетики магического реализма.

Список источников

1. Авзалова Н. Альбина Нури: «Это счастье, когда мое хобби совпало с работой». URL: <https://www.tatar-inform.ru/news/albina-nuri-eto-scaste-cto-moe-xobbi-sovpalo-s-rabotoi-5837484> (дата обращения: 20.03.2024).
2. Аминова В.Р. Принципы и приемы психологизма в русской литературе XIX в. и в татарской прозе первой трети XX в.: сопоставительный анализ // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия «Гуманитарные науки». 2008. Т. 150. Кн. 6.
3. Аминова В.Р. Синтетические методы психологического изображения в русской литературе XIX в. и в татарской прозе XX в.: сопоставительный анализ // Грамота. 2008. № 2 (9): в 3 ч. Ч. II.
4. Гинзбург Л. О психологической прозе. Ленинград, 1977.
5. Дорфман А. «Каждый мнит себя писателем». Литератор о графоманах и нечитающем поколении // Еженедельник «Аргументы и факты». АйФ-Татарстан. 2017. № 29. URL: https://kazan.aif.ru/culture/person/cena_syuzheta_avtor_romanov_o_sovremennyh_chitatelnyh_i_mode_na_chtenie (дата обращения: 20.03.2024).
6. Загидуллина Д.Ф. Татарская поэзия и проза рубежа XX–XXI веков: эстетические ориентиры и художественные поиски. Казань, 2018.

7. *Ибрагимов М.И.* Миф в татарской литературе XX века: проблемы поэтики. Казань, 2003.
8. *Курочкина А.В.* Поэтические особенности современной «женской прозы» // Нацразвитие. Наука и образование. 2022. № 9 (12).
9. *Леманн А.* История магии и суеверий: от древности до начала XX века. М., 2022.
10. *Насыри К., Коблов Я.* Мифология казанских татар. Казань, 2015.
11. *Нури А.* Глоток мертвой воды. М., 2018.
12. *Саттарова Г.Г.* Взаимоотношение человека и общества в современной прозе // Мир науки, культуры, образования. 2015. № 2 (51).
13. *Саттарова Г.Г.* Использование символов в современной женской прозе // Тюркский мир и исламская цивилизация: проблемы языка, литературы, истории и религии. Казань, 2018.
14. *Хисматова Л.К.* Женские образы в современной татарской женской прозе // Вестник Чувашского университета. 2008. № 4.
15. *Эконен К.* Творец, субъект, женщина: Стратегии женского письма в русском символизме. М., 2011.

Информация об авторе

Д.Ю. Сырысева – младший научный сотрудник отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук, г. Москва

Information about the author

D.Yu. Syryseva – Junior Research of the Department of Literature of the Peoples of Russia and the CIS of the A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 07.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 07.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 103–110.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 103–110.

Научная статья

УДК 801.73

doi:10.52470/2619046X_2024_2_103

Жанровые признаки пресс-релиза (на материале текстов газеты «Транспорт России»)

Татьяна Ивановна Бочарова¹, Алена Игоревна Михайлова²

^{1,2} Московский технический университет связи и информатики

¹t.i.bocharova@mtuci.ru

²a.i.mihaylova@mtuci.ru

Аннотация. В статье обосновывается необходимость изучения пресс-релиза как речевого жанра. Отмечается, что данный вид письменных высказываний является важной составляющей работы пиар-специалиста. Приводится анализ пресс-релизов электронной версии Всероссийской транспортной еженедельной информационно-аналитической газеты «Транспорт России» за 2014–2016 гг. Выделяются текстовые критерии, с помощью которых характеризуются типичные жанровые признаки пресс-релиза, среди которых цель, описание структурных элементов (соответствующий объем, наличие заголовка, трехчастная композиция), информативность (фактологичность), языковая специфика, разнообразие типов пресс-релизов. Особое внимание уделяется языковым особенностям пресс-релиза на различных уровнях языка (лексическом, морфологическом, синтаксическом, стилистическом), которые привлекают внимание читателя к содержанию текста. Иллюстративный материал (примеры из текстов пресс-релизов) наглядно демонстрируют жанровую специфику рассматриваемых разновидностей письменных текстов.

Ключевые слова: пиар, пресс-релиз, критерии анализа, языковые особенности, отраслевая газета

Для цитирования: Бочарова Т.И., Михайлова А.И. Жанровые признаки пресс-релиза (на материале текстов газеты «Транспорт России») // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 103–110. [https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_103](https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_2_103).

© Бочарова Т.И., Михайлова А.И., 2024

Original article

Genre features of the press release (based on the texts of the newspaper «Transport of Russia»)

Tatyana I. Bocharova¹, Alyona I. Mikhailova²^{1,2} Moscow Technical University of Communications and Informatics¹ t.i.bocharova@mtuci.ru² a.i.mihaylova@mtuci.ru

Abstract. The article substantiates the need to study the press release as a genre. It is noted that this genre is an important component of the work of a PR specialist. The analysis of the press releases of the electronic version of the All-Russian transport weekly information and analytical newspaper «Transport of Russia» for 2014–2016 is given. The text criteria are highlighted, which characterize the typical genre features of a press release, including the purpose, description of structural elements (appropriate volume, presence of a title, three-part composition), informativeness (factual), language specificity, various types of press releases. Special attention is paid to the linguistic features of the press release at various levels of language (lexical, morphological, syntactic, stylistic), which attract the reader's attention to the content of the text. The illustrative material (examples from the texts of press releases) clearly demonstrate the genre specificity of the considered varieties of written texts.

Keywords: PR, press release, analysis criteria, corporate newspaper

For citation: Bocharova T.I., Mikhailova A.I. Genre features of the press release (based on the texts of the newspaper «Transport of Russia») // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 103–110. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_103.

Разнообразный и постоянно пополняющийся инструментарий, который используется в работе специалиста по связям с общественностью, определяет качество функционирования механизмов профессиональной деятельности пиармена в различных сферах общественной жизни в условиях жесткой конкуренции потребительского рынка. Владение эффективными средствами в системе письменных коммуникаций, создание текста, привлекательного для заинтересованных групп общественности (целевой аудитории), – это важнейшая составляющая успешной деятельности любого пиар-специалиста.

Качество контента связей с общественностью во всей содержательной полноте и логической последовательности, начиная от этапа работы с новостью и заканчивая контролем и оценкой опубликованного произведения, определяется параметрами профессиональной компетентности. **Системно сформированная теоретическая база знаний о тексте, его категориях, важнейших признаках, жанровой палитре, языковых средствах выступает условием выработки умений, необходимых для подготовки успешного сообщения в области связей с общественностью.**

Пресс-релиз – один из самых распространенных документов, используемых в сфере письменных пиар-коммуникаций и, безусловно, важный жанр, выступающий средством формирования и поддержания положительной репутации компании на потребительском рынке. Функциональная ценность данного жанра определяет и необходимость уделять ему значительное внимание.

Хорошо составленный пресс-релиз выступает как одно из эффективных средств формирования позитивного общественного мнения в глазах целевой аудитории, поддержания положительной репутации компании на рынке товаров и услуг.

В нашей работе «пресс-релиз» как речевой жанр рассмотрен на основе материалов электронной версии Всероссийской транспортной еженедельной информационно-аналитической газеты «Транспорт России» за 2014–2016 гг. Выбор информационного ресурса для анализа обусловлен тем, что данная газета представляет собой официальный печатный орган Министерства транспорта РФ. В пресс-релизах отражаются важнейшие события, связанные с функционированием отрасли, перспективами развития транспортного комплекса, транспортной науки, направлениями образования в этой сфере, темами обеспечения безопасности на транспорте, материалы по нормативно-правовому регулированию в данной сфере.

Выявление особенностей пресс-релиза как речевого жанра в официальном электронном издании основано на анализе качественных образцов и детерминировано следующими признаками: актуальное событие (информационный повод), характеристика структурных элементов, композиционные особенности, разновидности. При этом системное внимание при изучении данного жанра уделяется не только описанию отдельных текстов конкретного СМИ, но и выявлению типичных черт, которые прослеживаются в большинстве пресс-релизов данного издания.

В широком смысле пресс-релиз (от англ. press-release – выпуск для прессы) представляет собой краткий информационный жанр, предназначенный для средств массовой информации, содержащий актуальное сообщение. Одно из наиболее точных определений пресс-релиза приводит исследователь Кривоносов А.Д., предложивший системную классификацию пиар-жанров и рассматривающий пресс-релиз как «основной жанр пиар-текста, несущий предназначенную для прессы актуальную оперативную информацию о событии, касающемся базисного субъекта PR» [2, с. 132].

Основанием для выпуска пресс-релиза могут быть разнообразные информационные поводы: запуск нового продукта на рынок, изменения в линейке товаров; проведение акций и юбилейных вечеров; фандрайзинг; организация экскурсий на предприятия; проведение научных конференций, семинаров, пресс-конференций, брифингов, выставок, симпозиумов; презентация продукции и т.п.

Поскольку пресс-релиз рассчитан на интересы аудитории тех или иных печатных средств массовой информации, то он должен уже на этапе подготовки к публикации при беглом просмотре специалистом пресс-службы привлечь внимание, заинтересовать событием и, при необходимости, подвергнуться минимальной корректорской правке (например, вычитке). Хорошо подготовленный пиар-контент будет творческим произведением, максимально приближенным к журналистскому тексту, понятному массовому читателю, то есть априори способствовать привлечению внимания со стороны общественности тем, что будет адаптирован под конкретные запросы аудитории той или иной отрасли.

Жанровые признаки пресс-релиза определяются следующими признаками:

1. Наличие логотипа фирмы, адреса, координаты контактного лица (телефон, факс, электронная почта), выходные данные.
2. Указание на жанровую принадлежность – «пресс-релиз» и дату его распространения.
3. Объем текста – 1 страница (реже – 1,5–2 стр.), текст не должен превышать более 2500 знаков.
4. Вся расширенная информация должна подаваться в дополнение к пресс-релизу в текстах других жанровых разновидностей.
5. Наличие заголовка, указывающего на суть новостного события, резюмирующего наиболее важную информацию. Наличие подзаголовка факультативно.

6. Лид-абзац включает одну основную мысль, определяющую актуальное новостное событие, и его можно считать своего рода расширенным вариантом заголовка. Содержит ответы на вопросы «кто?», «что?», «когда?», «где?» и др., однако он не должен изобиловать цифрами, вспомогательным справочным аппаратом.
7. Соблюдение принципа «перевернутой пирамиды»: каждый последующий абзац содержит менее важную информацию.
8. Составными элементами пресс-релиза являются прежде всего абзацы, которые содержат подробности описываемого события, каждый абзац, как правило, включает отдельный информационный блок.
9. Языковое и стилистическое оформление пресс-релиза определяться разновидностью СМИ и типом целевой аудитории.
10. Требование наличия в тексте пресс-релиза цитаты (экспертные оценки, свидетельства пользователей и т.д.).
11. Разновидности пресс-релизов (пресс-релиз анонс, новостной пресс-релиз и др.) [2, с. 133–137].
12. «Максимальная информативность. Указание на полезные качества предлагаемого товара, мотивация необходимости его использования целевыми группами» [1, с. 413].

Проведем анализ пресс-релизов онлайн-версии газеты «Транспорт России», исходя из представленных критериев.

Тематическая палитра текстов газеты, с одной стороны, ограничена рамками транспортной отрасли, с другой – охватывает разнообразные производственные направления ее функционирования: IT-технологии в транспортной системе, транспортная инфраструктура, открытие автосалонов и транспортных выставок, такелаж, работа авиакомпаний, страхование автовладельцев и мн. др.

В электронной версии рассматриваемого средства массовой информации всегда указывается дата выхода пресс-релиза, контактные данные (имя и фамилия ответственного лица, должность, название организации, телефоны, адреса) компании приводятся главным образом в конце пресс-релиза по сравнению с традиционным его вариантом. Кроме того, в некоторых текстах содержится одна или несколько гиперссылок на сайт мероприятия или на официальный сайт компании, предоставившей пресс-релиз.

Что касается объема текстов пресс-релизов на сайте, то в среднем они варьируются от полутора тысячи знаков до трех с половиной. Иногда встречаются более развернутые тексты, их величина определяется сложностью описываемой тематики, требующей дополнительной детализации. Например, пресс-релиз, рассматривающий IT-решения для управления корпоративными автопарками, содержит более 7 тысяч знаков [4].

Кроме того, некоторые пресс-релизы могут содержать дополнительную информацию: программу конференции, краткий *бэкграунд* и т.п., в которых содержатся дополнительные сведения о событии или организации: история становления, знаменательные даты и др.

Небольшой процент пресс-релизов сайта газеты включает фотографию (или две фотографии), размещенную, как правило, в левом верхнем углу и демонстрирующую услугу или продукт в действии, что способствует дополнительному привлечению внимания аудитории. Изображение в целом соответствует стилистике самого СМИ.

Важным элементом композиции пиар-текста является броский «цепляющий» заголовок. Он должен заставить читателя задержать внимание на публикации и дальше прочитать полный текст статьи, особенно если заголовок носит не содержательный, а экспрессивный, метафорический характер. С другой стороны, если речь идет о важных мероприятиях, каса-

ющихся функционирования целой отрасли, то заголовки содержат основную идею, раскрывающую суть мероприятия. Заголовки пресс-релизов газеты «Транспорт России» достаточно развернуты по объему, и в то же время строго и точно обозначающие актуальную новость. Например, *Сборная Минтранса России приняла участие в турнире по мини-футболу в рамках IX Спартакиады среди федеральных органов государственной власти РФ; 30 мая прошла пресс-конференция об итогах федеральной экспертизы всероссийского конкурса «Моя страна – моя Россия и др.*

В пресс-релизах газеты «Транспорт России», как правило, используются прямые предикативные заголовки, в них точно указывается информационный повод, является одна актуальная новость: *X Юбилейный международный форум и выставка «Транспорт России; III ЕЖЕГОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТРАНСПОРТНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ; ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР В ГРАЖДАНСКОЙ АВИАЦИИ; Навигационные технологии среди нас и др.* Как видим, наименования могут выделяться графически – прописными буквами. Кроме того, данные заголовки полноформативного плана, они отражают в сжатой форме главную мысль, в основе которой – развернутое утверждение, которое поясняется в последующем тексте.

Однако, если необходимо сделать акцент на динамике, ограниченности в сроках и в то же время особой значительности события, то в заголовки может включаться экспрессивная составляющая, например восклицательные по интонации предложения: *XIII Международный транспортный форум «ЮгТранс» – меньше месяца до старта!; InterLogistika-2015: Форум-выставка для профессионалов!; Зелёный свет перспективным разработкам для транспорта!* Словосочетание «зелёный свет» в последнем заголовке – это метафора, символизирующая открытые пути для инноваций в области транспорта. Заглавие может содержать вопрос (*Где найти ортопедические сиденья для грузового транспорта?*), в котором содержится указание на то, что в основном тексте последует ответ. Усиливает выразительность заголовка и такой прием, как использование прецедентного текста, например, *Авто и кино – «сладкая парочка.* Вторая часть наименования в данном случае носит прецедентный характер.

Косвенных заголовков в пресс-релизах немного, так как они всегда имеют определенный риск быть пропущенными читателями из-за неопределенности в предъявлении информационного повода. Поэтому такие заголовки требуют особого внимания копирайтеров. К примеру, *Просто. Удобно. Эффективно* – заголовок косвенного действия, тем не менее он привлекает внимание своей необычностью, структурной отрывистостью, динамизмом и указывает на комфортность приводимых признаков (текст посвящен IT-решениям управления корпоративными автопарками), которые и привлекают внимание читателя.

Если отсутствует подзаголовок, то в первом абзаце – лиде, выделенном жирным шрифтом, лапидарными средствами языка описывается основная проблема, ее актуальность, акцентируется внимание на новом продукте или услуге, его эффективности, приводится краткая информация о деталях события, содержатся ответы на вопросы «что?», «где?», «когда?», «как?» и т.п. Причем информация может быть, как фактологического характера, так и описательного.

Например: «Автодор» рассматривает идею оформить трассу М-12 Москва – Казань в едином цветовом решении. Предлагаются те же оттенки, что и на ЦКАД вокруг столицы – серый и оранжевый. Об этом сообщает пресс-релиз госкомпании.

7–9 декабря 2016 года в Москве состоится II международный Авиационный IT форум России и СНГ – 2016; 15 октября 2014 года в ГК «Президент-Отель» (Москва, Б. Якиманка, 24) состоится VI Общероссийский форум «Инфраструктурные проекты России 2014; Комфортное перемещение на грузовом автомобиле на дальние расстояния складывается

из огромного количества моментов, часть из которых обеспечивается производителями транспортных средств, стремящимися вкладывать в собственную продукцию максимум заботы о водителях [5].

В основной части пресс-релизов, приводимых в газете, содержится собственно высказывание о продукте или компании, подробно и обоснованно с приведением детальной фактической информации и иллюстративных материалов сообщается о товаре, услуге или предстоящем событии. В последующих абзацах информация следует по убыванию своей значимости в соответствии со структурой «перевернутой пирамиды».

В приведенном выше пресс-релизе соблюдена строгая логика классического пиар-жанра, отвечающего задачам официального мероприятия, на котором выступят представители серьезных государственных структур.

В заголовке сообщается о важном событии («В Москве пройдет 6-ой Общероссийский форум «Инфраструктурные проекты России 2014»), в лид-абзаце содержатся ответы на информационные вопросы: «что?» («VI Общероссийский форум «Инфраструктурные проекты России 2014»); «где?» («г. Москва, ГК «Президент-Отель»); «когда?» («15 октября 2014 года состоится...»). Далее по абзацам приводится дополнительная информация о предстоящем мероприятии: суть общероссийского форума, его миссия; цель форума; тематика пленарного заседания и «круглых столов»; участники форума; контактная информация. Все абзацы семантически самодостаточны, несут дополнительную к основной теме сообщения информацию.

Что касается языковых средств пресс-релизов, то они выдержаны в строгом официально-деловом стиле с элементами публицистичности. Для них характерна абстрактность, строгая логичность, как правило, неэмоциональность.

Типичными чертами пресс-релизов рассматриваемого издания можно назвать следующие: термины (специальная экономическая и отраслевая лексика), характерные для области работы компании; положительно-оценочная лексика в отношении пиар-субъекта; статичность повествования, определяемая преобладанием именных форм над глагольными; объективная модальность жанра [3].

Проиллюстрируем это на фрагменте пресс-релиза из газеты «Транспорт России»: *Учитывая, что Санкт-Петербург является одним из лидеров в реализации транспортных ГЧП проектов, Конференция предоставляет хорошую возможность для дискуссий на актуальную тему – строительство платных региональных автомобильных дорог с использованием федерального софинансирования. Съезд регионов «Реализация транспортных проектов с привлечением частных инвесторов и федерального софинансирования», и включенный в его программу практикум по подготовке заявки на финансирование проектов из фонда 12-ти тонников, без сомнения, вызовет интерес со стороны большинства делегатов.*

В данном тексте явное преобладание имен существительных (31 слово) над глаголами (3 слова) свидетельствует о значительной доле абстрактных лексических единиц, высокой степени обобщения в материале. Безусловно, в зависимости от тематики соотношение может варьироваться, но в большинстве случаев объективная модальность, строгость и официальность стиля определяется набором специфической терминологии и именной лексики. Тональность текста положительно-оценочная, что в целом типично для пиар-дискурса.

В следующем примере, несмотря на динамичное повествование, явное преобладание имен над глаголами: *Стеклоткань не боится мороза, жары, осадков и ультрафиолета. Имеет повышенную прочность, а утилизировать ее гораздо проще, чем объемные жестяные, деревянные или картонные конструкции, да ещё и испачканные битумом. Ключевое отличие новой упаковки в том, что мешок одновременно является и грузонесущей оболочкой и вкладышем по типу «два в одном». Это первый «безвкладышный» антиадгезионный герметичный боль-*

шой мешок для заливки битума в мире. Для герметизации швы дополнительно проклеивают с изнанки. Чтобы извлечь битум, потребитель вывешивает мешок за специальные петли над плавильным котлом и делает на дне разрез в 20–40 сантиметров. Под действием силы тяжести битум устремляется вниз и благодаря силиконовому покрытию, легко отделяется от стеклоткани и падает в котел. Отсутствие вкладыша не допускает попадания в котел посторонних предметов. («Новые технологии фасовки битума») [6].

Кроме того, текст содержит большое количество профессиональных слов, терминологии, общенаучной лексики (*стеклоткань, ультрафиолет, битум, герметичный, антиадгезионный* и т.п.).

В пресс-релизах, представляющих крупные важные события для отрасли, содержатся цитаты – высказывания известных экспертов, которые придают сообщению значительность, убедительность и авторитетность, что в свою очередь усиливает степень воздействия на целевую аудиторию.

Что касается разновидностей пресс-релиза, то на сайте газеты «Транспорт России» встречаются как пресс-релизы анонсы, так и новостные пресс-релизы. В пресс-релизах анонсах сообщается о событии, которое должно состояться в недалеком будущем (конференция, форум, выставка и т.п.). Например, в следующих примерах анонсирование заявлено уже в заголовке: *Autodesk University Russia 2014 пройдет в Москве 1–2 октября, Выставка «ТрансРоссия» 2016: как эффективно организовать транспортные потоки любых грузов.*

«В новостном релизе (нюс-релизе) ставится задача донести до широкой аудитории важную новость или информационное сообщение» [2, с. 133–136].

Заголовки новостного релиза: *Выбираем транспорт для квартирного переезда правильно; Авиаперелеты: идеальный вариант организации путешествия; Салону «Комплексная безопасность» вручен сертификат UFI, В период майских праздников высокоскоростные поезда «Сапсан» перевезли около 160 тыс. пассажиров и др.*

Итак, электронная версия еженедельной информационно-аналитической газеты «Транспорт России» способствуют поддержанию известности и положительного имиджа главной газеты транспортного направления народного хозяйства. Рассмотренные пресс-релизы данного печатного органа представляют собой тексты сферы связей с общественностью, основная задача которых отражать актуальные события, происходящие в отрасли. Качественный лингвистический анализ текстов крупнейшего успешного издания сферы транспорта позволил на примере образцовых текстов осуществить детальную проработку жанровых особенностей пресс-релизов, выделить типичные особенности данных пиар-сообщений и сформировать не фрагментарное, а системное представление о пресс-релизе, как тексте отраслевого средства массовой информации.

Список источников

1. Бочарова Т.И. Рекламный текст, его жанровые особенности // Текст в культурном, историческом, языковом пространстве: материалы Международной заочной научно-практической конференции (Москва, 19 марта 2017 г.). М., 2017.
2. Кривоносов А.Д. PR-текст в системе публичных коммуникаций. СПб., 2002.
3. Рыженко Е.С. Языковые особенности пресс-релизов в Интернете // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. 2013. № 1 (17).
4. Просто. Удобно. Эффективно // Транспорт России. URL: <http://transportrussia.ru/item/2919-prostodobno-effektivno.html/> (дата обращения: 07.04.2024).
5. В Москве пройдет 6-ой Общероссийский форум «Инфраструктурные проекты России 2014» // Транспорт России. URL: <https://transportrussia.ru/item/2300-v-moskve-projdet-6-oj-obshherossijskij->

forum-infrastrukturnye-proekty-rossii-2014.html?ysclid=luprrecvon533787772/ (дата обращения: 07.04.2024).

6. Новые технологии фасовки битума // Транспорт России. URL: <http://transportrussia.ru/item/3005-novye-tekhnologii-fasovki-bituma.html/> (дата обращения: 07.04.2024).

Информация об авторах

Т.И. Бочарова – кандидат педагогических наук, доцент; доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций Московского технического университета связи и информатики, г. Москва, Россия

А.И. Михайлова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры философии, истории и межкультурных коммуникаций Московского технического университета связи и информатики, г. Москва, Россия

Information about the authors

T.I. Bocharova – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

A.I. Mikhailova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of Philosophy, History and Intercultural Communications of the Moscow Technical University of Communications and Informatics, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 15.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 15.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 111–116.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 111–116.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_2_111

Лингвопрагматические факторы формирования антагонистичной риторики в условиях информационной войны (на материале выступлений Д. Трампа)

Елена Владимировна Бурняшева¹, Вера Юрьевна Кузнецова²

^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

² vera087@mail.ru

Аннотация. Данная статья посвящена выявлению, анализу и описанию лингвопрагматических факторов формирования антагонистичной (конфронтационной) риторики в условиях информационной войны, а также их воздействию на аудиторию. Теоретическую основу исследования составили исследования д-ра филол. наук О.И. Калинина, канд. филол. наук Р.И. Зарипова, к.филол.н. М.В. Приходько. В качестве методов исследования были использованы лингвопрагматический и лингвокогнитивный анализ, сопоставительный анализ и метод сплошной выборки. В результате анализа были выявлены основные приемы языковой реализации речевой агрессии для формирования конфронтационной риторики. Теоретическая и практическая значимость исследования определяется расширением существующих подходов к изучению когнитивного воздействия на аудиторию в рамках информационной войны. Представленный анализ будет интересен специалистам, интересующимся проблемами информационно-психологической безопасности, проблемами речевого воздействия и манипулирования.

Ключевые слова: информационное воздействие, информационная война, речевая агрессия, языковая реализация, оценочность

Для цитирования: Бурняшева Е.В., Кузнецова В.Ю. Лингвопрагматические факторы формирования антагонистичной риторики в условиях информационной войны (на материале выступлений Д. Трампа) // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 111–116. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_111.

© Бурняшева Е.В., Кузнецова В.Ю., 2024

Original article

Linguistic and pragmatic factors in the formation of antagonistic rhetoric in the context of an information war (based on the speeches of D. Trump)

Elena V. Burnyasheva¹, Vera Yu. Kuznetsova²^{1,2} Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense
of the Russian Federation, Moscow, Russia² vera087@mail.ru

Abstract. This article is devoted to the identification, analysis and description of linguopragmatic factors in the formation of antagonistic (confrontational) rhetoric in the context of an information war, as well as their impact on the audience. The theoretical basis of the study was the research of O.I. Kalinin, R.I. Zaripov, M.V. Prikhodko. The research methods used were linguopragmatic and linguocognitive analysis, comparative analysis, and continuous sampling method. As a result of the analysis, the main methods of linguistic implementation of speech aggression were identified for the formation of confrontational rhetoric. The theoretical and practical significance of the study is determined by the expansion of existing approaches to studying the cognitive impact on the audience within the framework of information warfare. The presented analysis will be of interest to specialists interested in problems of information and psychological security, problems of speech influence and manipulation.

Keywords: information impact, information war, speech aggression, language implementation, evaluativeness

For citation: Burnyasheva E.V., Kuznetsova V.Yu. Linguistic and pragmatic factors in the formation of antagonistic rhetoric in the context of an information war (based on the speeches of D. Trump) // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 111–116. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_111.

Не секрет, что сегодня роль гибридных и «мягких» способов достижения военных, дипломатических и политических целей становится одной из центральных. Об этом говорят не только ученые-теоретики, но и военные, и политические деятели. Интересно, что это отмечается и в Стратегии Национальной безопасности РФ, где четко прописано, что «все большее влияние на характер международной обстановки оказывает усиливающееся противостояние в глобальном информационном пространстве, обусловленное стремлением некоторых стран использовать информационные и коммуникационные технологии для достижения своих геополитических целей, в том числе путем манипулирования общественным сознанием и фальсификации истории» [1].

Таким образом, для адекватного реагирования на подобные вызовы необходимо внимательно изучать все аспекты подобных информационных войн.

В рамках данного исследования под информационной войной понимается специфический набор инструментов, цель которых создать определенный информационный материал/сообщение, для формирования определенного отношения у широкой аудитории.

Действительно, понимание природы информационных войн важно для выработки адекватных способов противодействия.

Анализируя ведение информационных войн с лингвистической точки зрения, принято выделять определенные коммуникативно-прагматические характеристики и типичные приемы конфронтационной риторики. Подобная риторика строится на принципе разделения и противопоставления. Деление действительности и всего вокруг на два лагеря – «свой» и «чужой» – формирует жесткое и безальтернативное отношение. Данная риторика формируется лингвистическими средствами, но на основе интересов конкретного человека/ группы/ государства. Для достижения максимального эффекта на аудиторию речь спикера обязательно должна быть связана с реальностью, окружающей его участников и являться отражением конкретного промежутка времени (принцип «здесь и сейчас»).

Рассмотрим наиболее частотные лингвистические средства ведения информационных войн.

Одним из самых значимых свойств антогонистской риторики является так называемый **редукционизм**. Под редукционизмом понимают грубое упрощение отражаемой в политических текстах действительности, сведение ее к полярным категориям, характеристике людей и явлений в черно-белых красках. Поскольку текст публичной речи ориентирован на массового адресата, степень редукционизма в нем выше, чем в текстах, ориентированных на более узкую аудиторию или конкретных специалистов. Редукционизм является ключевой стратегией создания круга «своих» и круга «чужих». Основным средством редукции является антитеза как композиционный прием, чаще всего на уровне целого текста. Композиционная антитеза подразумевает противопоставление двух миров – мира «своих» и мира «чужих».

Анализ выступлений Д. Трампа позволил сделать вывод, что данный прием является одним из наиболее частотных в его речи.

Рассмотрим фрагмент из речи Д. Трампа, где политик говорит о жизни военнослужащих и мигрантов. Выступление построено на контрасте:

We have cities where our soldiers, our great soldiers, are living on concrete, they're living on asphalt. We will take care of our soldiers. There has never been a time like this. Illegal immigrants come in and we house them in the Waldorf Astoria and many other of the greatest hotels anywhere in the world. But our soldiers, we do nothing for them. They sleep out at night and they freeze. They freeze in the cold and they die in the heat, while people that came into our country illegally are in beautiful hotel suites, perhaps watching us on television right now [8] (пер. авторский:

У нас есть города, где наши солдаты, наши великие солдаты живут и спят на улицах. Мы позаботимся о наших солдатах. Никогда еще не было такого времени. Приезжают нелегальные иммигранты, и мы размещаем их в «Уолдорф Астории» и во многих других лучших отелях мира. Но наши солдаты, мы ничего для них не делаем. Ночью они спят и замерзают. Они замерзают на морозе или умирают от жары, а люди, приехавшие в нашу страну нелегально, сидят в красивых гостиничных номерах и, возможно, прямо сейчас смотрят нас по телевизору).

В самом начале отрывка Д. Трамп формирует два «пространства»: первое – это мир простых военных, которые вынуждены жить в нищете и справляться с трудностями; второе – мир иммигрантов, которые прибывают в Америку и живут в комфортных условиях, которые создаются для них правительством США во главе с Д. Байденом. В первом пространстве формируются такие ключевые понятия как «(real soldiers) are living on concrete, they're living on asphalt», «they sleep out at night and they freeze». Формируется образ нищеты, безысходности.

В рамках пространств иммигрантов выстраиваются такие ключевые понятия, как «we house them in the Waldorf Astoria and many other of the greatest hotels anywhere in the world», «beautiful hotel suites». Складывается образ красивой жизни, что не может не вызывать не-

довольство жителей Америки, так как они не могут позволить себе жить в таких условиях. Мир военных противопоставляется миру иммигрантов.

Как мы видим принцип бинарности, характеризующий конфронтационную риторику, позволяет очерчивать круг «своих» и «чужих» в соответствии с интересами оратора и его социальной группы.

Рассмотрим еще один пример:

America had hoped that economic liberalization would bring China into a greater partnership with us and with the world. Instead, China has chosen economic aggression, which has in turn emboldened its growing military. Nor, as we had hoped, has Beijing moved toward greater freedom for its own people. For a time, Beijing inched toward greater liberty and respect for human rights. But in recent years, China has taken a sharp U-turn toward control and oppression of its own people [8] (пер. авторский: Америка надеялась, что благодаря политике экономической либерализации Китай наладит партнерские отношения как с Америкой, так и со всем миром. Вместо этого Китай выбрал политику экономической агрессии, которая придала смелости их армии. Наши надежды на то, что правительство Китая сделает шаг в сторону большей свободы для своего народа не оправдались. Какое-то время Пекин медленно продвигался к большей свободе и уважению прав человека. Но в последние годы Китай принял ряд жестких мер – разворот к контролю и угнетению собственного народа).

В данном примере мы также видим принцип бинарности, который строится на противопоставлении двух идей «свободы», «товарищества» (со стороны США) и «агрессии», «контроля», «тирании» (со стороны Китая). В данном случае Д. Трамп пытается показать, что не Америка является агрессором, а именно Китай, который отвергает демократические ценности. Данный фрагмент очень четко формирует отрицательный образ Правительства Китая.

Еще одной важной характеристикой конфронтационной риторики и речевой агрессии является эмоциональность и оценочность. Оценка позволяет преподнести определенное положение дел нейтрально, с позиции группы «своих». В соответствии с принципом редуционизма речь чаще всего идет о безапелляционной негативной оценке, которая дается другой группе или человеку. Цель данной стратегии – вызвать эмоциональный отклик у аудитории. Эмоциональный и оценочный компоненты не всегда легко различимы в составе конкретных языковых единиц, именно поэтому чаще всего говорят об «эмоционально-оценочной» семантике языковых единиц.

Классическим средством дискредитации врага/оппонента из эмоционально-оценочного арсенала являются лексические единицы с уничижительной, оскорбительной семантикой. В первую очередь к ним относятся различные идеологические ярлыки.

Как правило, они используются в тексте в окружении прочих негативно-оценочных средств, создающих так называемое семантическое поле «враждебности».

These people are running a Gestapo administration, and it's the only thing they have...and it's actually killing them. But it doesn't bother me [8] (пер. авторский: Эти люди управляют администрацией, как гестапо. И это единственное, что у них есть... и это их убивает. Но меня это не волнует).

Лексическая единица «Gestapo administration» формирует крайне отрицательное отношение к нынешней администрации США. Использование данного образа призвано показать, что правительство США преследует инакомыслящих, недовольных и противников власти.

Рассмотрим еще один пример.

Last Saturday, the Assad regime again deployed chemical weapons to slaughter innocent civilians – this time, in the town of Douma, near the Syrian capital of Damascus. This massacre was a significant escalation in a pattern of chemical weapons use by that very terrible regime.

The evil and the despicable attack left mothers and fathers, infants and children, thrashing in pain and gasping for air. These are not the actions of a man; they are crimes of a monster instead [9] (пер. авторский: В прошлую субботу режим Асада снова применил химическое оружие, чтобы убить невинных мирных жителей – на этот раз в городе Дума, недалеко от Дамаска. Резня стала значительной эскалацией применения химического оружия этим ужасным режимом).

Это отвратительное нападение привело к тому, что матери и отцы, младенцы и дети страдали и задыхались. Это не действия человека, это преступления монстра).

В данном примере Д. Трамп сознательно использует лексику с отрицательным вектором оценочности для формирования негативного отношения к режиму Б. Ассада. Лексически это достигается за счет таких единиц как «Assad regime again deployed chemical weapons to slaughter innocent civilians», «this massacre was a significant escalation in a pattern of chemical weapons use by that very terrible regime», «the evil and the despicable attack left mothers and fathers, infants and children, thrashing in pain and gasping for air. These are not the actions of a man; they are crimes of a monster instead».

Распространенным приемом дискредитирующей риторики является прогнозирование негативной деятельности врага или оппонента. Одной из вариаций такого приема является прогнозирование ситуации будущего на основании имеющихся прецедентов. Естественно, описание прецедентов во всех случаях имеет дискредитирующую направленность, что подчеркивается употреблением соответствующих эмоционально оценочных языковых средств.

Например:

Now look, John Bolton, I get along well with him. Some people didn't. Some people didn't like John Bolton. I actually got along with them pretty well. I don't know that he got along with Rudy Giuliani. Rudy Giuliani was seeking out corruption, and what happens mostly in the 2016 election, because there was tremendous corruption in the 2016 election. I think even you would admit that the election, it was disgraceful what happened, and what happened to me, and what happened to the Republicans. That continues with Nancy Pelosi, and with Schiff. Adam Schiff got caught making up statements that he said I said, that I didn't say, which is fraud. It's purely fraudulent, so it continues. Rudy was a great prosecutor. He was the best mayor in the history of the city of New York, as far as I can see. I think he's pretty much acknowledged what he did for crime, and everything else. When he saw what was going on with our election of 2016, the election I won, but the election that was absolutely corrupted by things that took place in government. Now, we'll see what happens [8] (пер. авторский: Я хорошо лажу с Джоном Болтоном. Некоторые люди не захотели с ним взаимодействовать. Некоторым людям он не нравился. На самом деле я довольно хорошо с ним ладил. Я не знаю, ладил ли он с Руди Джулиани. Руди Джулиани расследовал коррупцию и то, что происходило на выборах 2016 г., потому что на выборах 2016 г. коррупция была огромной. Я думаю, даже вы признаете, что выборы были позором, что произошло со мной, и то, что случилось с республиканцами. Это продолжается с Нэнси Пелоси и Шиффом. Адама Шиффа поймали на выдумке заявлений, о которых, по его словам, я говорил, но я не говорил. Это обман. Это чистое мошенничество и оно продолжается. Руди был отличным прокурором. Насколько я понимаю, он был лучшим мэром в истории Нью-Йорка. Когда он увидел, что происходит с выборами 2016 г., выборами, на которых я победил, но выборами, которые были абсолютно испорчены событиями, происходящими в правительстве. Посмотрим, что произойдет в этот раз).

В данном фрагменте Д. Трамп делает отсылку к выборам 2016 г., когда его репутация могла пострадать из-за коррупционных скандалов. Трамп намекает, что осознает, что скандалы повторятся и на очередных выборах.

Подводя итоги, необходимо отметить, что антагонистичная риторика широко применяется политиками и общественными деятелями.

Коммуникативные стратегии и приемы, используемые в такой риторике, следует рассматривать как проявления речевой агрессии, то есть как бескомпромиссную дискредитацию идеологического врага или политического оппонента. Речевая агрессия реализуется путем использования определенных приемов на лексическом уровне. Наиболее частотными из них являются редуцианизм, эмоциональность и оценочность, гиперболичность, смысловая неопределенность.

Список источников

1. Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 10.04.2024).
2. *Зарипов Р.И.* О некоторых особенностях языка информационно-психологической войны в политическом дискурсе // Учёные записки национального общества прикладной лингвистики. 2022. № 4.
3. *Зарипов Р.И.* О соотношении речевого и информационно-психологического воздействия // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2023. № 2.
4. *Иссерс О.С.* Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М., 2008.
5. *Калинин О.И.* Информационная война в условиях специальной военной операции. Опыт лингвистического анализа. М., 2024.
6. *Калинин О.И.* Основы лингвопрагматического исследования политического имиджа. М., 2018.
7. *Калинин О.И., Приходько М.В.* Информационная война: коммуникативный, дискурсивный, когнитивный и культурно-идеологический аспекты // Военно-филологический журнал. 2023. № 1.
8. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/trump-speaks-at-cpac-2023-transcript> (дата обращения: 10.04.2024).
9. URL: <https://www.rev.com/blog/transcripts/donald-trump-press-conference-transcript-with-italian-president-trump-says-chaos-in-syria-has-nothing-to-do-with-us> (дата обращения: 10.04.2024).

Информация об авторах

Е.В. Бурняшева – преподаватель кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

В.Ю. Кузнецова – кандидат филологических наук, доцент; доцент кафедры английского языка (второго) Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the authors

E.V. Burnyasheva – Lecturer at the Department of English as a second language of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

V.Yu. Kuznetsova – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Associate Professor of the Department of English as a second language of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 21.05.2024; принята к публикации 23.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 21.05.2024; accepted for publication 23.05.2024.

Научная статья

УДК 81

doi:10.52470/2619046X_2024_2_117

Состав и иерархия базовых аспектуальных сем: опыт аргументированного предложения одной версии

Владимир Иосифович Миколайчик¹,
Виталий Викторович Белоконов²

^{1,2} Военный университет имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ,
г. Москва, Россия

¹ mikolai4ik@yandex.ru

² vbelokon@yandex.ru

Аннотация. В данной статье даётся подробный разбор основных аспектологических концепций, касающихся идентификации базовых элементарных признаков, составляющих план содержания грамматической категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности. Отражая реальные признаки обозначаемых сказуемыми глагольных действий, видовые значения выражаются тем или иным способом в разных языках. В славянских языках средства выражения внутренних свойств глагольных действий сосредоточены на морфологическом и словообразовательном уровнях. В русском языке эти средства представлены грамматической категорией вида и примыкающей к ней на уровне словообразования обширной сферой способов глагольного действия, располагающей обширным арсеналом деривативных аффиксов. Фигурирующий в аспектологических исследованиях достаточно определенный список элементарных видовых значений заметно варьирует у разных исследователей и не имеет общепризнанного характера. В последние десятилетия под влиянием теории вариативности значительное внимание исследователей занимает проблема поиска инвариантных значений форм совершенного и несовершенного вида. Авторы статьи считают бесперспективными попытки определить инвариантные значения видовых форм без строгой дифференциации сфер их функционирования. В полной мере грамматическая семантика полифункциональной глагольной формы проявляется лишь в основной сфере употребления, которая и должна служить базовым объектом исследования. Объектом анализа в статье выступили две грамматические формы микрополя прошедшего времени западноиранских языков претерит и имперфект, которые в основной сфере своего функционирования при полной нивелировке контекстом временных различий используются исключительно в качестве средства дифференциации действий по видовым признакам. Исходя из убеждения, что семантика широко употребительных форм может включать лишь самые абстрактные признаки данной функционально-семантической категории, авторы предлагают считать идентифицированные им компоненты видовой семантики имперфекта и претерита базовыми аспектуальными семами. Эти базовые признаки основаны на понятиях процессность/непроцессность и предельность/непредельность. К базовым видовым значениям принадлежат также понятия длительность/краткость и однократность/многократность. Результаты анализа позволили определить иерархию элементов плана содержания функционально-семантической категории аспектуальности.

© Миколайчик В.И., Белоконов В.В., 2024

Ключевые слова: аспектуальный признак, сфера функционирования, план содержания, базовые признаки, видовая сема, разноуровневые средства, способы глагольного действия

Для цитирования: Миколайчик В.И., Белоконов В.В. Состав и иерархия базовых аспектуальных сем: опыт аргументированного предложения одной версии // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 117–129. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_117.

Original article

The composition and hierarchy of the basic aspectual semes: the experience of a reasoned proposal of one version

Vladimir I. Mikolajchik¹, Vitaly V. Belokon²

^{1,2} Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

¹ mikolai4ik@yandex.ru

² vbelokon@yandex.ru

Abstract. The article provides a detailed analysis of the main aspectological concepts concerning the identification of basic elementary features that make up the content plan of the grammatical category of the aspect and the functional-semantic category of aspectuality. Reflecting the real signs of verb actions indicated by predicates, specific meanings are expressed in one way or another in different languages. In the Slavic languages, the means of expressing the internal properties of verbal actions are concentrated on morphological and word-formation levels. In the Russian language, these means are represented by a grammatical category of the aspect and an extensive sphere of verbal action methods adjacent to it at the level of word formation, which has an extensive arsenal of derivative affixes. A fairly definite list of elementary aspect meanings appearing in aspectological studies varies markedly among different researchers and does not have a generally recognized character. In recent decades, under the influence of the theory of variability, researchers have been paying more attention to the problem of finding invariant meanings of Perfect and Imperfect forms. The authors of the article consider futile attempts to determine the invariant meanings of aspect forms without strict differentiation of the spheres of their functioning. The grammatical semantics of the multifunctional verb form is fully manifested only in the main sphere of use, which should serve as the basic object of research. The object of the analysis in the article are two grammatical forms of the past tense micro-field of the Western Iranian languages, Preterit and Imperfect, which in the main sphere of their functioning, with complete leveling by the context of temporal differences, are used exclusively as a means of differentiating actions by aspect characteristics. Proceeding from the belief that the semantics of widely used forms can include only the most abstract features of this functional-semantic category, the authors propose to consider the components of the aspect semantics of Imperfect and Preterit identified by them as basic aspectual semes. These basic features are based on the concepts of process/non-process and limit/non-limit. The concepts of duration/shortness and singleness/multiplicity also belong to the basic aspect meanings. The results of the analysis allowed us to determine the hierarchy of elements of the content plan of the functional-semantic category of aspectuality.

Keywords: aspectual sign, functioning sphere, content plan, basic signs, specific sema, multilevel means, methods of verbal action.

For citation: Mikolajchik V.I., Belokon V.V. The composition and hierarchy of the basic aspectual semes: the experience of a reasoned proposal of one version // Herald of the Moscow University of Information

Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 117–129. https://doi.org/10.52470/2619046X_2024_2_117.

Для русской аспектологии весьма принципиальным в своё время был вопрос о том, не является ли грамматическая категория вида лишь внутриязыковой сущностью, предназначенной подобно категории числа, рода имен прилагательных лишь для нужд внутренней организации языкового механизма, или же она информативно полноценна, отражает окружающую реальность. В этом отношении в настоящее время наблюдается практически полное единодушие. В одном из авторитетнейших трудов читаем: «Может возникнуть вопрос, не является ли вид глагола (подобно роду существительных) грамматической категорией, различающей лексемы и выделяющей на основании «сочетательных» свойств. На него следует дать отрицательный ответ» [20, с. 45].

Поскольку видовые значения по всеобщему убеждению отражают реальные внутренние свойства обозначаемых глаголами действий, то не подлежит также сомнению предположение, что они должны тем или иным образом выражаться в любом языке. М.Ю. Черткова пишет: «Как и категория времени, функционально-семантическая категория аспектуальности, или категория аспекта, относятся к лингвистическим универсалиям. В плане её содержания имеются смыслы, представленные во всех языках» [23, с. 13].

Важнейшим вопросом, который решается на протяжении всего периода аспектологических исследований и продолжает оставаться актуальным и на настоящий момент, является состав базовых понятий грамматической категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности. Но под влиянием теории вариативности постепенно на первый план в аспектологических исследованиях наряду с поиском базовых признаков вышла задача определения инвариантного содержания форм совершенного и несовершенного вида.

В середине XX в. в русской аспектологии при определении основного, инвариантного содержания формы совершенного вида окончательно оформились два понятия – «внутренний предел» и «целостность». Важная роль в этом процессе принадлежит работам В.В. Виноградова и Ю.С. Маслова. Названные видовые понятия в последующем стали практически доминировать в русской аспектологии и фигурируют в большинстве грамматических исследований, хотя толкование содержания самих этих терминов заметно варьирует. Н.С. Авилова пишет: «В русской науке о языке вопрос о предельности (непредельности) был поставлен Л.А. Быковой, развит Ю.С. Масловым и прочно вошёл в аспектологическую литературу» [1, с. 11]. Понятие целостности, по Н.С. Авиловой, восходит к Ф. де Соссюру: «Наибольшее признание получила точка зрения, по которой сов. вид означает целостность, цельнокупность выражаемого глаголом действия, в то время как несов. вид не несёт в себе положительной семантической характеристики. Считается, что именно это значение является наиболее абстрактным и охватывающим все глаголы сов. вида. Эта точка зрения восходит к точке зрения Ф. де Соссюра о точечном, непротяженном, вне всякого становления действии, которое выражает сов. вид» [1, с. 21]. «Другая точка зрения на семантику сов. вида опирается на понятие предела действия» [1, с. 22].

Рассмотрим некоторые наиболее популярные толкования смысловой основы аспектуальности.

Концепция глагольного вида, разработанная Ю.С. Масловым на материале болгарского языка, затем интенсивно развивалась его последователем А.В. Бондарко на русском материале. В работах этого исследователя данная концепция получила наиболее детальную разработку, что относится также и к определению основных понятий. В работе «Вид и время русского

глагола» категория вида в русском языке определяется как морфологическая категория, которая выражает «... различия в представлении протекания действия с точки зрения его целостности/нецелостности, процессности/непроцессности и некоторых других семантических признаков» [3, с. 4]. Значение видовых форм определяется следующим образом: «... совершенный вид выражает действие в его целостности, но не в процессе его совершения, тогда как несовершенный вид, не обладая признаками целостного действия, может выражать действие как процесс» [3, с. 7]. Целостность определяется как своего рода противоположность процессности, поскольку выражение действия как целостного не позволяет «проникнуть внутрь действия, раскрыть, развернуть его, застать действие в ходе его осуществления: целостное действие мы рассматриваем как бы со стороны» [3, с. 18]. Понятие целостности связано с понятием о внутреннем пределе: «действие, представленное в его целостности, тем самым ограничено внутренним пределом». Другие признаки видовых форм зависят от доминирующих понятий целостности и процессности» [3, с. 19]. Эти инвариантные значения в реальной речи выступают в виде частных видовых значений, представляя собой их варианты.

Представляя собой высшую абстракцию, понятия целостности и внутреннего предела, особенно первое, как в работах Ю.С. Маслова и А.В. Бондарко, так и в других работах определяются в достаточно общей, абстрактной форме. А.В. Бондарко в отношении признака целостности делает следующее замечание: «Оно отражает одну (хотя и очень важную) сторону видовой семантики (заметим также, что вне связи с другими различиями между видами весьма абстрактное, отвлеченное значение целостности действия оказывается трудным для восприятия при конкретном анализе текста)». Авторы также предостерегают, что признак неделимой целостности действия как абстракция выведен применительно к содержанию одного из членов видовой пары в славянских языках, и его нецелесообразно в полном объёме переносить на другие языки [4, с. 22].

Понятие внутреннего предела или просто предельности введено в активный оборот В.В. Виноградовым [6, с. 394]. Этот признак изначально трактовался несколько менее абстрактно. Примером одного из более конкретных определений понятия предельности может быть то, что дано Б.Н. Головиным: «Предельными грамматика признает такие процессы, предел, граница в развитии которых нами осознается, замечается... Но пределов в развитии действия может быть два – когда процесс возникает и когда он исчерпывает себя» [10, с. 173]. «Непредельные глаголы обозначают такие процессы, граница которых нами не осознается, не замечается» [10, с. 174].

Авилова Н.С., давая свою трактовку понятий целостности и предельности, предупреждает, что эти понятия слишком абстрактны и не являются всеобъемлющими: «Понимание совершенности как целостного сомкнутого события не охватывает всех глаголов сов. вида». Относительно понятия целостности Н.С. Авилова добавляет следующее замечание: «Значение целостности действия никак не координируется с лексической семантикой глагола». В уточненном виде содержание форм совершенного вида русского глагола у Н.С. Авиловой выглядит так: «Таким образом, в настоящей работе принимается то понимание семантики совершенного вида, которое признает за ним значение достижения качественного абстрактного предела действия как такой критической точки, по достижении которой действие должно, исчерпав себя, прекратиться» [1, с. 23].

О сущности оппозиции видовых форм русского глагола Н.С. Авилова пишет: «Таким образом, мы не видим оснований для трактовки видовой оппозиции как привативной». И далее: «Продолжая применять терминологию строгих фонологических соотношений Н.С. Трубецкого, мы, очевидно, должны бы назвать эту оппозицию эквиолентной. Однако возможность применения методов фонологии к определению характерных черт такой спец-

ифической категории как вид глагола вызывает сомнение» [1, с. 28]. На это последнее замечание Н.С. Авиловой мы считаем нужным обратить особое внимание. Тем более, что у этой точки зрения в среде современных исследователей сейчас появилось немало сторонников.

В некоторых работах в качестве основных элементов плана содержания категории вида берутся менее абстрактные понятия. Например, Н.П. Мучник считает, что «...смысловое содержание категории видов зиждется на двух соотносительных значениях: 1) результативность действия (и сопутствующее ей значение недлительности) и 2) длительность действия (и сопутствующее ей значение нерезультативности)» [16, с. 109]. Следует сказать, что понятия результативности/нерезультативности и длительности/краткости в большинстве научных работ входят в число понятий, находящиеся на первых местах в перечне компонентов плана содержания категории вида. В этом смысле определение Н.П. Мучника не является оригинальным. Оригинальность подхода этого исследователя состоит в следующем. В нем выделяется два очень существенных момента. Н.П. Мучник строит видовую оппозицию не как привативную, что наблюдается во многих аспектологических исследованиях, а как эквивалентную, с положительным содержанием у обоих её членов. При этом хотя автор и называет используемые им значения соотносительными (недлительность соотносится с результативностью, а длительность с нерезультативностью), по сути длительность и результативность являются понятиями разнородными. Они прямо не предполагают и не исключают друг друга. Тем не менее, наличие определенной связи между собой таких понятий, как результативность и недлительность, а также понятиями длительности и нерезультативности, на наш взгляд, отмечено Н.П. Мучником верно, косвенно эти понятия действительно связаны между собой. Это выражается в том, что чаще всего результативность ассоциируется с краткостью, а для длительности более характерно представление о действии в процессе протекания, а не в результате. Построение оппозиции на основании противопоставления разнородных понятий, лишь косвенно обуславливающих друг друга, представляется нам чрезвычайно важным отличительным свойством концепции Н.П. Мучника, очень хорошо согласующимся с тем, что имеет место в западноиранских языках. Хотя в определении Н.П. Мучника можно отметить одно место, которое не согласуется с общепринятой классификацией. Речь идет о принадлежности глаголов так называемого длительно-ограничительного подвида совершенного вида. Согласно концепции Н.П. Мучника глаголы этого подвида типа *поработать*, *почитать* (*какое-то время*) могут быть отнесены только к несовершенному виду, тогда как в действительности дело обстоит как раз наоборот.

Серьезного внимания, по нашему мнению, заслуживает также один фрагмент из концепции видов, предложенный Эдуардом Германом в результате анализа материала древнегреческого языка. Суть этого фрагмента кратко можно изложить следующим образом. Между действиями, выражаемыми глаголами *работать* и *поработать* (*какое-то время*), разница не в действительных различиях между характерами протекания самих действий, но лишь в субъективном их представлении. Различие же между действиями, выражаемыми глаголами *работать* и *сделать*, имеет объективную основу. То есть речь идет о триаде «*работать* – *поработать* – *сделать*» [9, с. 45–46]. В середине этой триады находится глагол длительно-ограничительного подвида совершенного вида *поработать*, который по некоторым признакам (ограниченность некоторым отрезком времени, пределом) сближается с глаголом *сделать*, а по другому признаку (длительность) сближается с глаголом *работать*, находящемся на противоположном полюсе триады. Наш интерес к этой триаде объясняется тем, что разница между её членами находит отражение в грамматике глагола дари и персидского языков.

Признаки целостности и предельности – это наиболее абстрактные понятия, обобщающие группу более конкретных видовых признаков действий, выражаемых глаголами русского

совершенного вида. В работе «Современный русский язык» читаем: «Абстрактное значение «внутреннего предела» или «целостности» никогда, однако, не выступает в чистом виде. Его выделение представляет собой попытку вычленив некоторую инвариантную часть из тех конкретных содержательных противопоставлений, которые связаны с различием видовых характеристик глаголов» [20, с. 471]. В качестве конкретных видовых значений в различных исследованиях фигурируют такие понятия, как результативность/нерезультативность, длительность/краткость, однократность/многократность, процессность/непроцессность и другие. «Наиболее частым содержанием видового противопоставления является обозначение глаголом совершенного вида результативного или однократного действия» [20, с. 473].

Заметной новизной отмечен подход к решению проблем аспектологии в работах М.В. Всеволодовой и М.Ю. Чертковой, хотя сами эти авторы настойчиво декларируют свою приверженность традиционным концепциям, заявляя при этом о пользе множественности подходов к исследованию такого сложного грамматического явления, как славянский глагольный вид. Основные черты этого направления хорошо иллюстрирует работа М.Ю. Чертковой «Грамматическая категория вида в современном русском языке» [23]. М.Ю. Черткова признает, что «...аспектуальность в целом, несмотря на обширную литературу, продолжает оставаться недостаточно изученной категорией не только в плане парадигматики и синтагматики, но главным образом в плане стратификации значений и их типологии».

Одной из основных задач в теории глагольного вида М.Ю. Черткова считает создание универсальной объяснительной модели вида. «Для создания оптимальной объяснительной модели мы считаем необходимым первоначально, в качестве первой ступени, построить семантическую, семную модель грамматической категории русского вида. Создание подобной модели вида предполагает выявление и систематизацию собственно видовых признаков, сем» [23, с. 11].

Идентификация минимальных смысловых единиц категории вида, определение их взаимоотношений и иерархии – это как раз то, что, вне всякого сомнения, составит универсальную ценность для исследования проблемы вида в языках самых различных структурных типов. В процессе исследования проблемы вида в любом языке эти семы способны выступать наиболее удобным операциональным средством анализа языковых фактов. При этом, естественно, функционально-семантическая категории аспектуальности и в еще большей степени грамматическая категория вида в разноструктурных языках могут сильно отличаться. Видовые значения, выражаемые при участии моделей морфологического уровня, относятся к грамматической категории вида.

М.Ю. Черткова в своем исследовании использует список сем, предложенный М.В. Всеволодовой [7], дополнив его несколькими своими и заменив некоторые на свои. В своем конкретном компонентном анализе форм совершенного и несовершенного вида русского языка в различных диагностических контекстах М.Ю. Черткова разделяет семы на грамматические, выражаемые самой видовой формой, и те, которые представляют собой аспектуально значимые компоненты лексического значения глаголов. Для нас такое разделение непосредственного интереса не представляет. Нам важен сам перечень видовых сем и их толкование. Содержание совершенного вида по М.В. Всеволодовой составляют следующие семы: РЕЗУЛЬТ (результативность), ОДНОАКТ (одноактность); несовершенного вида – ПРОЦЕСС (процессность) и ПОВТ (повторяемость). М.Ю. Черткова дополняет список сем совершенного вида семой ЛИМИТ (лимитативность) в качестве инвариантной и лексико-грамматической семы, и вместо сем ПРОЦЕСС и ОДНОАКТ вводит соответственно семы ПРОТ (протяженность) и МОМЕНТ (моментальность) [23, с. 29]. Таким образом, список видовых сем по М.Ю. Чертковой выглядит следующим образом: ПРОТ, ПОВТ, РЕЗУЛЬТ, ЛИМИТ, МОМЕНТ; первые две относятся к несовершенному виду, остальные три – к совершенному.

В исследовательском методе М.В. Всеволодовой и М.Ю. Чертковой привлекательным свойством является стремление на основе объективных аргументов разграничить лексические и грамматические средства выражения видовых значений в каждом конкретном речевом акте, а также и в целом.

Таким образом на современном этапе в аспектологии продолжается активный поиск решения важнейшей проблемы аспектологии – идентификации состава и иерархии базовых понятий, составляющих план содержания функционально-семантической категории аспектуальности.

Между тем, все сказанное выше касается в основном научных исследований аспектологов. В научных работах, где аспектологическая проблематика не выступает предметом анализа, а также методических работах при описании видовой семантики видо-временных форм глагола фигурирует вполне законченный список видовых значений (сем), основанных на понятиях: длительность/краткость, предельность/непредельность, однократность/многократность, процессность/непроцессность, результативность/нерезультативность.

Наша попытка принять участие в решение одной из актуальнейших проблем аспектологии объясняется следующим обстоятельством. Современное устройство морфологического уровня системы глагола в западноиранских языках в значительной мере повторяет то, что было характерно для древнерусского языка, располагавшего классической для индоевропейских языков четырехчленной системой микрополя прошедшего времени: претерит (в древнерусском – аорист), имперфект, перфект, плюсквамперфект. Эволюция системы глагола в русском языке означала перемещение средств выражения ряда значений из сферы морфологии на уровень словообразования. Речь идет, конечно, в первую очередь о видовых значениях, поскольку в выражении временных значений, где доминирование неграмматических средств стало еще заметнее, принципиальных изменений практически не произошло. Вполне логичным представляется следующее предположение. В семантике морфологических моделей, количество которых ограниченное, вполне очевидно в качестве компонентов семантики могут выступать наиболее обобщенные видовые признаки, предположительно базовые элементы плана содержания. В процессе эволюции глагольной системы эти признаки растворились в массе других, частью более конкретных признаков из обширной области способов глагольного действия, для выражения которых появилось внушительное количество деривативных аффиксов.

Тот факт, что видовые семы грамматического значения присутствует у некоторых форм микрополя прошедшего времени, не вызывает сомнения и отмечается всеми исследователями. Показательным в этом отношении является русский вариант названия формы имперфекта в дари и персидском языках «прошедшее длительное время», в котором определение «длительное» представляет собой чисто видовой признак. То же самое можно сказать и о претерите – при описании функций этой формы в первую очередь отмечают обозначение прошедшего краткого и однократного действия, где определения «краткое» и «однократное» тоже представляют собой видовые признаки.

Вполне логично предполагать, что видовая семантика таких широко употребительных полифункциональных морфологических моделей содержит признаки, которые правомерно считать базовыми понятиями плана содержания функционально-семантической категории аспектуальности и грамматической категории вида.

Результаты нашего исследования свидетельствуют, что видовая идентифицированность имперфекта и претерита проявляется только в тех случаях, когда требуется классифицировать глагольные действия по их внутренним свойствам. Такая потребность возникает в условиях, которые в литературоведении характеризуются понятием «связный план повествования». Обычно это художественные тексты, хотя элементы образного описания прошедших событий характерны и для других стилей, в частности, для разговорно-бытового. Это – главная

сфера использования претерита и имперфекта, на которую они изначально ориентированы. При употреблении в этой основной сфере своего функционирования контекстом полностью нивелируются различия по временному значению форм и здесь имперфект и претерит используются исключительно как средство дифференциации глагольных действий по основным видовым признакам.

За пределами этой основной сферы функционирования формы претерит и имперфект используются тоже достаточно активно. Но здесь их семантический потенциал не используется в полном объеме или вообще не востребован. Поэтому в анализе видового значения этих форм мы в основном ограничимся основной сферой их использования.

Между претеритом и имперфектом существуют различия по временной семантике. У претерита в минимальном контексте действие по временному значению характеризуется как просто прошедшее, без дополнительных временных признаков: *Dôst-am čand rôz pêš az xâna raft* «Мой друг несколько дней тому назад уехал из дома». В условиях связного плана повествования претерит выражает действие с временным признаком «прошедшее конкретное»: *Mohassel ba darsxâna dar-âmad pošt-e mêz-e hod nešast wa ba xândan-e matn pardâxt* «Студент зашёл в аудиторию, сел за свой стол и стал читать текст».

У имперфекта собственным временным значением, проявляющимся в нейтральном контексте, является «прошедшее конкретное»: *Mehmânân jam 'mêšôdand* «Гости съезжались». При наличии неграмматических средств, препятствующих выражению собственного значения имперфекта, действие обладает другим временным значением: *Dar gozašta marâsem 'arusi ba tarz-e digar bargozâr mêšod* «В прошлом свадьба проходила по-другому». Имеющееся в предложении лексическое темпорально релевантное средство нейтрализует собственное временное значение имперфекта и детерминирует временную характеристику действия как просто «прошедшее».

Как видим, в условиях связного плана повествования, где контекст нейтрализует собственное временное значение претерита, различия между претеритом и имперфектом по временному значению исчезают, и здесь выбор той и ли иной из этих двух форм детерминируется исключительно их видовой семантикой.

Собственное видовое значение формы претерита проявляется в условиях отсутствия неграмматических аспектуально релевантных средств: *Ebtedâ čehre-ye pirmard tayyirê nakard wa ba 'd labân-eš ba xandayê ta 'naâmêz az ham bâz šod* «Сначала лицо старика не изменило выражения, а затем его губы раскрылись в насмешливой улыбке»; *Nurê ba del-eš tâbid* «В его сердце сверкнул луч надежды»; *Ânjâ mâdar-e malaxak râ yâftand* «Там они нашли мать кузнечика». В этих примерах действия, выраженные глаголами в форме претерита, могут характеризоваться как непроцессные, предельные, краткие и однократные.

Другими видовыми признаками, присущими обычно непроцессному действию, являются завершенность и результативность, но эти признаки больше определяются лексической семантикой глаголов и контекстом, претерит лишь способствует их проявлению: *Ĉôn ba keštâr-e hod rasid zêr-e deraxtê nešat tâ qadrê esterâhat konad* «Когда он пришёл на свое поле, то присел под деревом немного отдохнуть».

Признак краткости может легко нейтрализоваться лексическими показателями длительности: *Wali âhesta-âhesta mokâlema tayyir kard* «Но постепенно тон беседы изменился». *Dar natija rawâbet-e zan wa šawhar rôz-ba-rôz tirtar šod* «В результате, отношения жены и мужа постепенно испортились». Здесь действия, выраженные глаголами в претерите, обладают признаком длительности. Непроцессность здесь тоже затушевана, хотя и сам процесс протекания действия не находится в фокусе внимания. Лексическая семантика глаголов-сказуемых и контекст предопределили у этих действий также признак результативности.

Непроцессным действиям, выражаемым глаголами в форме претерита, неграмматическими средствами может придаваться признак многократности: *Mas'alahâ-ye mota'dedê râ tamrin kardam wa ânqadr tamrin namudam ke ba-kolli yak šatranjbâz-e mâher šodam*. «Я отработала многие позиции и так натренировалась, что стала вполне квалифицированным шахматистом».

Итак, предельность – единственный видовой признак, который всегда присутствует у действия, обозначаемого глаголом в претерите. Три других компонента видовой семантики претерита – непроцессность, краткость и однократность – являются неустойчивыми, так как могут нейтрализоваться контекстом. Среди неустойчивых признаков видového значения претерита несколько особняком стоит признак однократности действия. Дело в том, что по понятию однократность/многократность глагольное действие квалифицируется не всегда. Для длительных действий, даже непроцессного характера это понятие обычно нерелевантно. Квалификация действий по значению однократности/многократности обычно происходит тогда, когда речь идет о более-менее ограниченных по продолжительности процессах, особенно кратких, моментальных. Но если потребность квалифицировать глагольное действие по значению однократности/многократности возникает, то сам претерит в минимальном контексте квалифицирует действие как однократное.

Претерит нередко используется в условиях, когда внутренние свойства действия не являются предметом интереса, то есть для выражения так называемых общефактических действий, например: *Fardâ pesar wa mâdar har du ba bâÿça raftand kačâlu râ ba jawâlhâ andâxtand wa tâ čâšt kâr kardand*. «На следующий день сын и мать вдвоем пошли на огород, собирали картошку в мешки и работали до полудня»; *Šâh-bâbâ barâye wos'at wa âbâdi-ye mamlakat xedamât-e ziyâdê namud* «Шах Баба сделал многое для расширения и благоустройства страны».

Рассмотрим видовую семантику имперфекта.

При отсутствии в контексте неграмматических аспектуально релевантных средств действие, выражаемое глаголами в форме имперфекта, обозначают неопредельное действие в процессе совершения. Рассмотрим некоторые примеры процессных действий: *Ân rôz golâli-ye zêbâ mesl-e hamêša barâye gereftan-e âb ba kenâr-e nahr-e bozorg mêraft wa dar del-aš omaydê šôr mêzad*. «В тот день красавица Голали как всегда шла к большому ручью набрать воды и в её душе теплилась надежда»; *Šaxsê ba yakê az dôstân-e xod xatt mênewešt*. «Человек писал письмо одному из своих друзей».

В приведенных примерах действия, выраженные глаголами в форме имперфекта, представляют собой типичные образцы процессных неопредельных действий.

Одной из достаточно распространенных разновидностей действий, выражаемых с использованием имперфекта, является многократное действие. Этот факт послужил основанием для практически единодушного признания иранистами признака многократности как одного из основных признаков имперфекта наряду с длительностью. Хотя сама форма, разумеется, прямо такого действия не выражает, такое значение придается действию соответствующими неграмматическими средствами – обстоятельством: *'Ali ham mesl-e kudâkê ba dombâl-eš mêdawid. Dar in hâl gâhê su-ye čaman, gâhê su-ye rôdbâr-e kuček wa gâhê su-ye hamsâye-yeš mêdid*. «Али тоже, как ребенок, бежал за ним. При этом он поглядывал то на луг, то на ручей, то на своего соседа». Многократное действие вполне может рассматриваться как разновидность процессного.

Процессное действие, выражаемое глаголами в имперфекте, может ограничиваться по продолжительности контекстуальными средствами: *Do sal ba hays-e mo'allem wa câr šal-e digar ba hays-e sarmo'allem-e lise-ye balqis-e kâr mêkardam* «Я два года работала преподавателем и еще четыре года – старшим преподавателем в лицее «Балкис».

Итак, у формы имперфекта в числе компонентов видовой семантики мы установили два устойчивых признака: процессность, длительность. Главным является процессность, длительность, являясь сама по себе важным свойством глагольного действия, обусловлена процессностью.

Многочисленность, часто отмечаемая иранистами в дефинициях этой формы, скорее должна рассматриваться как окказиональный признак, так как проявляется в особых контекстуальных условиях, обычно при употреблении глаголов моментального действия. Непредельность – неустойчивый признак имперфекта, способный нейтрализоваться контекстом.

Выявленные нами признаки относятся к числу наиболее известных значений, фигурирующих в исследованиях проблем вида; это – процессность/непроцессность, предельность/непредельность, краткость/длительность, однократность/многочисленность.

Проявляющиеся в основной сфере функционирования имперфекта и претерита видовые признаки есть основания считать базовыми понятиями грамматической категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности.

Итогом изложенного здесь анализа является определение базовой семантической основы категории вида и функционально-семантической категории аспектуальности. Её образует бинарная пара «действие в процессе – действие в финальной стадии (предельное)». Распространенной разновидностью предельных действий является результативное действие, так как абсолютное большинство действий направлены на достижение результата. Разновидностями результативных действий выступают становление действия или переход в состояние.

Значения длительности и краткости, практически постоянно фигурирующие в работах по глагольному виду, будучи важными внутренними свойствами глагольных действий, в иерархии видовых сем занимают свое место. Длительность – неотъемлемый атрибут процессного действия. Краткость такой строгой детерминированностью не обладает, поскольку предельное действие может быть и длительным. Однократность и многочисленность, фигурирующие в работах по виду, относятся к числу базовых понятий второго ряда, так как квалификация глагольных действий по этому понятию не носит постоянного характера. Более конкретные признаки из числа внутренних свойств глагольных действий относятся к примыкающей к виду обширной семантической области способов глагольного действия.

Видовая идентифицированность форм претерита и имперфекта в полной мере проявляется в основной сфере функционирования. Но обе формы достаточно активно употребляются и за пределами основной сферы. Мы ограничимся здесь лишь рамками индикатива, хотя обе формы активно используются в синтаксических структурах косвенной модальности, где грамматическое значение форм может вообще не использоваться. Например, при употреблении в сложноподчиненном предложении с придаточным условным ирреальным у имперфекта ни видовое, ни временное значение не используются, релевантным оказывается лишь значение корневой морфемы: *Agar faradâ xâne-ye man mêâmedi čiz-e mohemmê barâyat mêgoftam* «Если бы ты завтра ко мне зашел, я бы тебе рассказал кое-что интересное». В рамках же индикатива у претерита и имперфекта всегда сохраняется временной признак «прошедшее», хотя видовое сохраняется лишь частично. Для претерита, как мы отмечали, характерно использование для обозначения аспектуально неохарактеризованных или общефактических действий. Для имперфекта в дари и персидском языках подобная функция не характерна.

Таким образом, в целом, с учетом всех вариантов употребления форм претерита и имперфекта в рамках индикатива в основе их функционирования лежит триада «действие в процессе – действие в финальной стадии (предельное) – действие как факт (общефактическое действие). Первые два члена этой триады представляют аспектуально охарактеризованные действия. Они представляют обобщенную смысловую основу функционально-семантической категории аспектуальности и грамматической категории вида.

Базовые элементарные семы категории аспекта основаны на понятиях процессность/непроцессность и предельность/непредельность. Ближайшими понятиями к базовым видовым значениям является длительность/краткость. Длительность представляется неперенным атрибутом процессного действия, чем объясняется постоянное присутствие этого признака на одном из первых мест в любом перечне видовых сем. Краткость представляется одним из главных видовых признаков второго ряда главным образом в качестве антонима длительности. Сам же этот признак характеризует лишь одну из разновидностей предельного непроцессного действия, по иерархии его следует охарактеризовать как базовая видовая сема третьего ряда.

Особого комментария заслуживает понятие однократность/многократность. В дефинициях формы имперфекта многие исследователи наряду с длительностью отмечают признак многократности, а у претерита – однократность. Не возражая в принципе против подобного утверждения, мы считаем необходимым сделать одно важное уточнение. Дело в том, что по понятию однократность/многократность классифицируются не все глагольные действия, а лишь часть из них, причем далеко не преобладающая. Однократность в принципе может рассматриваться как собственный неустойчивый признак претерита, поскольку краткое непроцессное действие действительно воспринимается как однократный акт. Его статус – неустойчивый, поскольку, как мы видели, действию, обозначаемому глаголом в претерите, легко придается значение многократности. А вот у имперфекта признак многократности носит другой статус. Непредельное процессное действие вообще не подлежит классификации по количественному понятию. Появление признака многократности у имперфекта в целом обусловлено контекстом. Лишь в одном, но очень показательном случае проявляется склонность имперфекта к многократности и несовместимость с однократностью. Речь идет о глаголах моментального способа действия, которые в форме имперфекта могут обозначать лишь многократное действие: *mêzad* «стучал», *mêkôbêd* «бил», «ударял». Здесь лексическое значение глагола сталкивается с несовместимой с ним видовой семантикой имперфекта. В общем, это один из типичных случаев образования окказионального значения. Именно такой статус может быть признан за признаком многократности у имперфекта. А то, что он настойчиво фигурирует при описании этой глагольной формы, является, с одной стороны, показателем его важного места среди базовых аспектуальных сем, с другой стороны, – эксплицитности его проявления у данной морфологической модели.

Помимо собственной видовой семантики (включая устойчивые, неустойчивые и окказиональные признаки) форм имперфекта и претерита системно важным фактом является отношение форм к другим признакам данного семантического поля или функционально-семантической категории. Здесь мы отмечаем следующие типы: признаки, выражаемые при нейтрализации неустойчивых значений, признаки, к которым форма нейтральна, признаки, противоположные устойчивым, которые никогда не выражаются при ее употреблении. Всего, таким образом, мы имеем шесть вариантов отношений морфологической модели данного типа с элементами плана содержания функционально-семантической категории.

В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1. Поскольку семантика широкоупотребительных универсальных форм может включать в качестве компонентов наиболее абстрактные семы, то компоненты видового аспекта грамматической семантики форм имперфекта и претерита, представляющих грамматическое ядро функционально-семантической категории аспектуальности в западноиранских языках, правомерно рассматривать в качестве базовых элементов этой категории. Таким образом, базовые элементарные семы категории аспекта основаны на понятиях процессность/непроцессность и предельность/непредельность, к базовым видовым значениям принадлежат также понятия длительность/краткость и однократность/многократность.

2. Ближайшими к базовым понятиям являются те значения, которые образуются с активным участием грамматических форм и характеризуются как окказиональные значения. В иерархии аспектуальных значений они в целом относятся к примыкающей к виду обширной семантической сфере способов глагольного действия, принадлежа к числу наиболее абстрактных значений из этой сферы. Среди них особо выделяются значения результативности и завершенности.
3. Западноиранские языки с их практически полным отсутствием деривативной аффиксации в системе глагола не дают формальных оснований для идентификации значительного количества способов глагольного действия, хоть в малейшей степени сопоставимого с тем обширным списком, который характерен для русского глагола с его богатейшим набором деривативных аффиксов. Тем не менее, есть несколько значений из этой области, которые получили в языке дари средство формального выражения, но не на словообразовательном уровне, а в виде моделей морфологического уровня. К ним относятся формы с вспомогательным глаголом *raftan*, обозначающие поступательно развивающееся действие, форма начинательности с вспомогательным глаголом *gereftan*. Имеются также стилистически маркированные формы для выражения постоянного действия. Это значение мы вправе рассматривать в качестве комбинированного, содержащего как темпоральную, так и аспектуальную семы. Одна из этих факультативных форм характерна для научных текстов филологического жанра, вторая принадлежит разговорно-бытовому стилю. Для научных текстов на историческую тематику характерна форма прошедшего завершенного действия с преобладающим аспектуальным компонентом своей грамматической семантики. Однако, названные морфологические модели носят факультативный характер и не играют заметной роли в системе языка. Тем не менее, появление даже факультативной модели свидетельствует о важности того или иного признака в коммуникации и рисует наглядную перспективу эволюции системы языка, а нам дает основания рассматривать данное значение как одно из важных, заметных в сфере способов глагольного действия.

Список источников

1. Авилова Н.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976.
2. Арутюнова Н.Д. О минимальной единице грамматической системы. // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969.
3. Бондарко А.В. Вид и время русского глагола (значение и употребление). Ленинград, 1971.
4. Бондарко А.В. К теории поля в грамматике – залог и залоговость (на материале русского языка). // Вопросы языкознания. 1972. № 3.
5. Бондарко А.В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. Санкт Петербург, 1998.
6. Виноградов В.В. Грамматическое учение о слове. М., 1972.
7. Всеволодова М.В. К вопросу о семном составе славянского глагольного вида. // Проблемы сопоставительной грамматики славянских языков. М., 1990.
8. Всеволодова М.В. Поля, категории и концепты в грамматической системе языка. // Вопросы языкознания. № 3. 2009.
9. Герман Э. Вид объективный и вид субъективный // «Вопросы глагольного вида: Сборник. М., 1962.
10. Головин Б.Н. Введение в языкознание. М., 1966.
11. Идеографические аспекты русской грамматики. Под редакцией В.А. Белошапковой и И.Г. Милославского. М., 1988.
12. Киселева Л.Н. Язык дари Афганистана. М., 1985.

13. *Маслов Ю.С.* Очерки по аспектологии. Ленинград, 1984 г.
14. *Милославский И.Г.* Морфологические категории современного русского языка. М., 1981.
15. *Милославский И.Г.* К определению основных понятий аспектологии. – «Известия АН СССР», М., 1987. Том 46. № 4.
16. *Мучник И.П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971.
17. *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972.
18. *Островский Б.Я.* Вопросы грамматической семантики глагола языка дари. М., 2004.
19. *Рубинчик Ю.А.* Грамматика современного персидского литературного языка. М., 2001.
20. *Современный русский язык (под ред. В.А. Белошапковой).* М., 1989.
21. *Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность.* Ленинград, 1990.
22. *Эдельман Д.И.* Категория времени и вида // Опыт историко-типологического исследования иранских языков. Том II. Эволюция грамматических категорий. М., 1975.
23. *Черткова М.Ю.* Грамматическая категория вида в современном русском языке. М., 1996.
24. *Черткова М.Ю.* О современном этапе эволюции формальной модели русского вида // Русский язык: исторические судьбы и современность: Труды и материалы международного конгресса русистов-исследователей (Москва, 13–16 марта 2001 г.). М., 2001.

Информация об авторах

В.В. Миколайчик – доктор филологических наук, профессор; профессор кафедры средневосточных языков Военного университета имени князя Александра Невского Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

В.В. Белоконь – кандидат филологических наук, доцент; начальник кафедры средневосточных языков Военного университета имени князя Александра Невского» Министерства обороны РФ, г. Москва, Россия

Information about the authors

V.I. Mikolaichik – Doctor of Philological Sciences, Professor; Professor of the Department of the Middle Eastern Languages of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

V.V. Belokon – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor; Head of the Department of the Middle Eastern Languages of the Military University named after Prince Alexander Nevsky of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 24.05.2024; принята к публикации 27.05.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 24.05.2024; accepted for publication 27.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 130–138.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. С. 130–138.

Научная статья

УДК 796/799; 159.9

doi: 10.52470/2619046X_2024_2_130

Показатели групповой сплоченности в спортивных командах разного уровня профессионализма

Оксана Николаевна Комарова¹, Алла Львовна Рассказова²

^{1,2} Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

¹ okomarova2009@yandex.ru

² allarasskazova@mail.ru

Аннотация. Проблемное поле исследования групповой сплоченности охватывает большое количество работ, посвященных различным аспектам групповой сплоченности, таких как исследование групповой сплоченности в коактивных и интерактивных видах спорта, влияние психологического климата на групповую сплоченность, влияние сплоченности на эффективность деятельности в командах разного уровня профессионализма. Основная цель исследования – выявить смыслообразующий компонент групповой сплоченности (инструментальный или социальный) в командах разного уровня (любители и профессионалы). В качестве базовой модели исследования авторы использовали четырехфакторную модель сплоченности А. Кэррона и «теорию деятельностного опосредования межличностных отношений в группе» А.В. Петровского. В исследовании приняли участие 50 испытуемых: 25 спортсменов-любителей (ватерполисты) и 25 спортсменов-профессионалов (волейболисты). Были использованы следующие психодиагностические методики: опросник сплоченности спортивной команды М.О. Мдивани, методика определения индекса групповой сплоченности К.Э. Шишора, методика общей оценки психологического климата А.Н. Лутошкина, метод свободных ассоциаций П. Вержеса. Результаты исследования показали, что сплоченность спортсменов-профессионалов обусловлена наличием задания, отражает степень согласованности, взаимозависимости и единства действий членов группы для достижения общей цели. У спортсменов-любителей сплоченность отражает потребность в дружеских связях между членами группы, поэтому в командах спортсменов-любителей более выражен элемент социальной сплоченности. Несмотря на полученные данные, установлено, что в команде профессионалов диагностированы высокий и средний уровни социально-психологиче-

© Комарова О.Н., Рассказова А.Л., 2024

ского климата в команде. Следует отметить, что в группе спортсменов-любителей несколько снижены показатели степени благополучия климата в команде. Это может быть связано с тем, что в командах спортсменов-любителей игроки могут меняться в течение года, а также высокой степенью согласованности ценностей и целей совместной деятельности в команде профессионалов.

Ключевые слова: групповая сплоченность, эффективность командной деятельности, эмоциональные отношения, игровые отношения, деловой аспект сплоченности, эмоциональный аспект сплоченности

Для цитирования: Комарова О.Н., Рассказова А.Л. Показатели групповой сплоченности в спортивных командах разного уровня профессионализма // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. 130–138. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_130.

Original article

Indicators of group cohesion in sports teams of different levels of professionalism

Oksana N. Komarova¹, Alla L. Rasskazova²

^{1,2} Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

¹ okomarova2009@yandex.ru

² allarasskazova@mail.ru

Abstract. The problem field of group cohesion research covers a large number of works devoted to various aspects of group cohesion, such as the study of group cohesion in co-active and interactive sports, the influence of the psychological climate on group cohesion, the influence of cohesion on the effectiveness of activities in teams of different levels of professionalism. The main purpose of the study is to identify the meaning-forming component of group cohesion (instrumental or social) in teams of different levels (amateurs and professionals). As the basic model of the study, the authors used the four-factor model of A. Carron's cohesion, and the «theory of activity mediation of interpersonal relations in a group» by A.V. Petrovsky. The study involved 50 subjects: 25 amateur athletes (water polo players) and 25 professional athletes (volleyball players). The following psychodiagnostic methods were used: M.O. Mdivani sports team cohesion questionnaire, K.E. Sishor group cohesion index determination method, A.N. General psychological climate assessment method. Lutoshkina, the method of free associations by P. Verges. The results of the study showed that the cohesion of professional athletes is due to the presence of a task, reflects the degree of coherence, interdependence and unity of action of the group members to achieve a common goal. For amateur athletes, cohesion reflects the need for friendships between group members, so the element of social cohesion is more pronounced in amateur athletes' teams. Despite the data obtained, it was found that the team of professionals diagnosed high and medium levels of socio-psychological climate in the team. It should be noted that in the group of amateur athletes, the indicators of the degree of well-being of the climate in the team are somewhat reduced. This may be due to the fact that in teams of amateur athletes, players can change throughout the year, as well as a high degree of consistency of values and goals of joint activity in a team of professionals.

Keywords: group cohesion, effectiveness of team activity, emotional relationships, gaming relationships, business aspect of cohesion, emotional aspect of cohesion

For citation: Komarova O.N., Rasskazova A.L. Indicators of group cohesion in sports teams of different levels of professionalism // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. P. 130–138. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_130.

Командой считается группа людей, в которой каждый ее член действует во имя достижения группового результата. Принято считать, что эффективность деятельности команды выше суммарного вклада игроков, поскольку в команде за счет многочисленных групповых факторов может действовать эффект «синергии». Среди многочисленных групповых факторов, приводящих команду к победе, исследователи выделяют сплоченность группы. В середине прошлого века Леон Фестингер, автор теории когнитивного диссонанса, определил сплоченность группы как «сумму всех сил, которые действуют на членов группы таким образом, чтобы они оценивали привлекательность своей группы как наилучшую по сравнению с членством в других группах» [9]. Силы в концепции Л. Фестингера трактовались как особая степень привлекательности группы для ее членов и как получение особых предпочтений от членства в ней. Л. Фестингер дал толчок исследовательской мысли в области изучения групповой сплоченности, которая сразу же заняла лидирующее место в социальной психологии и психологии спорта. Концептуальные основы групповой сплоченности нашли свое отражение в исследованиях отечественных и зарубежных авторов: А.А. Гавриловича, Т.Н. Ямских, Т.С. Матросовой, К.А. Бочавер, Н.Н. Слепченко, Е.С. Иноземцевой, А.Г. Грецова, R.S. Uehjnberg, R.L. Brawley, D. Gould, A.V. Carron, K.S. Spink, Ya.L. Moreno, R. Martens. Несмотря на объемное проблемное поле, исследования групповой сплоченности в спорте на сегодняшний день являются единичными, неполными, противоречивыми. С большой долей вероятности можно предположить, что эта противоречивость обусловлена тем, что спортивная психология является прикладной отраслью знания, и результаты теоретических исследований не всегда укладываются в рамки практической деятельности реальных спортивных групп. Важно заметить также, что исследовательский интерес сосредоточен на качественных методах, в ущерб количественным показателям, в результате чего эффективность команды определяется совокупностью индивидуальных вкладов в групповую деятельность, а не групповыми характеристиками [1, с. 132].

Необходимо подчеркнуть, что деятельность спортивной команды является квинтэссенцией существования малой группы, в которой групповые эффекты, групповые феномены, динамические процессы, ролевые аспекты играют определяющую роль в достижении результата. Групповая сплоченность – стабильное состояние группы, характеризующееся общностью и солидарностью ее членов, активностью межличностной коммуникации и совместной деятельности, тем самым обеспечивая устойчивость группы, ее эффективность и продуктивность [10]. Л.Г. Почебут и В.А. Чикер определяют сплоченность группы через устойчивость и общность межличностных взаимодействий и взаимоотношений [5, с. 70]. Л.И. Уманский определяет групповую сплоченность как высокую степень единения, слитности, интеграции группы во имя достижения групповых целей [5, с. 71]. А.Л. Свенцицкий, продолжая традицию исследований Л. Фестингера выделяет в сплоченности два ключевых показателя:

- уровень взаимного притяжения членов группы, степень взаимной симпатии и привлекательности;
- полезность, привлекательность группы для ее членов [7, с. 60].

В подходе Я.Л. Коломинского к исследованию сплоченности группы также преобладает эмоциональный компонент, связанный как с привлекательностью группы для ее членов, так и с взаимной привлекательностью и симпатией членов группы [3, с. 113]. В.В. Сидоренков предлагает разделить сплоченность группы на два основных компонента: предметно-деятельностный и социально-психологический, которые влияют, соответственно, на различные аспекты эффективности групповой деятельности [8, с. 19]. С точки зрения Т. Ньюкома, который ввел понятие «согласие», с помощью которого он пытался объяснить сходство

ориентаций по отношению к наиболее значимым для членов группы смыслообразующим ценностям. Ценности в подходе Т. Ньюкома выступают как некие заданные модели, по отношению к которым у членов группы формируются некоторые поведенческие паттерны [11]. В исследованиях А. Бейвеласа особый акцент ставится на характере групповых целей, которые он подразделяет на операциональные и символические. Операциональные цели группы – построение оптимальной системы взаимодействий и коммуникации. Символические цели группы – это цели, которые соответствуют индивидуальным предпочтениям членов группы. Социометрическую концепцию групповой сплоченности представил американский психиатр и социальный психолог Я.Л. Морено, в которой сплоченность трактуется как исключительно эмоциональный компонент групповой активности. Сплоченность рассматривается как межличностная привлекательность и удовлетворенность от членства в группе [2, с. 13].

Наиболее значимую концепцию групповой сплоченности представил А.В. Петровский в своей «теории деятельностного опосредования межличностных отношений в группе», где структурные компоненты групповой активности представлены в виде трех страт, где внешний уровень групповой активности представлен в виде эмоциональных отношений членов группы, что соответствует социометрическому представлению о сплоченности малой группы. Второй, более глубокий слой (ЦОЕ) представлен степенью совпадения членов группы на ценности совместной деятельности, Третий, самый глубокий уровень групповой активности, отражает степень совпадения членов группы на цели совместной деятельности. Концепция А.В. Петровского и его методика (ЦОЕ), которая стала результатом его продуктивных эмпирических исследований, активно используется в психологии спорта для исследования степени совпадения индивидуальных установок членов команды относительно важных ценностных компонентов совместной деятельности [4, с. 94].

Большой известностью в области психологии спорта пользуется четырехфакторная модель сплоченности А. Кэррона, который использовал две составляющие командной сплоченности (сплоченность, обусловленная заданием и социальная сплоченность). Чтобы отразить эти два компонента сплоченности, А. Кэррон дал определение сплоченности как динамического процесса, который отражает стремление группы к общности для достижения целей и задач, поставленных перед группой. Две составляющие групповой сплоченности представлены в виде четырех факторов:

- привлекательность группы для индивида;
- групповая интеграция;
- инструментальный аспект сплоченности;
- социальный аспект сплоченности [12, с. 89].

Для успешной командной деятельности необходимо, чтобы игроки обладали не только техническими и тактическими навыками, но и высокой слаженностью, скоординированностью и сотрудничеством на игровом поле. В спорте существует немало примеров объединения высококлассных игроков, которые в условиях соревновательной деятельности проигрывали более слабым командам, демонстрирующим высокую степень интегрированности и общности.

Вопрос о влиянии сплоченности команды на эффективность групповой деятельности остается открытым в психологии спорта, поскольку не существует единой модели сплоченности, которая бы успешно реализовывалась на игровом поле. Например, в интерактивных видах спорта существует отрицательная взаимосвязь между социальной сплоченностью и результатом деятельности и положительная взаимосвязь между инструментальной сплоченностью, что легко объяснить, поскольку в интерактивных видах спорта требуется высокая интеграция, согласованность, взаимосвязанность игровых действий всех участников команды.

В исследовании О.А. Савинкиной подтверждается концепция А.В. Петровского о деятельностном опосредовании межличностных отношений процессом совместной деятельности. Если у игроков преобладают одинаковый взгляд на ценности и цели групповой деятельности, то команда будет обладать высокой степенью сплоченности и высокой эффективностью деятельности [6, с. 90]. Говоря о сплоченности спортивных команд, следует говорить не только и не столько о эмоциональном компоненте, сколько о содержательном компоненте спортивной деятельности, поскольку очевидно, что в ситуации эмоционального накала соревновательной деятельности личная неприязнь отходит на задний план. В командах профессионалов сплоченность по деловому признаку больше, чем по эмоциональному. В командах начинающих спортсменов больше проявляется сплоченность по социальному признаку. Следует отметить также, что спортивные команды, имеющие высокий показатель групповой сплоченности по эмоциональному признаку, считающиеся бесконфликтными, реже добиваются высоких спортивных результатов. Связь между сплоченностью и эффективностью деятельности в таких командах нелинейная, то есть до определенного предела эта связь положительна, но потом меняет свой знак на противоположный.

В исследовании приняли участие 50 испытуемых: 25 спортсменов-любителей (ватерполисты) и 25 спортсменов-профессионалов (волейболисты).

Были использованы следующие психодиагностические методики: опросник сплоченности спортивной команды М.О. Мдивани, методика определения индекса групповой сплоченности К.Э. Сисора, методика общей оценки психологического климата А.Н. Лутошкина, метод свободных ассоциаций П. Вержеса.

Результаты по определению сплоченности по методике М.О. Мдивани представлены на *рисунке 1*. Опросник содержит четыре шкалы, которые представляют факторы групповой модели:

1. Индивидуальная привлекательность отношений (ИО).
2. Индивидуальная привлекательность деятельности (ИД).

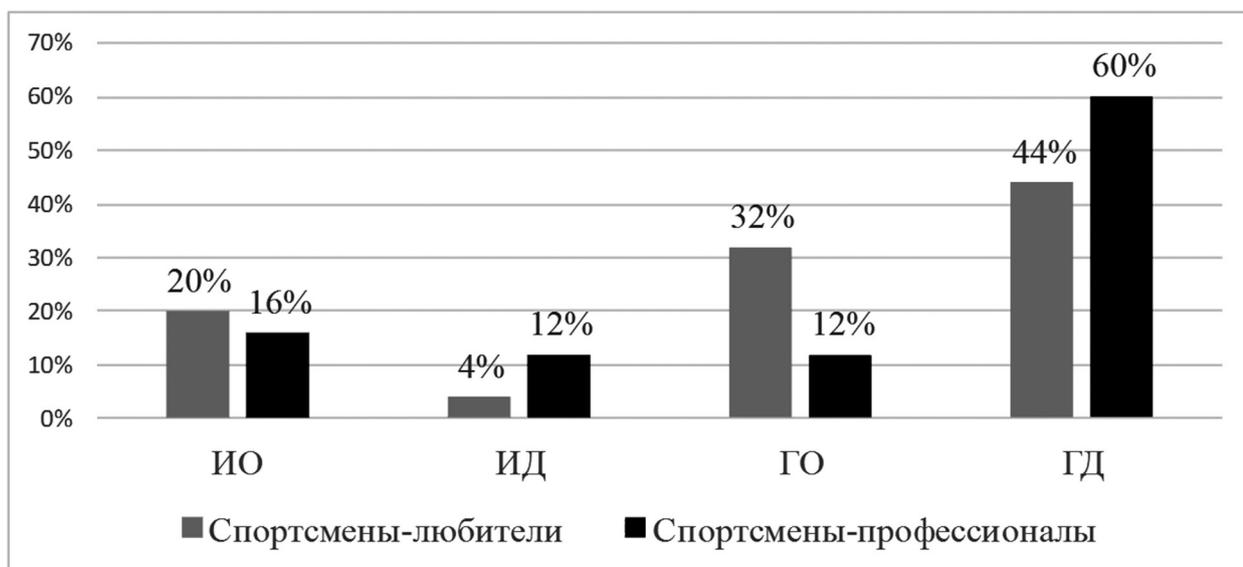

Рисунок 1. Уровень сплоченности по методике М.О. Мдивани

Figure 1. Level of cohesion according to M.O Mdivani

3. Групповое единство в общении (ГО).
4. Групповое единство в деятельности (ГД).

Показатели групповой привлекательности деятельности (ГД) выше у спортсменов-профессионалов (60 % опрошенных), что свидетельствует о вовлечённости в групповое взаимодействие. Для спортсменов-любителей характерны высокие результаты в групповом единстве общения (32 % опрошенных).

Мы просили респондентов оценить уровень сплочённости команды. В группе спортсменов-любителей средний процентный балл колеблется от 50 до 70 %. В группе спортсменов-профессионалов – от 70 до 80 %

Уровни индекса групповой сплочённости (методика К.Э. Сишора) отражены на *рисунке 2*.

У спортсменов-профессионалов наблюдаются более высокий индекс сплочённости (72 % опрошенных отмечают высокий и выше среднего уровень) по сравнению со спортсменами-любителями (56 % респондентов). Низкие показатели индекса сплочённости команд не были выявлены ни у одной из групп.

Каждому респонденту предлагалось написать три ассоциации на следующие слова: «спорт», «команда», «сплочённость», «достижение», «результат». Нами было получено всего 750 ассоциаций, по 375 ассоциации в каждой группе. Анализ совокупности ассоциаций проводился в логике структурного подхода школы Экс-ан-Прованса, согласно которому в структуре всякого социального представления выделяется его ядро (наиболее устойчивые представления членов группы) и периферия (набор индивидуальных представлений членов группы). В соответствии с алгоритмом прототипического анализа П. Вержеса, к зоне ядра относят ассоциации, отвечающие двум требованиям:

1. Частота, с которой полученные ассоциации встречаются в данной группе (для попадания в ядро социального представления этот показатель должен превышать медианное значение по группе).
2. Ассоциация должна упоминаться в числе первых (для попадания в ядро ранг упоминания должен быть меньше среднего по группе). Соотношение этих двух показателей (частоты и ранга) определяет и три другие структурные области социального представления.

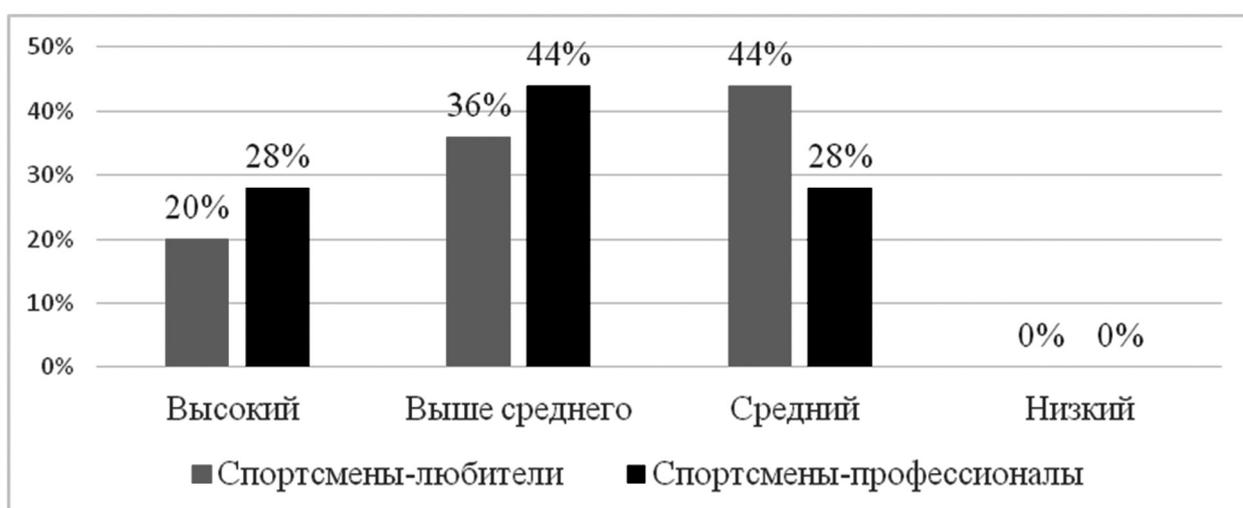

Рисунок 2. Индекс сплочённости по методике К.Э. Сишора

Figure 2. Cohesion index according to K.E. Sishora

Далее определяются две буферные зоны, близкие к ядру, первую из которых составляют ассоциации, встречающиеся редко (значения частоты упоминания ниже медианных), но называемые в числе первых (ранг ниже среднего по группе), а вторую – ассоциации, называемые часто (частота выше медианной), но не в числе первых (ранг выше среднего).

К последней зоне периферии относят ассоциации, упоминаемые редко и в последнюю очередь.

У спортсменов-любителей в ядро социальных представлений к понятию «спорт» вошли следующие ассоциации: здоровье (частота – 36 %, ранг – 2,4), тренировка (частота – 32 %, ранг – 2,1), энергия (частота – 28 %, ранг – 1,8), сила (частота – 28 %, ранг – 1,8); к понятию «команда»: дружба (частота – 40 %, ранг – 2,6), поддержка (частота – 32 %, ранг – 2,1); к понятию «сплочённость»: коллектив (частота – 32 %, ранг – 2,1), дружба (частота – 28 %, ранг – 1,8); к понятию «достижение»: цель (частота – 32 %, ранг – 2,1), победа (частота – 32 %, ранг – 2,1); к понятию «результат»: удача (частота – 28 %, ранг – 1,8), успех (частота – 28 %, ранг – 1,8).

У спортсменов-профессионалов в ядро социальных представлений к понятию «спорт» вошли следующие ассоциации: стремление (частота – 36 %, ранг – 2,4), здоровье (частота – 32 %, ранг – 2,1), работа (частота – 32 %, ранг – 2,1); к понятию «команда»: поддержка (частота – 36 %, ранг – 2,4), взаимопомощь (частота – 32 %, ранг – 1,6); к понятию «сплочённость»: целостность (частота – 44 %, ранг – 2,9), взаимовыручка (частота – 40 %, ранг – 2,6); к понятию «достижение» вошли следующие ассоциации: награда (частота – 32 %, ранг – 2,9), результат (частота – 32 %, ранг – 2,1), медаль (частота – 32 %, ранг – 2,9), кубок (частота – 32 %, ранг – 2,1); к понятию «результат»: цель (частота – 52 %, ранг – 3,4), итог (частота – 44 %, ранг – 2,9).

В двух группах отмечаются одинаковые ассоциации: к понятию «спорт» была получена равная по параметрам ассоциация – «здоровье»; к понятию «команда» – «поддержка».

Анализ всех полученных ассоциаций по двум группам показал, что у спортсменов-любителей в буферных зонах выступают такие ассоциации, как эмоции, помощь, жизнь, целое,

Рисунок 3. Результаты по определению психологического климата по методике А.Н. Лутошкина

Figure 3. Results for determining the psychological climate according to the method of A.N. Lutoshkina

хорошие моменты, атмосферы, команда, гордость, ступень, этап, комфорт. У спортсменов-профессионалов в буферных зонах выступают следующие ассоциации: стимул, сила воли, механизм, коллектив, строй, единство, стремление, рекорд, прорыв, вершина, труд, эффективность.

Результаты диагностики психологического климата по методике А.Н. Лутошкина представлены на *рисунке 3*.

У спортсменов-профессионалов диагностированы высокий и средний уровни социально-психологического климата в команде (88 %). Следует отметить, что в группе спортсменов-любителей несколько снижены показатели степени благополучия климата в команде, высокая степень благоприятности социально-психологического климата выявлена у 24 % опрошенных, средняя – у 36 %. Также в группе спортсменов-любителей есть показатели начального неблагополучия климата в команде – у 20 % респондентов. Это может быть связано с тем, что в командах спортсменов-любителей игроки могут меняться в течение года, и несмотря на достаточно высокие показатели групповой сплочённости, показатели психологического климата могут быть снижены. В команде спортсменов-профессионалов не было зафиксировано низких показателей, которые бы свидетельствовали о начальном неблагополучии психологического климата.

Полученные в ходе эмпирического исследования данные были подвергнуты корреляционному анализу. Уровень социально-психологического климата в команде спортсменов-любителей имеет сильную прямую связь с групповыми действиями ($r=0,531$, при $p\leq 0,01$), индексом групповой сплочённости ($r=0,681$, при $p\leq 0,01$). Чем выше у спортсменов-любителей проявляется групповое единство в действии, групповая сплочённость в команде, тем выше будет уровень психологического климата в группе. Сильная обратная связь установлена между шкалами «Индивидуальное действие» и «Психологический климат» ($r=-0,560$, при $p\leq 0,01$). Чем выше у спортсменов-любителей проявляется индивидуальная привлекательность деятельности, тем ниже будет психологический климат внутри группы. В команде спортсменов-профессионалов также выявлена сильная прямая связь индекса групповой сплочённости и уровня психологического климата ($r=0,594$, при $p\leq 0,01$). Обратная корреляционная взаимосвязь установлена между шкалой «Индивидуальное действие» и шкалой «Индекс сплочённости» ($r=0,590$, при $p\leq 0,01$). Чем больше спортсмен нацелен на индивидуальную выгоду, которую он получает от участия в совместных действиях, тем ниже будет индекс групповой сплочённости. Иными словами, ориентирование на индивидуальные достижения негативно сказывается на общем социально-психологическом климате и снижает уровень групповой сплочённости.

Таким образом, мы установили, что спортсмены-профессионалы воспринимают спортивную деятельность как стремление к достижениям, закреплению результатов, получению неких регалий. У них имеется четкое понимание цели, стремление к конкретному результату. Спортсмены-любители демонстрируют аморфность цели. Занятия спортом у них ассоциируются с атмосферностью, комфортом, эмоциональным взаимодействием.

Сплочённость спортсменов-профессионалов обусловлена наличием задания, отражает степень согласованности, взаимозависимости и единства действий членов группы для достижения общей цели. У спортсменов-любителей сплочённость отражает потребность в дружеских связях между членами группы, поэтому в командах спортсменов-любителей более выражен элемент социальной сплочённости.

Важно отметить, что спортсмены-любители больше сосредоточены на формировании благоприятного психологического климата в команде, но высокие показатели психологического климата наблюдаются и в команде спортсменов-профессионалов. Можно предпо-

ложить, что нацеленная на результативность, стабильная команда профессионалов менее чувствительна к «шероховатостям» в межличностных отношениях.

Список источников

1. *Бочавер К.А.* Психология детско-юношеского спорта: книга для родителей спортсмена и тренеров. М., 2021.
2. *Золотовицкий Р.А.* Социометрия Я.Л. Морено: мера общения // Социология. 2010. № 5.
3. *Коломинский Я.Л.* Психология детского коллектива: система личных взаимоотношений. М., 2004.
4. *Петровский А.В., Ярошевский М.Г.* Теоретическая психология. М., 2001.
5. *Почебут Л.Г.* Социальная психология толпы: учебное пособие для вузов. М., 2022.
6. *Савинкина А.О.* Связь сплочённости футбольной команды с её эффективностью // Молодой учёный. 2015. № 23 (103).
7. *Свенцицкий А.Л.* Социальная психология общения: теория и практика. М., 2021.
8. *Сидоренков А.В.* Психология малой группы. Методология и теория: учебник и практикум для вузов. М., 2021.
9. *Фестингер Л.* Теория когнитивного диссонанса // Библиотека MyWord.ru URL: stavroskrest.ru (дата обращения: 23.01.2024).
10. Групповая сплочённость // Групповая сплоченность – Социальная психология. URL: studme.org (дата обращения: 23.01.2024).
11. Теория коммуникативных актов Т. Ньюкома // Теория коммуникативных актов Т. Ньюкома-Студопедия. URL: studopedia.ru (дата обращения: 23.01.2024).
12. *Carron A.V., Brawley L.R.* Cohesion: Conceptual and measurement issues // Small Group Research. 2000. № 1. P. 89–106. URL: researchgate.net (дата обращения: 23.01.2024).

Информация об авторах

О.Н. Комарова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

А.Л. Рассказова – кандидат психологических наук, доцент; доцент кафедры общей и практической психологии Института специального образования и психологии Московского городского педагогического университета, г. Москва, Россия

Information about the authors

O.N. Komarova – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor; Associate Professor of the *Department* of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

A.L. Rasskazova – Candidate of Science in Psychology, Associate Professor; Associate Professor of the *Department* of General and Practical Psychology of the Institute of Special Education and Psychology of the Moscow City Teachers' Training University, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 12.05.2024; одобрена после рецензирования 25.05.2024; принята к публикации 26.05.2024.

The article was submitted 12.05.2024; approved after reviewing 25.05.2024; accepted for publication 26.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 139–146.

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. С. 139–146.

Научная статья

УДК 159.923.3

doi:10.52470/2619046X_2024_2_139

Модель формирования экипажей летного состава гражданской авиации с учетом индивидуально-психологических особенностей

Никита Сергеевич Архипов

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, nikitos-n1@yandex.ru

Аннотация. В статье описаны результаты исследования индивидуально-психологических особенностей личности пилотов гражданской авиации, представлена модель формирования экипажей гражданской авиации, изложены результаты апробации внедрения пособия для индивидуальной психологической самоподготовки пилотов, разработанного с целью повышения эффективности взаимодействия экипажей в процессе выполнения профессиональной деятельности. Анализ результатов исследования: направленности личности, особенностей эмоционально-волевой сферы, темперамента и характера после апробации рабочей тетради пилота, показал существенные позитивные изменения выраженности компонентов индивидуально-психологических особенностей респондентов экспериментальной группы. Сдвиг является достоверно преобладающим, если $G_{amp} \leq 4$, при $p \leq 0,05$, для $n = 17$ или $G_{amp} \leq 3$, при $p \leq 0,01$, для $n = 17$.

Ключевые слова: направленность личности, эмоционально-волевая сфера, темперамент, характер, модель формирования экипажей гражданской авиации, пособие для индивидуальной психологической самоподготовки пилотов

Для цитирования: Архипов Н.С. Модель формирования экипажей летного состава гражданской авиации с учетом индивидуально-психологических особенностей // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. 139–146. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_139.

© Архипов Н.С., 2024

Original article

Model for the formation of civil aviation flight crews, taking into account individual psychological characteristics

Nikita S. Arkhipov

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia, nikitos-n1@yandex.ru

Abstract. The article describes the results of a study of the individual psychological traits of civil aviation pilots, presents a model for the formation of civil aviation crews, and presents the results of testing the implementation of a manual for individual psychological self-training of pilots, developed to increase the efficiency of crew interaction in the process of performing professional activities. Analysis of the research results: personality orientation, characteristics of the emotional-volitional sphere, temperament and character after testing the pilot's workbook, showed significant positive changes in the severity of the components of individual psychological characteristics of respondents in the experimental group. The shift is reliably dominant if $G_{amp} \leq 4$, with $p \leq 0.05$, for $n = 17$ or $G_{amp} \leq 3$, with $p \leq 0.01$, for $n = 17$.

Keywords: personality orientation, emotional-volitional sphere, temperament, character, model of formation of civil aviation crews, manual for individual psychological self-training of pilots

For citation: Arkhipov N.S. Model for the formation of civil aviation flight crews, taking into account individual psychological characteristics // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. 139–146. https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_139.

Решение задач преодоления неэффективного взаимодействия экипажей воздушного судна ведется международным авиационным сообществом еще с 70-х гг. XX в., когда необходимость изменения процессов взаимодействия внутри экипажей летного состава гражданской авиации стала одной из важнейших задач. В результате осознания данной проблематики, началось внедрению специальных программ и методик, призванных корректировать работу экипажей воздушного судна [3].

Подходы к решению проблем эффективной реализации профессиональной деятельности пилотов гражданской авиации лежат не только в области профессионального отбора, успешности обучения курсантов, развития профессионально важных качеств, оценки надежности и учета возможности ошибочных действий, но и через аспект понимания психологической составляющей в формировании экипажей.

Как показал теоретико-методологический анализ данного исследования, индивидуально-психологические особенности, которые конструктивно влияют на формирование экипажей это – направленность на взаимодействие, эмоциональная устойчивость, уровень субъективного контроля, самоконтроль, а также темпераментальные особенности, которые являются индикаторами совместимости или несовместимости членов экипажа.

Необходимость обращения к данной проблеме, обусловлена в основном психофизиологической и медицинской направленностью исследований в области надежности и безопасности полетов и влияния на них человеческого фактора.

Задачи системного подхода к разработке модели формирования экипажей пилотов гражданской авиации с учетом их индивидуально-психологических особенностей требуют комплексного осмысления.

Исходя из вышеизложенного, данное исследование направлено на изучение следующих индивидуально-психологических особенностей пилота гражданской авиации, рассматриваемых по нескольким направлениям:

- проявление и сочетание темпераментальных компонентов личности в штатных и экстремальных ситуациях профессиональной деятельности;
- взаимосвязи характерологических особенностей, выраженности качеств ответственности, дисциплинированности; устойчивости мотивов, особенностей адаптации;
- системы сформированности эмоционально-волевого контроля (навыки саморегуляции, а том числе, формы реагирования в экстренных ситуациях);
- связи направленности личности пилота с поведением и особенностями взаимодействия в экипаже.

Таким образом, преодоление неэффективного взаимодействия экипажей гражданской авиации возможно посредством поэтапного формирования экипажей на основе уточнения и систематизации психологической совместимости и учета генотипической и фенотипической обусловленности индивидуально-психологических особенностей пилотов.

Целью работы является исследование индивидуально-психологических особенностей пилотов гражданской авиации с целью разработки на их основе модели формирования экипажей пилотов гражданской авиации.

Задачи:

1. Проанализировать и обобщить теоретические представления об индивидуально-психологических особенностях пилотов гражданской авиации, как субъектов профессиональной деятельности.
2. Провести формирующий эксперимент: разработать программу исследования индивидуально-психологических особенностей пилотов, влияющих на эффективность взаимодействия экипажей.
3. Разработать и апробировать эффективную модель формирования экипажей гражданской авиации и пособие для индивидуальной психологической самоподготовки пилотов.

Исследование индивидуально-психологических особенностей пилотов гражданской авиации было проведено в три этапа: организационный (подбор материалов и инструментария исследования); эмпирический (проведение этапа эмпирического исследования и формирующий эксперимент); аналитический (обобщение и анализ результатов исследования).

В исследовании приняли участие 24 пилота. Из них: 6 летных экипажей авиакомпании «Победа» и 6 летных экипажей авиакомпании «Россия». Всего – 12 экипажей по два пилота. Средний возраст испытуемых 36,5 лет.

Эмпирический этап исследования позволил вывить индивидуально-психологические особенности пилотов гражданской авиации: направленность личности, особенности эмоционально-волевой сферы, темперамент и черты характера, посредством следующих методик:

- методика «Направленность личности» В. Смекала, М. Кучера [2], в основе которой модифицированная ориентировочная анкета Б. Басса;
- методика диагностики типа эмоциональной реакции на воздействие стимулов окружающей среды В.В. Бойко [1];
- опросник «Уровень субъективного контроля» Е.Ф. Бажина, Е.А. Голынкиной, А.М. Эткинда [5];

- опросник структуры темперамента В.М. Русалова [4];
- методика «Пять черт характера» С. Грачева [6].

Результаты исследования показали общие доминирующие тенденции выраженности компонентов индивидуально-психологических особенностей, требующие психологического воздействия: низкие показатели коллективистской направленности; уровень субъективного контроля в области производственных отношений недостаточно выражена и приближается к внешнему локусу контроля; преобладание в выборке респондентов данного исследования сангвинического типа темперамента пилотов соответствует требованиям профессионального отбора и ПВК, но лишь у 50 % испытуемых; отдельные черты характера, представлены в выборке в равном процентном соотношении, замкнутость и общительность, эмоциональная устойчивость и неустойчивость, высокий процент (более 40 %) респондентов с отсутствием самоконтроля, явные противоречия в высоком показателе практицизма и таком же высоком проценте выраженности прямолинейности.

Выявленные в экспериментальном исследовании индивидуально-психологические особенности пилотов и общие доминирующие тенденции их выраженности послужили основанием для разработки модели формирования экипажей летного состава гражданской авиации с применением саморазвития на основе когнитивно-поведенческих методов психологической работы.

Теоретическим обоснованием для разработки модели формирования экипажей гражданской авиации является: теория и методика когнитивно-поведенческой терапии, методология саморазвития личности и самоподготовки специалистов различного профиля, особенности выраженности индивидуально-психологических особенностей пилотов – их противоречия и несоответствие профессионально важным качествам.

Когнитивно-поведенческая психотерапия (КПТ), как метод довольно распространенная комплексная форма психотерапии, сочетающая в себе когнитивную терапию с поведенческой терапией [8, 9].

Применение в практической деятельности психолога когнитивно-поведенческой терапии помогает выявлять и изменять неэффективные привычки, связанные с мышлением, поведением, отношениями с другими, и заменить их на более полезные и имеет следующие преимущества, как метод:

- признана эффективной в сотнях клинических испытаний для самых разных видов расстройств;
- более конкретна, ориентирована не на прошлые травмы, а на текущие проблемы и способы их решения, происходит отработка новых навыков в реальных ситуациях, с которыми человек сталкивается в настоящем;
- навыки, которым человек обучается на сеансах, можно впоследствии использовать самостоятельно, чтобы состояние не повторялось;
- более быстрый, чем другие методы, иногда бывает достаточно 6–8 встреч, чтобы достичь улучшения самочувствия.

Когнитивно-поведенческая терапия, один из методов, признанных в настоящее время в нашей стране, как доказательный и краткосрочный метод, кроме того, опираясь на принципы КПТ, можно использовать данный метод в работе над стрессом, эмоциональным выгоранием и перегрузками, свойственными профессиональной деятельности пилотов гражданской авиации и разработать пособие для самоподготовки и саморазвития пилотов, без активного участия специалистов (на основе техник самопомощи).

Функционально саморазвитие личности понимается как процесс, обеспечивающий развитие в направлении самостоятельно заданной самой личностью цели, по механизму само-

развитие личности – акт самоизменения, обусловленный осознанным стремлением достичь желаемого, при наличии объективно имеющегося ресурса для достижения цели.

Процесс самоподготовки – это одна из форм организации учебного процесса посредством самостоятельного выполнения заданий под контролем преподавателя. Целью самоподготовки является развитие навыков самообразовательной работы, формирует самодисциплину, способствует развитию навыков самоорганизации и планирования собственной деятельности.

Самоподготовка специалистов, осуществляющих послевузовское повышение квалификации или переподготовку, является неотъемлемой частью непрерывного образования и гибким навыком профессионала, способного выдержать конкуренцию на рынке труда [7].

Использование самоподготовки для специалистов различного профиля, является важной профессиональной компетенцией и способствует формированию профессионализма и конкурентоспособности.

Теоретико-методологический обзор обоснований компонентов модели формирования экипажей гражданской авиации позволяет приступить к ее поэтапному описанию.

Предлагаемая модель формирования экипажей пилотов гражданской авиации (рисунок 1), представляет собой блок-схему, состоящую из трех сегментов:

- 1 сегмент – базовые характеристики;
- 2 сегмент – формы и методы воздействия;
- 3 сегмент – факторы совместимости.

Первый сегмент модели – «Базовые характеристики» включает в себя компоненты индивидуально-психологических особенностей пилотов и выявленные в процессе исследования противоречия и несоответствия с профессионально важными качествами пилотов гражданской авиации.

Темпераментальные особенности, являются генотипически обусловленными компонентами индивидуально-психологических особенностей личности; характерологические черты личности, фенотипически обусловлены окружением и событиями жизнедеятельности; эмоционально-волевая сфера личности, представляет собой взаимосвязь типов эмоциональных

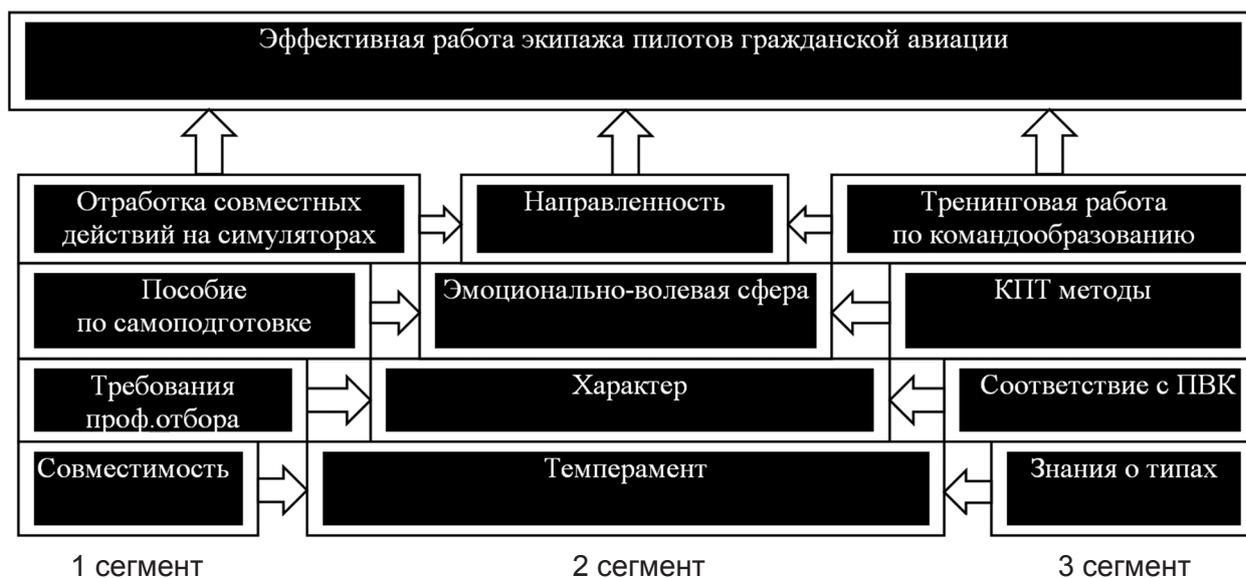

Рисунок 1. Модель формирования экипажей гражданской авиации

Figure 1. Model of formation of civil aviation crews

реакций и уровней субъективного контроля пилотов; направленность личности, отвечает за мотивы и побуждения личности, в том числе, в процессе профессиональной деятельности.

Таким образом, первый сегмент модели формирования экипажей гражданской авиации представляет собой базовые характеристики специалистов в момент исследования в обобщенной форме с усредненными характеристиками и является своеобразным стержнем, основой, на которую надстраиваются впоследствии два других сегмента.

Второй сегмент модели – «Формы и методы воздействия» включает в себя последовательность психологической работы по совершенствованию индивидуально-психологических особенностей личности, профессиональных компетенций и ПВК пилотов, в которой в качестве концептуального метода предлагается использовать принципы и методы когнитивно-поведенческой терапии, принципы саморазвития и технологию самоподготовки.

Изучение респондентами особенностей и характеристик типов темперамента, своего и своих коллег, понимание генотипической обусловленности темпераментальных особенностей; сопоставление характерологических черт личности с профессионально важными качествами; работа с эмоционально-волевой сферой пилотов посредством апробации пособия для индивидуальной психологической самоподготовки и саморазвития в русле когнитивно-поведенческой психотерапии; отработка навыков совместного командного взаимодействия в форме тренинговой работы, командообразования или совместных отработок ситуаций.

Таким образом, второй сегмент модели формирования экипажей гражданской авиации представляет систему психологического воздействия на специалистов (пилотов) на разных уровнях, оценка эффективности которой отражена в третьем сегменте блок-схемы.

Третий сегмент модели – «Факторы совместимости» включает в себя инструменты оценки и контроля эффективности проведенной психологической работы.

Исследование, понимание и учет фактической совместимости членов экипажа с различными типами темперамента, расчёт рисков негативизма и конфликтогенности, вследствие неконструктивного профессионального взаимодействия в одном экипаже пилотов с несовместимыми психофизиологическими и психоэмоциональными характеристиками; учет требований и результатов профессионального отбора, соответствие ПВК, что регламентировано нормативно-правовой документацией и локальными актами авиакомпаний; анализ апробации пособия для индивидуальной психологической самоподготовки – рабочей тетради пилота.

В структуру разработанного в рамках данного исследования пособия входят 4 блока: диагностический, теоретический, практический, аналитический, позволяющие выявить, объяснить, скорректировать и дать оценку различным психологическим явлениям, свойствам и состояниям, с которыми пилот встречается в своей профессиональной деятельности. Практические задания выполнены в форме ситуативных задач, с элементами экспозиции. Также представлены задания на работу с негативными эмоциями: тревогой, страхом, агрессией. Далее даны упражнения по саморегуляции и самопомощи. Анализ и оценку эффективности применения пособия по самоподготовке осуществляет специалист посредством сравнения результатов полученных в ходе итоговой диагностики.

Завершает третий сегмент тестирование совместимости и слаженности совместных действий, которое можно провести с применением VR/HR технологий, в форме отработки действий экипажа в штатных и экстремальных ситуациях на симуляторе на базе авиакомпаний.

Таким образом, третий сегмент модели формирования экипажей гражданской авиации позволяет провести контроль и оценку эффективности психологической работы на разных уровнях формирования экипажей, осуществляя учет воздействия: фактора совместимости, фактора соответствия ПВК, фактора саморазвития, факторов риска и экстремальности.

Описанная выше модель формирования экипажей летного состава гражданской авиации, позволяет не только выявить и скорректировать проблемные стороны, слабо выраженные

и нежелательные аспекты индивидуально-психологических особенностей личности пилотов; оценить эффективность психологического воздействия с применением принципов КПТ, саморазвития и самоподготовки, но и оптимизировать и структурировать процесс формирования экипажей пилотов гражданской авиации.

Для проверки эффективности применения разработанного пособия по индивидуальной подготовке пилотов гражданской авиации применялся квазиэкспериментальный план. Апробация пособия реализована при участии пилотов авиакомпании «Победа» и авиакомпании «Россия», г. Челябинска. Формирование выборки осуществлялось на добровольной основе. Из общей выборки (24 пилота) были выделены две группы: контрольная – 7 человек и экспериментальная 17 человек.

По результатам реализации внедрения пособия по индивидуальной подготовке пилотов проведено повторное исследование индивидуально-психологических особенностей среди участников экспериментальной группы с целью получения данных об эффективности реализованной программы самоподготовки и саморазвития. Повторная диагностика была проведена посредством тех же методик, с помощью которых проводилась первичная диагностика.

Углубленному изучению подверглись проблемные показатели выраженности индивидуально-психологических особенностей пилотов в процессе саморазвития посредством самоподготовки: направленность на взаимодействие, эмоциональная устойчивость, субъективный уровень контроля волевого компонента эмоционально-волевой сферы, работа с чертами характера, осознанию генотипической природы преобладания того или иного типа темперамента.

Данные, полученные по результатам апробации, были подвергнуты обработке при помощи G-критерия знаков с целью выявления значимых различий, полученных в результате формирующего эксперимента, и оценки сдвига показателей в каждой группе.

Анализ полученных результатов показал существенные позитивные изменения всех компонентов экспериментальной группы. Сдвиг является достоверно преобладающим, если $G_{\text{эмп.}} \leq 4$, при $p \leq 0,05$, для $n = 17$ или $G_{\text{эмп.}} \leq 3$, при $p \leq 0,01$, для $n = 17$.

Таким образом, апробированное в рамках исследования индивидуально-психологических особенностей пилотов пособие для индивидуальной психологической самоподготовки специалистов способствовало повышению эффективности их профессиональной деятельности и обосновало возможность внедрения модели формирования экипажей летного состава гражданской авиации.

Список источников

1. Ильин Е.П. Психология помощи. Альтруизм, эгоизм, эмпатия. СПб., 2013.
2. Истратова О.Н. Психодиагностика: коллекция лучших тестов. Ростов н/Д., 2006.
3. Покровский Б.Л. Психологический отбор в авиации // Труды Института психологии РАН. М., 2020. Вып. 9.
4. Русалов В.М. Темперамент в структуре индивидуальности человека. М., 2012.
5. PsyTest – уровень субъективного контроля. URL: <https://psytests.org/trait/usk-run.html> (дата обращения 28.09.2023).
6. Тестоград – пять черт характера. URL: <https://testograd.com/test/test-na-cherty-kharaktera/> (дата обращения 05.10.2023).
7. Инфоурок – самоподготовка. URL: <https://infourok.ru/samopodgotovka-vazhnyj-etap-processa-obucheniya-4896392.html> (дата обращения 23.02.2024).
8. Beck A.T., Emery G., Greenberg R.L. Anxiety disorders and phobias: A cognitive perspective. New York, 2005.
9. Cognitive-behavioral therapy for anxiety disorders: an update on the empirical evidence // Dialogues in Clinical Neuroscience. 2015. September. № 17 (3). P. 337–346.

Информация об авторе

Н.С. Архипов – аспирант Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

N.S. Arkhipov – Graduate Student of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 23.04.2024; одобрена после рецензирования 03.05.2024; принята к публикации 13.05.2024.

The article was submitted 23.04.2024; approved after reviewing 03.05.2024; accepted for publication 13.05.2024.

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. ...–....

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. С. ...–....

Научная статья

УДК 159.9

doi:10.52470/2619046X_2024_2_147

Стыд и вина как один из аспектов заниженной самооценки

Даниил Владимирович Мацаев

Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия, Mac-daniil@yandex.ru

Аннотация. В данной статье рассматриваются стыд и вина как аспекты заниженной самооценки, раскрываются современные научные представления о самопонимании и оценивании себя, анализируются причины, проявления и последствия заниженной самооценки. Важность данной темы связана с тем, что заниженная самооценка на сегодняшний день является проблемой, которая может в значительной степени ухудшить качество жизни любого человека. Как правило, люди с низкой самооценкой отличаются пассивностью и нерешительностью, они также страдают от недооценки собственных способностей. Важную роль в мотивировании человека поступать в соответствии с общепринятыми нормами и ожиданиями окружающих, играют переживания стыда и вины.

Ключевые слова: стыд, вина, мотивация, недооценка, самооценка, заниженная самооценка, оценивание себя

Для цитирования: Мацаев Д.В. Стыд и вина как один из аспектов заниженной самооценки // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 2. С. ...–.... https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_147.

Original article

Shame and guilt as one of the aspects of low self-esteem

Daniil V. Matsaev

Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Mac-daniil@yandex.ru

Abstract. This article examines shame and guilt as aspects of low self-esteem, reveals modern scientific ideas about self-understanding and self-assessment, analyzes the causes, manifestations and consequences

© Мацаев Д.В., 2024

of low self-esteem. The importance of this topic is due to the fact that low self-esteem is currently a problem that can significantly worsen the quality of life of any person. As a rule, people with low self-esteem are characterized by passivity and indecision, they also suffer from underestimation of their own abilities. Feelings of shame and guilt play an important role in motivating a person to act in accordance with generally accepted norms and expectations of others.

Keywords: shame, guilt, motivation, underestimation, self-esteem, low self-esteem, self-assessment

For citation: Matsaev D.V. Shame and guilt as one of the aspects of low self-esteem // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 2. P. ...–.... https://doi:10.52470/2619046X_2024_2_...

В психологии термин «самооценка» используется для описания общего субъективного чувства личной ценности или ценности человека. Самооценка человека говорит о том, насколько он любит и ценит себя, то, что он сам о себе думает. Самооценка представляет собой совокупность представлений человека о себе, которое сформировалось на основе сравнения себя с окружающими [6].

Существуют факторы, с помощью которых можно определить свою самооценку. К таким факторам можно отнести:

- уверенность в себе;
- чувство безопасности;
- идентичность;
- чувство принадлежности;
- чувство компетентности.

Термин «самоуважение» часто используют взаимозаменяемо с термином «самооценка». Они являются двумя стержнями, которые составляют личность человека.

Самооценка имеет множество функций:

- регуляторная;
- защитная;
- мотивирующая;
- развивающая;
- эмоциональная;
- адаптационная и др.

На самооценку человека большое влияние оказывают различные оценки окружающих его людей, а также его достижения в различных областях. Самооценка представляет собой важное условие, с помощью которого человек становится личностью.

В психологии принято выделять три вида самооценки:

- адекватная самооценка;
- неадекватная самооценка;
- смешанная самооценка.

При адекватной самооценке оценка человека совпадает с реальной действительностью.

Неадекватная самооценка является искаженной, так как оценка человека далека от объективной.

Для смешанной самооценки характерным является разная оценка и самоощущение человека себя в разные периоды жизни.

Заниженная самооценка подразумевает недооценку человеком своих достоинств, возможностей и личностных качеств. Людям с заниженной самооценкой свойственно уступать

во всем остальным, постоянно сомневаться, испытывать разочарование в силу того, что их видение самого себя является необъективным. При наличии сильных сторон и талантов у людей с низкой самооценкой, они зачастую игнорируются или недооцениваются [1].

Необходимо отметить, что завышенная самооценка, наоборот, подразумевает акцент исключительно на положительных аспектах. При этом на недостатки человек с завышенной самооценкой старается не обращать внимание.

Низкая самооценка имеет внешние проявления. К таким проявлениям можно отнести:

- мысли и убеждения человека о самом себе;
- поведение;
- эмоции и чувства;
- состояние тела.

Характерные черты заниженной самооценки:

- потерянности;
- пассивность;
- внушаемость;
- чувствительность к критике;
- застенчивость;
- нерешительность;
- необъективность.

Низкая самооценка оказывает влияние на многие сферы человеческой жизни, так как является причиной постоянных сомнений, негативных размышлений, неспособности принятия решений и т.д.

Влияние низкой самооценки на разные сферы жизни человека:

- учеба и работа;
- личные отношения;
- хобби;
- уход за собой.

Следствия низкой самооценки:

1. Низкая самооценка делает человека более уязвимым перед проблемами, с которыми ему приходится сталкиваться.
2. Низкая самооценка служит основанием формирования множества установок, жизненных ориентиров, правил и неправильных убеждений.
3. Низкая самооценка может способствовать формированию у человека различных негативных прогнозов.
4. Низкая самооценка зачастую приводит к нежеланию давать себе возможность полноценно наслаждаться жизнью.
5. Приводит к обесцениванию или полному отрицанию собственных достижений.

Стыд – это эмоция, которая относится к моральным чувствам. Чувство стыда человека связано с осознанием несоответствия его действий или поведения общепринятым правилам морали, ценностям и нормам. Именно общество оказывает влияние на это чувство, требуя соблюдения человеком принятых в социуме правил поведения. Гипертрофированное чувство стыда может заставить человека чувствовать себя неполноценным, что приведет к заниженной самооценке [4].

Чувство стыда также может иметь различные формы, которые обладают одинаковой структурой. В зависимости от отчуждения какого-либо аспекта, стыд может быть телесный,

психологический или социальный. Отличаются формы стыда только по виду наступившего кризиса идентичности.

Нормальный стыд появляется на границе взаимоотношений между «Я» и «Сверх Я». «Сверх Я» подразумевает наличие моральных норм и принятых установок, являясь своеобразным внутренним судьей. Именно оно помогает человеку влиться в социум, соблюдая общепринятые нормы поведения.

Существует также невротическая форма стыда, которая существенно мешает человеку в жизни.

Стыд оказывает существенное влияние на самооценку, так как мешает человеку развиваться и реализовывать свои возможности.

Если говорить о чувствах, которые человек испытывает после какого-либо случая, не имевшего свидетелей, то эти чувства, скорее всего, связаны с виной, а не стыдом. Вина имеет более индивидуальный характер, что и отличает ее от стыда. Чувство вины у человека связано с пониманием несоответствия своей собственной системе ценностей, имея прямое отношение к человеческой нравственности.

Вина – это деструктивное чувство, имеющее отрицательную окраску. Такая моральная эмоция как вина связана с чувством стыда, она также имеет отношение к раскаянию и сожалению.

Чувство вины связано:

- с детско-родительскими отношениями и установками семьи;
- с установками, принятыми в каждой культуре, определенном социуме;
- с личными установками.

Несмотря на то, что чувство вины связано с самообвинением и переживанием, оно может подталкивать человека к исправлению совершенных им ошибок, помогает более успешно адаптироваться в социуме, у которого есть свои установки. Тем не менее, в чрезмерной форме это чувство может привести к постоянному стрессу, а также к проблемам с психикой.

Существует множество классификаций чувства вины. Но данный феномен можно разделить на две основные категории:

- умственная (соответствующая) вины;
- иррациональная вина.

Человеку, испытывающему чувство вины свойственны такие качества, как:

- низкая самооценка;
- неудовлетворенность собой;
- неуверенность в себе;
- трудности в общении с окружающими.

Человек, который постоянно испытывает вину, не может полностью понять свои собственные желания, не умеет оценивать себя по достоинству. Чувство вины нарушает его самоощущение и саморегуляцию. Что в итоге может привести к развитию невроза или других заболеваний. Возможные физические реакции можно сравнить с чувством стыда и страха. Все эти чувства можно легко спутать. Стыд принято отделять от вины с помощью оценочной основы поведения. Как уже было сказано, стыд является публичным явлением, тогда как вина – частное.

Говоря о том, что стыд является публичным явлением, можно упомянуть тот факт, что во все времена в разных культурах стыд использовался для того, чтобы осуществлять управление общественным поведением, выступая своеобразным социальным регулятором поведения. Именно стыд и вина всегда являлись методами и способами воспитания, наказания и поощрения. Данное явление можно объяснить желанием человека быть частью группы.

Стыд – это результат публичного осуждения. Используя данный регулятор общественного поведения можно сдерживать людей от возможного совершения поступков и действий, которые являются недопустимыми, неприятыми или нежелательными в обществе. При этом общество должно отличаться определенной стабильностью, а также обладать четкими моральными и нравственными ориентирами [2].

Анализируя стыд и вину как аспекты заниженной самооценки необходимо рассмотреть различные теории. Самые первые разработки темы вины и стыда были проделаны в рамках психоанализа. Так, например, З. Фрейд уделял большое внимание рассмотрению вопроса о происхождении чувства вины. Он рассматривал вину и стыд в связи со структурой личности. В традиционном психоаналитическом подходе человек испытывает вину из-за того, что ему свойственны антисоциальные побуждения и импульсы. Фрейд в своих исследованиях говорил о том, что чувство вины может появиться до того, как он совершит сам поступок, оно не является следствием поступка.

Лоуэн говорил о том, что чувство вины подразумевает силу эго, ослабляя его способность контролировать поведение в интересах самого индивида и общества, в котором он существует. Также он говорил о том, что чувство вины может создавать эмоциональный дискомфорт, присутствовать в жизни человека, несмотря на то, что он не осознает источник чувства вины.

Для В. Райха чувство вины является результатом конфликта между любовью и ненавистью, направленными на один и тот же объект. Динамически это соответствует интенсивности сдерживаемой агрессии, которая сильна настолько, насколько велика сдерживаемая тревога.

Вина и стыд относятся к группе «самооценочных эмоций». Различают усвоение этикетных норм, действующих автоматически и присвоение социально значимых образцов на уровне необходимого и обязательного для выполнения (характерное для чувства вины) (А. Модильяна, М.Ф. Масколо, К.В. Фишер, У. Джемс) [6].

Такие исследователи как Р. Мэй, О. Ранк, Э. Фромм связывают переживание чувства вины и стыда не только с проступком, совершенным по отношению к другим людям, но и по отношению к себе.

Зачастую чувство вины свойственно человеку, который имеет определенные характеристики личности, например, тревожность, которая может быть следствием множества причин. Такие люди часто страдают комплексом неполноценности личности.

Как уже было сказано ранее, самооценка напрямую связана с самоуважением. Самоуважение, которое представляет собой сложный психологический конструкт, закладывается еще в детстве. Оно является одной из самых важных составляющих человеческой личности и стоит в одном ряду с такими понятиями, как самооценка и самоуверенность. Самооценка имеет межличностное происхождение.

Также необходимо отметить, что стыд может быть результатом осознанного или неосознанного отказа от себя, своих мыслей и чувств. А источником чувства вины может стать проступок против себя.

В отечественной науке вина и стыд исследовались в контексте изучения самосознания и самоотношения.

Самосознание представляет собой процесс, в ходе которого человек осознает себя, учитывая все его личностные, индивидуальные особенности, осмысливает свою сущность, определяет себя в широкой сети социальных взаимосвязей.

Под самоотношением понимается целостное, относительно постоянное эмоциональное отношение человека к самому себе. Самоотношением является мера принятия или, наоборот, неприятия человеком самого себя.

В понятие самоотношение входят:

- самоуважение;
- любовь к себе;
- самооценка;
- уверенность в себе;
- принятие себя;
- самообвинение;
- недовольство собой.

Иногда вина противопоставляется стыду. Несмотря на то, что многие исследования говорят о том, что это разные аффективные переживания, зачастую данные термины используются как синонимы, обозначающие моральные эмоции человека. Обе эти эмоции являются эмоциями самообвинения, возникновение которых может быть связано с широким спектром неудач, поступков и социальных ошибок.

Как уже было сказано, низкая самооценка может способствовать появлению множества проблем. Так, например, страх провала может заставить человека начать избегать новых задач. Также низкая самооценка может привести к тому, что человек начнет избегать социальных контактов и отношений, что сделает его пассивным и отстранённым. Низкая самооценка может привести к снижению психической активности, плохому настроению, а также двигательной заторможенности. Все это может в существенной степени отразиться на качестве жизни человека [5].

Несмотря на перечисленные негативные аспекты стыда и вины, они, тем не менее, могут положительно влиять на человека и в какой-то степени стать для него полезными. Иногда стыд может помочь человеку понять совершенные ошибки и имеющиеся в нем недостатки, способствуя появлению желания изменить жизнь в лучшую сторону.

Стыд и вина перестают быть полезной эмоцией тогда, когда они становятся чрезмерными или постоянными. Именно эта чрезмерность приводит негативным последствиям, в том числе и заниженной самооценке.

Таким образом, можно сделать выводы о том, что низкая самооценка представляет собой разрушительное явление, которое затрагивает не только самого человека с низкой самооценкой, но и всех его близких и окружающих его людей.

Стыд и вина призваны играть в жизни людей роль общественных регуляторов. Несмотря на то, что стыд и вина должны способствовать интеграции человека в общество, зачастую они выступают в качестве препятствий в общении, придавая ему некоторую напряженность. Переживание вины и стыда препятствуют социальной адаптации человека, нарушая его социальное восприятие. Чувства стыда и вины приводят к тому, что человек начинает чувствовать себя бесполезным или бессильным.

Самооценка может быть завышенной, нормальной и заниженной. Только при нормальной самооценке человек может адекватно воспринимать свои способности. Низкая самооценка препятствует достижению целей, заставляет человека отказаться от достижения успеха. Постоянное чувство стыда и вины могут привести к апатии и развитию депрессии [3].

Анализируя стыд и вину как аспекты заниженной самооценки можно сделать выводы о том, что чувства вина и стыда являются мучительными чувствами, наносящими вред нашей самооценке. Вина и стыд приводят к появлению психического стресса, наносит вред физическому здоровью человека, мешает эмоциональному благополучию, а также побуждают человека использовать нездоровые механизмы для преодоления различных жизненных трудностей.

Стыд и вина – это две эмоции, которые могут оказывать влияние на благосклонность в глазах социума, а также на самооценку человека. Это достаточно сильные эмоции, которые человек испытывает, совершив неприемлемый поступок.

Стыд и вина имеют много общего: это эмоции самосознания, подразумевающие самоанализ и самооценку; они связаны с негативной самооценкой и чувством дистресса, вызванными предполагаемыми неудачами или проступками; они сильно коррелируют друг с другом и часто сосуществуют. Однако многие исследователи говорят о том, что стыд и вина имеют различия и эти различия имеют значение.

Список источников

1. *Алейникова А.Б.* Влияние самооценки на жизнедеятельность людей // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 3.
2. *Горнаева С.В.* Вина и стыд в контексте психологической регуляции социального поведения личности // Мир науки, культуры, образования. 2012. № 2.
3. *Лазгиева Д.М.* Самооценка как показатель личности // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2021. № 1.
4. *Марков Б.В.* Аналитика вины, стыда и совести // Этическая мысль. 2020. № 7.
5. *Молчанова О.Н.* Психология самооценки: учебное пособие для вузов. М., 2023.
6. *Тестова М.А.* Низкая самооценка, как результат современного общества // Вестник науки. 2021. № 4.

Информация об авторе

Мацаев Д.В. – аспирант Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the author

Matsaev D.V. – Graduate Student of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Статья поступила в редакцию 18.04.2024; одобрена после рецензирования 13.05.2024; принята к публикации 14.05.2024.

The article was submitted 18.04.2024; approved after reviewing 13.05.2024; accepted for publication 14.05.2024.

Приглашение к публикации

The invitation to the publication

Научный и информационно-аналитический журнал «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» включен в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук (Перечень ВАК РФ).

Редакционная коллегия журнала принимает к рассмотрению статьи по следующим научным специальностям:

- 2.1.11. Строительные конструкции, здания и сооружения (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (технические науки);
- 2.1.12. Архитектура зданий и сооружений. Творческие концепции архитектурной деятельности (архитектура);
- 5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки);
- 5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная лингвистика (филологические науки);
- 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии (медицинские науки).

Оформление текста статей осуществляется в соответствии с ГОСТ Р 7.0.7–2021 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление». Требования к содержанию, структуре и оформлению текста статьи, а также пример оформления текста приведены ниже.

Не принимаются статьи, опубликованные в других изданиях или представленные для публикации в другие издания.

Количество авторов в статье не должно превышать трёх человек.

Ответственность за достоверность указанных сведений несут авторы статей. Автор/авторы гарантируют, что он/они обладают исключительными правами на представленное произведение (статью).

Внимание! При несоответствии содержания представленной статьи тематике журнала и/или её несоблюдения правилам оформления редакция журнала имеет право отклонить присланный материал. Также редакция оставляет за собой право делать необходимые исправления и сокращения текста статьи.

Поступившие в редакцию статьи проходят проверку на степень оригинальности (используется Интернет-система «Антиплагиат») и подвергаются рецензированию. Срок рецензирования статей – 1 месяц.

Статьи представляются в сроки, установленные графиком выхода номеров журнала.

График выхода журнала «Вестник МАСИ»

<i>Номер журнала</i>	<i>Срок представления статей в номер</i>	<i>Срок выхода номера из печати</i>
№ 1	До 01 февраля	Март
№ 2	До 15 апреля	Июнь
№ 3	До 15 июля	Сентябрь
№ 4	До 01 ноября	Декабрь

Редакция научного рецензируемого журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» до-

водит до сведения авторов, что издатель журнала заключил договор о передаче ООО «НЭБ» (РИНЦ) неисключительных прав на использование журнала «Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института» в целом, так и произведений (статей) авторов путем создания их электронных копий и распространения любым способом, в том числе путем размещения в интегрированном информационном ресурсе в российской зоне интернета НЭБ, без выплаты автору и иным лицам вознаграждения. При этом каждый экземпляр произведения (статьи) будет содержать имя автора произведения (статьи).

**Статьи следует направлять ответственному редактору Дарье Андреевне Семеновой.
E-mail: Semenova.D@mfua.ru**

По вопросам, связанным с публикацией статей и получением авторских печатных экземпляров журнала следует обращаться к ответственным редакторам Нине Вячеславовне Бессарабовой и Дарье Андреевне Семёновой по адресу:
117342, г. Москва, ул. Введенского, д. 1А, каб. 9.03.
Тел. 499-979-00-99, доб. 1135

Требования к структуре и содержанию статьи

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об издании, в котором опубликована статья. Указываются следующим образом:</p> <p>Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2024. № 1. С. ...–....</p> <p>Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2024. № 1. С. ...–....</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Номера страниц проставляют редакторы</p>
<p>Тип статьи. Указывается следующим образом:</p> <p>Научная статья Original article</p>	<p><i>На русском и английском языках</i></p>
<p>Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК)</p>	<p>Для присвоения УДК используются on-line ресурсы, например, http://teacode.com/online/udc/</p>
<p>Цифровой идентификатор объекта (Digital Object Identifier – DOI)</p>	<p>Проставляется автором следующим образом: doi:10.52470/2619046X_..._..._...</p> <p>В завершённом виде DOI будет указан редакторами</p>
<p>Заглавие статьи</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Приводится строчными буквами (за исключением первой буквы первого слова, имён собственных, географических названий, общепринятых аббревиатур и т.д.)</p>
<p>Имя Отчество Фамилия автора/авторов</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i></p> <p>Имена и отчества указываются полностью</p>

<i>Структура статьи и последовательность её элементов</i>	<i>Примечание</i>
<p>Сведения об авторе/авторах: Место работы/учёбы с указанием города и государства, адрес электронной почты (e-mail), при наличии – открытый идентификатор учёного (Open Researcher and Contributor ID – ORCID)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Если авторов несколько, сведения указываются на разных строках и связываются с именами авторов с помощью надстрочных цифровых обозначений. Название организации – места работы/учёбы – указывается полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица (ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п.)</p>
<p>Аннотация (Abstract)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Должна содержать краткую информацию о статье. Объём – 100–250 слов</p>
<p>Ключевые слова (Keywords)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> 4–7 слов и/или словосочетаний, отражающих её содержание</p>
<p>Благодарности (Acknowledgments) – при необходимости</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Слова признательности организациям и лицам, оказавшим помощь в подготовке статьи; сведения о грантах, финансировании подготовки и публикации статьи, проектах, научно-исследовательских работах, по результатам которых опубликована статья</p>
<p>Для цитирования (For citation)</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Библиографическая запись на статью для дальнейшего цитирования – в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления»</p>
<p>Текст статьи</p>	<p>Объём статьи – 10–15 страниц. Статья должна содержать следующие элементы (не следует выделять их подзаголовками в тексте): – введение (обоснование актуальности темы и постановку проблемы исследования; формулирование целей и задач статьи; обзор публикаций по теме исследования; освещение применяемых методов); – изложение основного материала статьи с обоснованием полученных научных результатов; – заключение (подведение итогов исследования и освещение перспективы дальнейших поисков в данном направлении)</p>
<p>Список источников</p>	<p>В список источников включаются только те издания и электронные ресурсы, которые упомянуты или цитируются в тексте статьи. Рекомендуется ссылаться на официальные источники (нормативные правовые акты, статистические данные и др.) и на научную литературу. Ссылки на учебные издания в научном исследовании нежелательны. Ссылки на собственные публикации автора/авторов допускаются лишь в виде исключения, при этом доля самоцитирования может составлять не более 5 % от общего числа источников</p>
<p>Информация об авторе/авторах (Information about the author/authors): инициалы и фамилия, ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), должность и место работы с указанием города и страны</p>	<p><i>На русском и английском языках.</i> Все сведения указываются полностью, без сокращений</p>

Правила оформления текста научной статьи

<i>Наименование характеристики</i>	<i>Правила оформления</i>
Форма представления материалов	Электронная, Microsoft Word, *.doc или *.docx
Название пересылаемых файлов	Отдельными файлами высылаются электронные версии текста научной статьи и авторской анкеты. Названия файлов должны содержать фамилию первого автора и пометку о типе документа (<i>пример</i> : Иванов_Статья.doc, Иванов_Анкета.doc)
Формат страницы	A4
Поля	Все – 2 см
Выравнивание текста	По ширине
Шрифт	Times New Roman
Размер шрифта	14
Межстрочный интервал	1,5
Абзацный отступ	1 см
Формулы и уравнения	Формулы и уравнения желательно набирать в редакторе Word обычными буквами и символами. Использование встроенного в Microsoft Word редактора формул допускается лишь при наборе наиболее сложных формул. Не следует использовать встроенный в Microsoft Word редактор уравнений. Не допускаются формулы и уравнения в виде изображений и сканов
Графический материал (рисунки, схемы, графики, диаграммы)	Представляется в черно-белом варианте. Все рисунки, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно помещается после самого рисунка, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Вся экспликация (подписи) в поле рисунка должны быть выполнены Times New Roman, размер шрифта – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на рисунки
Таблицы	Все таблицы, встречающиеся в тексте, должны быть пронумерованы и иметь название, которое приводится на русском и английском языках. Оно располагается перед таблицей, выделяется жирным шрифтом и выравнивается по центру. Текст шрифта в графах таблицы – 12 или 14. В тексте статьи обязательны ссылки на таблицы
Фотографии	В случае наличия фотографий в статье они должны быть продублированы отдельным файлом в форматах *.tiff или *.jpg с разрешением не менее 300 dpi
Количество рисунков и таблиц	Не более пяти рисунков и/или не более пяти таблиц
Ссылки на источники в тексте статьи	Закljučаются в квадратные скобки с указанием номера из списка источников: [5] или [5, с. 67]. Если ссылка включает в себя несколько изданий, то они перечисляются, разделяясь точкой с запятой: [5, с. 67; 8; 10, с. 204–208]
Список источников	Библиографические описания источников – как русских, так и иностранных – оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления». Ссылка на каждый из источников приводятся на языке его публикации. Источники следуют в списке в алфавитном порядке. Если среди них есть нормативные правовые акты, они указываются в начале списка, перед прочими изданиями. Источники на иностранных языках указываются в конце списка

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ НАУЧНОЙ СТАТЬИ

Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4. С. ...–....

Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2022. № 4. С. ...–....

Научная статья

УДК 721

doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Технологии информационного моделирования как инструмент проектирования архитектурных объектов

Анастасия Романовна Забегина¹, Елена Александровна Булгакова²

^{1,2} Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт, г. Москва, Россия

¹ anstasay@yandex.ru

² traumeels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-000>

Аннотация. В статье рассмотрена проблема цифровизации архитектурной деятельности, где основным инструментом являются технологии информационного моделирования (ТИМ). Современные требования отрасли вызывают необходимость разработки новых методов и технологий, в которых архитектура и традиционные художественные дисциплины должны объединиться с достижениями в области информационного моделирования. На основе анализа и обобщения сделан вывод об актуальности проблемы для современной архитектуры и приведена классификация применения ТИМ на различных этапах проектирования.

Ключевые слова: цифровизация, архитектурная практика, инновационные технологии, технологии информационного моделирования, проектирование

Для цитирования: Забегина А.Р., Булгакова Е.А. Технологии информационного моделирования как инструмент проектирования архитектурных объектов // Вестник Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института. 2022. № 4. С. ...–....
https://doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Original article

Information modeling technologies as a tool for designing architectural objects

Anastasiya R. Zabegina¹, Elena A. Bulgakova³

^{1,2} Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

¹ anstasay@yandex.ru

²traumeels@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

Abstract. The article considers the problem of digitalization of architectural activity, where the main tool is information modeling technologies (IMT). The current demands of the industry necessitate the development of new methods and technologies in which architecture and traditional artistic disciplines must be combined with advances in information modeling. Based on the analysis and generalization, a conclusion was made about the relevance of the problem for modern architecture and a classification of the use of TIM at various stages of design is given.

Keywords: digitalization, architectural practice, innovative technologies, information modeling technologies, design

For citation: Zabegina A.R., Bulgakova E.A. Information modeling technologies as a tool for designing architectural objects // Herald of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute. 2022. № 4. P. ...–.... https://doi:10.52470/2619046X_..._..._...

Проблема развития процесса архитектурного проектирования в условиях быстрой эволюции средств компьютерной автоматизации стоит довольно остро как в проектной практике, так и в архитектурном образовании.

<...>

Ведущая консалтинговая компания по предоставлению услуг по обучению информационным технологиям и внедрению BIM в проектирование представляет такую стадийность BIM [8], где связывает стадии проектирования с количеством информации, которая содержится в модели будущего здания (*рисунок 1*).

<...>

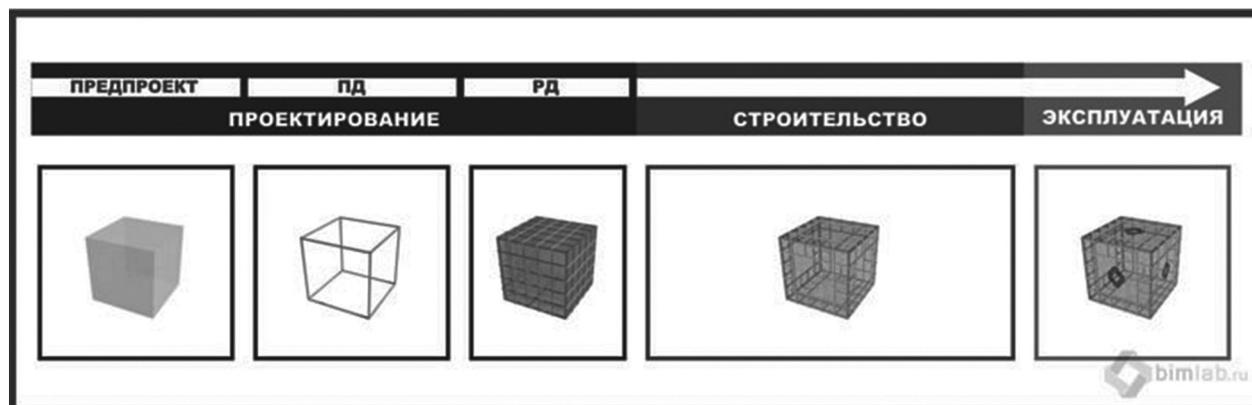

Рисунок 1. Взаимосвязь стадий проектирования и информации в модели [9]

Figure 1. Relationship between design stages and information in the model [9]

Исходя из этапов строительства, проектирования и процесса моделирования, используя метод синтеза, можно представить стадии проектирования в BIM (*таблица 1*).

Таблица 1. Стадии проектирования в BIM

Table 1. Design stages in BIM

<i>Стадия</i>	<i>Описание</i>	<i>Роль архитектора</i>
Предпроектный анализ	Технико-экономическое обоснование проекта, ограничения для дальнейшего проектирования, анализ требования заказчика	Архитектор знакомится с требованиями заказчика и с предпроектным анализом (градостроительным и т.д.)
Формирование технического задания на проектирование	Техническое задание (ТЗ), информационные требования к BIM модели (EIR)	–
<...>	<...>	<...>

<...>

Подводя итоги, нужно отметить, что <...>

Библиографический список

1. *Булгакова Е.А., Меерович М.Г.* Учебное пособие для преподавателей вузов по разработке дистанционных курсов обучения по направлению «Архитектура» // Хроники объединенного фонда электронных ресурсов наука и образование. 2016. № 5 (84).

<...>

7. URL: <https://bimlab.ru/faq-bim-stage.html> (дата обращения: 23.02.2022).

<...>

Информация об авторах

А.Р. Забегина – преподаватель Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Е.А. Булгакова – кандидат архитектуры, доцент; заведующий кафедрой архитектуры и дизайна Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно-строительного института, г. Москва, Россия

Information about the authors

A.R. Zabegina – Lecturer of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

E.A. Bulgakova – Candidate of Science in Architecture, Associate Professor; Head of the Department of Architecture and Design of the Moscow University of Information Technologies – Moscow Architectural and Construction Institute, Moscow, Russia

Анкета автора

<i>Сведения об авторе</i>	<i>На русском</i>	<i>На английском</i>
Имя Отчество Фамилия (полностью, без сокращений до инициалов)		
Ученая степень (полностью, без сокращений – при наличии)		
Учёное звание (полностью, без сокращений – при наличии)		
Должность (полностью)		
Место работы/учёбы (Полностью, без сокращений и без обозначения организационно-правовой формы юридического лица – ФГБУН, ФГБОУ ВО АО и т.п. С указанием структурного подразделения, города и государства)		
ORCID – открытый идентификатор учёного, Open Researcher and Contributor ID (при наличии)		
Адрес электронной почты (E-mail)		Не заполняется
Контактный телефон		Не заполняется
Почтовый адрес для отправки авторского экземпляра журнала (с указанием индекса и полного Ф.И.О. получателя)		Не заполняется
Название статьи		

Все графы, в которых не указано «Не заполняется», являются обязательными для заполнения.

Если в статье несколько авторов, на каждого заполняется отдельная анкета.

Все анкеты авторов одной статьи можно представить в одном файле

ВЕСТНИК

Московского информационно-технологического университета – Московского архитектурно- строительного института

№ 2 / 2024

Издание подготовили:

Редакторы

Н.В. Бессарабова, Д.А. Семёнова

Редактор английского текста

Д.М. Гусаров

Компьютерная верстка

Н.В. Бессарабова

Дизайн обложки

А. Зернова

Подписано в печать 20.06.2024. Формат 60x90^{1/8}.

Гарнитура Times New Roman.

Печать офсетная. Печ. л. 10,1.

Тираж 500 экз. Заказ № _____

Отпечатано в ООО «ИПЦ „Маска“»

117246, Москва, Научный проезд, д. 20, стр. 9, оф. 212

Телефон: +7 (495) 510-32-98